

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1913.

№ 6.

МАРТЪ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

О религіозномъ опытѣ. Іеромонаха Серапіона . . .	700—717
Гдѣ рай? (Оконч.). Священ. І. Дмитревскаго . . .	718—741
Вліяніе педагогическихъ и богословскихъ взглядовъ Феофана Прокоповича на церковно-школьное образование и воспитаніе на Руси въ первой половинѣ XVIII вѣка. (Оконч.). Н.	742—755
Эстетическое созерцаніе природы. (Оконч.). И. К. Глад- наго	756—772
Познаніе сверхчувствен. міра. (Оконч.). И. С. Продана .	773—791
Факты и воспоминанія изъ жизни герцеговинца на службѣ по духовно-учебному вѣдомству. (Продолж.). Прот. І. Пичеты .	792—800

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ о состояніи Харьков. Епарх.
женск. училища. (Продолж.).—II. Слово на 2-ю пассію (8 марта 1913 г.)
Законоучителя Харьковской 2-й гимназіи, свящ. І. Артинскаго.—О поль-
зѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропиче-
скихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьк. епархіи. (Продолж.).
Архимандрита Аванасія.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный
отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Библиографія.—Объявленія.—
(Стр. 801—844).

ХАРЬКОВЪ.

«Епархіальная Типографія», Каплуновская ул., д. № 2.

1913.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочки въ уплатѣ не допускаются.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Петковской, Петровскія линіи; въ вн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1912 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ

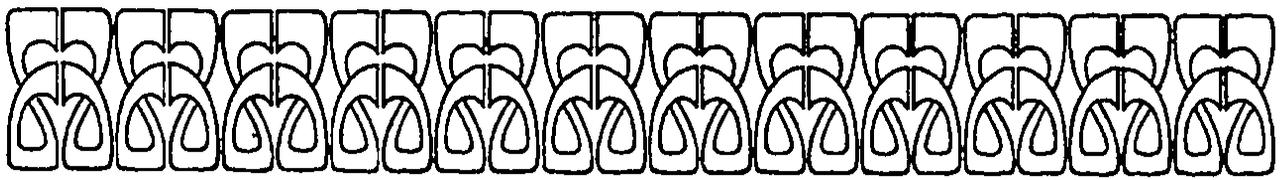
СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίσται νοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено Цензурою, 31 Марта 1913 года.
Цензоръ Протоіерей Петръ Голинъ.

О РЕЛИГИОЗНОМЪ ОПЫТѢ

(Съ гносеологической точки зрѣнія).

Всякое знаніе, не исключая и религіознаго, въ своей основѣ должно имѣть дѣйствительный опытъ, проистекая изъ живого взаимодействія субъекта и объекта. Но особенность религіознаго опыта заключается въ той, повидимому, несоизмѣримости, какая существуетъ между конечнымъ, ограниченнымъ субъектомъ, человѣкомъ, и абсолютнымъ объектомъ—Божествомъ. И если непосредственное усмотрѣніе конечныхъ трансцендентальныхъ связей видимаго міра представляется еще для многихъ далеко неочевидной истиной, то тѣмъ болѣе *здѣсь* возникаетъ вопросъ: да возможно ли „коренное“, интимное, духовное познаніе Сущаго?

Возможно ли это для насъ, отпадшихъ отъ духовно-таинственнаго дерева ¹⁾, облеченныхъ въ „кожанныя одежды“—въ тѣла дебелыя ²⁾, отъ срастворенія съ которыми энергія ума ослабляется и, скованная категоріями, не можетъ быть въ непосредственномъ прикосновеніи съ мысленными вещами ³⁾?

— По свидѣтельству, преимущественно христіанскихъ мистиковъ, непосредственное познаніе возможно, но оно сверхъестественно; оно привходитъ въ умъ путемъ, превышающимъ его естественные способы и силы, причемъ умъ долженъ какъ бы обезтѣлеситься ⁴⁾. Правда, къ подобнымъ „страннымъ глаголамъ“ мистиковъ созерцателей часто относятся скептически, заподозрѣвая ихъ въ галлюцинаторномъ

¹⁾ Это дерево, по мнѣнію еп. Игнатія Бранчанинова,—любовь Божія. См. также 83-е слово Исаака Сирина.

²⁾ Мысль Григорія Нисскаго.

³⁾ Преп. Феодоръ Добротолюбіе т. 3-й.

⁴⁾ Ibid.

помѣшательствѣ, иллюзарныхъ ощущеніяхъ и т. п. Но... фактъ остается фактомъ, и цѣнность его далеко не всегда умаляется отъ того, что онъ протекалъ при психо-патологическихъ состояніяхъ субъекта. Однако оставимъ пока эти высоты созерцанія идебри психіатріи. Начнемъ *ab ovo*.

Признаніе высочайшаго Существа въ самыхъ различныхъ видахъ, начиная съ грубѣйшихъ и кончая тончайшими его формами, всѣми людьми есть фактъ несомнѣнный. Отсутствіе *понятія* о Богѣ-Творцѣ-Вседержителѣ (напр. у нѣкоторыхъ дикарей) нисколько не мѣшаетъ тому, что люди имѣютъ *со-знаніе* о чемъ-то такомъ, что выше, могущественнѣе всего. И у атеистовъ есть это сознаніе о наивысшемъ, только они ложно мыслятъ о немъ, обоготворяя силу, матерію, субстанцію и др. „отвлеченныя начала“, т. е. идолопоклонствуютъ, поклоняясь твари вмѣсто Творца. Вотъ въ этомъ-то переживаніи „наивысшаго“ заключается уже зародышъ интуитивнаго познанія Сущаго. Это не знаніе въ собственномъ смыслѣ, а вѣра или т. наз. интеллектуальное чувство. Въ процессѣ мышленія оно опознается. Такимъ образомъ, оно образуетъ подпочву естественнаго или посредственнаго познанія Бога. Въ зависимости отъ качественности и интенсивности переживанія, а также и интеллектуальнаго развитія получаютъ различные аспекты Божества. Вопросъ объ истинности *этого* познанія стоитъ въ связи: 1) съ вопросомъ объ адекватности научнаго познанія, познанія конечной данности и 2) съ предпосылкой откровеннаго ученія о поврежденіи человѣческой природы черезъ грѣхопаденіе.

— „Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“—вотъ исходная яркая точка философскаго скепсиса.

Категоріальныя синтезы, преграждающіе доступъ къ „вещи въ себѣ“, завершаютъ его путь.

Все, что воспринимается нами, обусловлено самою формою нашего мышленія и чувственнаго воспріятія. Что такое міръ помимо нашего мышленія, и воспріятія этого мы не можемъ ни воспріять, ни мыслить. Даже „я“ можетъ познать себя только черезъ преломляющую призму разсудка, въ формѣ явленія.

Я и не-я сами по себѣ остаются совершенно непознаваемыми. Сущность, „вещь въ себѣ“—намъ недоступна.

Но, какъ справедливо говоритъ кн. С. Н. Трубецкой¹⁾, „вещь въ себѣ“ т. е. такая вещь, которая не только не является намъ, но находится внѣ всякаго возможнаго отношенія къ міру нашего опыта, къ міру явленій есть лишь отвлеченное понятіе нашего разума и, какъ чистая отвлеченность, не имѣетъ абсолютно никакой реальности внѣ нашей мысли, а между тѣмъ оно предполагаетъ именно реальность абсолютно внѣшнюю ей и не имѣющую къ ней никакого отношенія“. Субстанція не трансцендентна, но имманентна своимъ явленіямъ.

Все существующее имѣетъ какъ бытіе въ себѣ и для себя, такъ и бытіе для другого, есть и сущность и явленіе. Поскольку явленіе есть не что иное, какъ обнаруженіе сущаго въ себѣ, то познавая явленіе, мы тѣмъ самымъ имѣемъ нѣкоторое познаніе этого сущаго, обнаруживающагося въ явленіи. Наше познаніе, хотя и не можетъ обнимать метафизическое существо въ его внутренней дѣйствительности или субъективномъ содержаніи, тѣмъ не менѣе можетъ и должно быть адекватнымъ отраженіемъ этого существа въ его формѣ или объективномъ содержаніи, которое и есть не что иное, какъ обнаруженіе или бытіе для другого той внутренней сущности недоступной въ себѣ самой²⁾.

Чтобы глубже проникнуть въ эту сущность, надо не ограничиваться одними явленіями, ибо въ чувственномъ опытѣ и рациональномъ, и умозрительномъ мышленіи познающій субъектъ только граничитъ съ предметомъ, а не соединяется съ нимъ внутренно, только соприкасается съ нимъ, а не проникаетъ въ него, вслѣдствіе чего такое познаніе и не можетъ быть истиннымъ, объективнымъ познаніемъ; очевидно это послѣднее предполагаетъ между познающимъ и познаваемымъ такое отношеніе, въ которомъ они соединены другъ съ другомъ не внѣшнимъ и случайнымъ образомъ, не въ матеріальномъ фактѣ ощущенія и не въ логической формѣ понятія, а существенною и внутреннею связью соединены въ самихъ основахъ своего существа, или въ томъ, что есть безусловное въ обоихъ. Это знаніе безусловное, мистическое³⁾.

1) Сочиненія т. II. „Обоснованія идеализма“ стр. 166.

2) Вл. Соловьевъ т. I стр. 207—290. II 32.

3) Ibid. „Критика отвлеч. началъ“.

Наброшенная здѣсь гносеологическая теорія можетъ служить базою въ рѣшеніи вопроса о Богопознаніи.

Міръ, какъ во всемъ своемъ составѣ, такъ и въ малѣйшихъ частяхъ, есть безконечно мудрое художественное произведеніе Божіе. Мысль Божія о мірѣ и частяхъ его (міръ идеальный) содержащаяся въ умѣ Божіемъ, отъ вѣчности, при переходѣ во время, или при осуществленіи волею Божіею безконечною, была облечена силами и стихіями, черезъ кои и явилась въ дѣйствительности¹⁾. И вотъ поскольку міровыя явленія представляютъ изъ себя обьективированныя мысли Божіи, постольку мы можемъ познавать существо Божіе черезъ Его свойства, явленныя въ мірѣ. „Невидимое Его, вѣчная сила и Божество, отъ созданія міра видимы черезъ разсматриваніе твореній“. Но этого, очевидно, мало для истиннаго знанія, ибо язычники, познавъ Бога такимъ путемъ, не прославили Его, какъ Бога. Гдѣ же причина? Въ грѣхопадении прежде всего, а затѣмъ и вмѣстѣ съ этимъ въ неполнотѣ познанія. Грѣхомъ своимъ человекъ внесъ и въ міръ растлѣніе; померкло сіяніе славы Божіей. И если первозданный человекъ могъ въ тѣлахъ небесныхъ и въ животныхъ, земныхъ, въ деревьяхъ, въ послѣдней былинкѣ безпрепятственно читать творческую волю и мысли Отца небеснаго, внятно слышать зиждительные глаголы Упостаснаго Слова и съ живостью наслаждаться разносящимся всюду вѣяніемъ Духа, то для павшаго человека всѣ эти стихіи міра сдѣлались для этой цѣли „немоцными и худыми³⁾“. „Изъ мысленной, чистой, разумной и безобразной жизни человека низринуть былъ въ эту чувственную, многосоставную, многовидную, въ образы и мечтанія погруженную жизнь въ состояніи неразумныхъ, животныхъ⁴⁾“.

Отпавши отъ центра на периферію, люди уже не могли имѣть непосредственнаго реальнаго сношенія съ предметами знанія, какъ въ кривомъ зеркалѣ, въ субъективномъ по преимуществу, процессѣ познанія, отражались невѣдомыя силы. Познавъ Бога путемъ умозаключеній и „гаданій“, люди

1) Еп. Теофанъ. Начертаніе христіанск. нравоученія стр. 238.

2) Ап. Павелъ. посл. Римлян. 1, 20.

3) Галат. 49, Архим. Теодоръ (Бухаревъ): Отношеніе православія къ современности, стр. 73 и 74.

4) Невидимая брань, стр. 115.

имѣли лишь предположительное знаніе о Немъ. Но въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, пророковъ и мудрецовъ, человечество приходило къ сознанію необходимости безусловнаго, мистическаго познанія путемъ непосредственнаго общенія съ Объектомъ, путемъ Бого-употребленія. Эту „древнюю истину“ въ полномъ объемѣ принесъ на землю Христосъ Спаситель и благодатію Своею снялъ съ души человѣческой „покрывало духа тьмы“. Для усвоенія же этой истины нужно реальное соединеніе съ источникомъ ея и осіяніе благодатью Святого Духа. Нуженъ личный свободный подвигъ, безъ этого же человѣкъ остается язычникомъ, хотя бы и числился христіаниномъ. Богопознаніе совершается у такового естественнымъ путемъ, какъ и у людей, жившихъ до пришествія Христа. Варіируются лишь формы. „Невѣдомый Богъ“ Аѳинянъ трансформировался у современныхъ англійскихъ философовъ-агностиковъ въ „непознаваемое абсолютное“. Несмотря на „научность“ мышленія, человѣкъ все же дополняетъ наличный міръ существующей дѣйствительности особымъ міромъ дѣйствительности вѣроятной. Это все та же вѣра, оформляемая въ процессѣ познанія, и здѣсь и тамъ. Это опосредствованіе дискурсивными процессами разсудка лишаетъ воспріятіе Непознаваемаго той ясности, которая свойственна дѣйствительному мистическому познанію, основанному на интуиціи и нравственномъ опытѣ, на непосредственномъ созерцаніи. Не абсолютно непосредственнымъ, конечно, какъ это и вытекаетъ изъ выше развитыхъ гносеологическихъ воззрѣній. Но и не такъ опосредствованномъ, какъ это думаетъ одинъ нашъ христіанскій мыслитель-богословъ.

„Непосредственное интуитивное въ точномъ смыслѣ слова познаніе,—пишетъ онъ противъ мистицизма Якоби,—невозможно для человѣка, существа условнаго и ограниченнаго. Какъ въ познаніи существенномъ эмпирическомъ, которое Якоби ставитъ въ параллель съ познаніемъ чувственно-духовномъ, мы ощущаемъ предметы не сами по себѣ, но черезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ, изъ которыхъ каждое кладетъ на эти ощущенія свой субъективный отпечатокъ, такъ и въ познаніи или ощущеніи сверхчувственнаго мы имѣемъ это сверхчувственное не въ его полной объективной чистотѣ, но въ соединеніи съ формами нашего ограниченнаго умственнаго познанія. При настоящихъ усло-

віяхъ нашего познанія мы видимъ Бога не лицомъ къ лицу, но какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, отчасти. (1 кор. 13 12) ¹⁾.

Думается, что философъ стоитъ здѣсь на естественной лишь плоскости; но даже и въ познаніи „отчасти“ существуютъ различныя степени; не стоя на кантовской точкѣ зрѣнія, заковывающей бытіе въ *известныя* лишь категоріи, мы допускаемъ иныя, высшія, и вглубь и вширь. Тѣмъ болѣе это можно утверждать, стоя на христіанско-благодатной почвѣ. „Имѣющій благодать имѣетъ *иной* духъ, *иной* умъ, *иной* смыслъ и *иную* мудрость, нежели какова мудрость міра сего“ ²⁾. Таковой отселѣ уже восхищается въ тотъ вѣкъ и видитъ *тамошнія* красоты и чудеса. Но эти красоты неизреченны. „Когда случается тебѣ,—пишетъ Макарій Египетскій,—слышать объ общеніи жениха съ невѣстою, о хорахъ пѣвцовъ, о праздникахъ, то не представляй ничего вещественнаго и земного; это берется только въ примѣръ по снисхожденію, поелику тѣ вещи неизреченны, духовны и неприкосновенны для плотскихъ очей, но подходятъ подъ понятія только души святой и вѣрной. Общеніе св. Духа, небесныя сокровища и т. д. понятны только для человѣка, познавшаго сіе самымъ опытомъ, а неиспытанный не можетъ вовсе и представить себѣ этого“ ³⁾.

Многочисленныя свидѣтельства о „неизреченности“ этого мы находимъ у христіанскихъ и не-христіанскихъ мистиковъ ⁴⁾. Азіатскіе и европейскіе мистики, александрійскіе платоники и еврейскіе каббалисты, отцы Церкви и независимые мыслители, персидскіе суфи и итальянскіе монахи, кардиналъ Николай Кузанскій и Яковъ Беме, Діонисій Ареопагитъ и Спиноза, Максимъ Исповѣдникъ и Шеллингъ—всѣ они единымъ сердцемъ и едиными устами исповѣдуютъ недомыслимую и неизреченную абсолютность Божества“ ⁵⁾. Но это

¹⁾ Проф. Кудрявцевъ. Метафизич. анализъ идеальнаго познанія.

²⁾ Преп. Макарій Егип. бесѣды гл. 6 Курсивъ мой.

³⁾ Ib. гл. 13.

⁴⁾ Нехристіанскихъ мы будемъ принимать во вниманіе, исходя изъ того принципа, который лежалъ въ основѣ воззрѣнія многихъ отцовъ и учителей Церкви на древнихъ мудрецовъ этихъ, по ихъ выраженію, „христіанъ до Христа“.

⁵⁾ Вл. Соловьевъ. „Понятіе о Богѣ“. Вопросы филос. и психол. кн. 38, стр. 407.

Божество все же не есть Спенсеровское Непознаваемое. Если у Спинозы и Шеллинга можно еще усмотрѣть сходство со Спенсеромъ, то ужь у подлинныхъ мистиковъ, тѣмъ болѣе у христіанскихъ, мы находимъ конкретное, интимное соединеніе съ Божествомъ, какъ съ личностью. Да, въ сущности, „въ идеѣ Бога человѣкъ и долженъ выразать сознаніе реального бытія сверхчеловѣческой Личности. Ибо эта идея дана ему не откуда нибудь со-внѣ, въ качествѣ лишь *мысли* о Богѣ, а предметно-фактически осуществлена въ немъ природою его личности, какъ живого образа Бога“.

Отсюда вытекаетъ и методологія религіознаго опыта: *γνοῦθι σεαυτόν*—познай самого себя!—Сократа, вдохновеннаго Логосомъ, дополнилъ Евагріій монахъ, осіянный Духомъ Святымъ: „Если хочешь познать Бога, познай прежде самого себя“. Если бы человѣкъ приходилъ къ мысли о Богѣ не изъ познанія себя самого, а изъ познанія виѣшняго міра, то онъ могъ бы, разумѣется, вѣрить въ существованіе Бога, какъ первопричины міра“. Но самъ то человѣкъ былъ бы при этомъ очень далекимъ отъ Бога и Богоподобіе и вѣра эта для него была бы также бесполезна, какъ вѣра въ то, что земля на трехъ китахъ стоитъ.

Вѣра, пріобрѣтаемая путемъ философскихъ или богословскихъ доказательствъ бытія Божія, неустойчива.—Эти разсудочныя операци не могутъ убѣдить въ дѣйствительномъ существованіи Бога, не могутъ создать вѣры, какъ переживанія. „И радъ бы вѣрить,—слышится часто отъ скептиковъ,—да вѣра не приходитъ“.

Такое трагическое положеніе проистекаетъ изъ совершенно неправильнаго пониманія процессовъ познанія, не только сверхчувственнаго бытія, но даже природнаго, естественнаго. Развѣ могъ-бы убѣдиться человѣкъ въ дѣйствительности міровой жизни, еслибы онъ не былъ активнымъ участникомъ въ ней, не сталкивался съ нею лицомъ къ лицу; развѣ могли бь убѣдить его голыя разсудочныя построенія?

Человѣкъ познаетъ не однимъ умомъ только, а и волею и чувствами и сердцемъ. Скепсисъ—это крайнее проявленіе атомизаціи человѣка и, если хотите, извращенности, испорченности его.

Это болѣзнь, патологія. Отъ нея нужно лечиться. Какъ есть особая терапія для психически больныхъ, страдающихъ

потерею ощущенія реальности, такъ существуютъ свособразные методы леченія душевно-больныхъ,—и таковыхъ несравненно больше,—утрачившихъ вѣру въ сверхчувственный міръ, страдающихъ религіозной атрофіей. Лечение—въ искорененіи страстей, затмевающихъ разумъ и волю человѣка, въ приобрѣтеніи душевнаго здоровья.

Какъ мы сказали выше, сами стихіи міра стали для грѣховнаго человѣка немощными и худыми. И хоть человѣкъ можетъ черезъ разсматриваніе тварей познавать Творца, все же это знаніе, при порочномъ сердцѣ, слишкомъ неустойчивое, гадательное, предположительное. Оно не удовлетворяетъ человѣка, а всегда заставляетъ ожидать новыхъ подтвержденій и доказательствъ, Душа мятется и стонетъ, окунаясь въ пучину доводовъ pro и contra. Необходимо входить поэтому съ сверхчувственнымъ міромъ въ непосредственное сношеніе и соприкосновеніе, какъ чувственный глазъ входитъ въ такое сношеніе съ вещами чувственными. Сверхчувственное не есть сверхъопытное: давно пора бы признать это за аксіому. Но, какъ для провѣрки извѣстныхъ гипотезъ относительно естественнаго природнаго бытія позитивная наука предъявляетъ извѣстныя требованія къ экспериментатору, такъ и въ религіозномъ опытѣ человѣкъ долженъ быть приспособленъ для воспріятія небесныхъ объектовъ. Онъ долженъ преобразаться весь, сполна; долженъ религіозныя идеи переживать, срастворять ихъ съ сердцемъ и волею. Идея, если она не болѣе, какъ идея, не болѣе, какъ простой фактъ сознанія, бессильна и не можетъ произвести ничего: она дѣйствуетъ только тогда, когда она прочувствована ¹⁾; „она становится тогда живой, превращается въ представленіе; человѣкъ испытываетъ живое чувство реальности этой идеи. Вѣрить въ Бога это значитъ, по мнѣнію Св. Отцовъ „видѣть“ Бога своимъ внутреннимъ взоромъ, „слышать“ Его въ своемъ сердцѣ, „ощущать“ Его въ своей душѣ ²⁾).

Но, какъ спрavedливо, спрашиваетъ одинъ философъ идеалистъ, „гдѣ же ручательство абсолютной истинности такого гносиса помимо субъективной увѣренности?—Нѣтъ оснований сомнѣваться въ томъ, что многіе мистики дѣй-

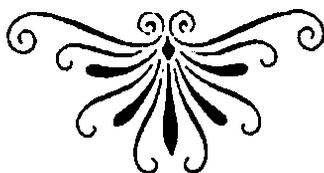
¹⁾ Рибо. Психологія чувствъ, стр. 15.

²⁾ Проф. Соколовъ, „Вѣра“, стр. 68—69.

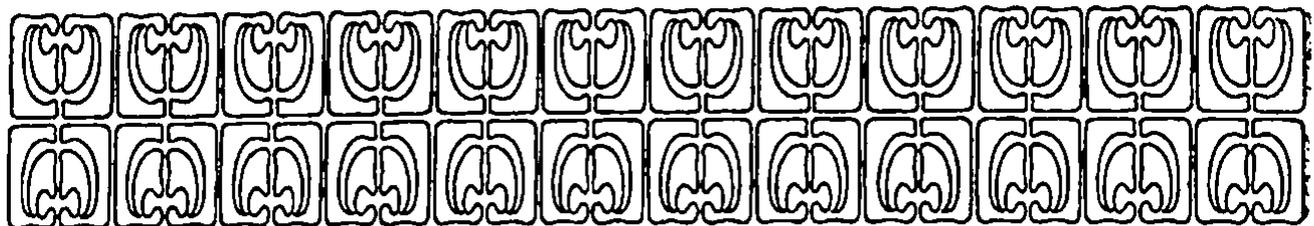
ствительно переживали тѣ состоянія, или тѣ „откровенія“, о которыхъ они свидѣтельствуютъ. Но какъ провѣрить ихъ опытно и убѣдиться въ непогрѣшимости ихъ гностическаго ясновидѣнія. Какъ различить болѣе менѣе смутныя проблески высшаго сознанія, преломленные въ человѣческой фантазіи отъ субъектныхъ грезъ этой фантазіи или отъ постороннихъ психическихъ внушеній, принимаемыхъ за абсолютное откровеніе“ 1)?—Единственный выходъ этотъ мыслитель усматриваетъ въ рациональной философской и научной критикѣ этихъ откровеній.

Иеромонахъ Серапіонъ.

(Окончаніе будетъ).

1) Кн. С. Н. Трубецкой цит. соч. стр. 257.

ГДѢ РАЙ?

(Окончаніе *).

Иисусъ Христосъ сказалъ. „Я есмь лоза, а вы—вѣтви. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если не будете во Мнѣ“ (Іоан. 15,—4—5). Значитъ, крещеніе, какъ присоединеніе человѣка къ тѣлу Церкви Христовой, есть *присоединеніе вѣтви къ лозѣ, прививка плодоносной маслины къ дичинѣ*. Чтобы дикое дерево сдѣлалось плодоноснымъ, для этого нужно ввести въ его природу природу плодоноснаго (привить сучекъ). Такъ и съ человѣкомъ.—Чтобы *возродить его духовно*, нужно соединить его съ лозою—Христомъ. Это именно *соединеніе* и происходитъ чрезъ крещеніе. Но одного соединенія мало: прививокъ долженъ *не соединиться, но и срастись* съ деревомъ, долженъ ввести свои соки въ соки дерева, иначе онъ будетъ бесполезенъ, *не оживитъ дерева, не возродитъ его*. Мы полагаемъ, что въ крещеніи, совершаемомъ лицомъ неправомощнымъ (діаконъ, повивательная бабка), происходитъ *только соединеніе* крещаемаго съ Церковію, а въ крещеніи совершаемомъ священникомъ и сопровождаемомъ Миропомазаніемъ—*сращеніе его съ Церковію*. Происходитъ не только соединеніе, но и *оживотвореніе, собственно возрожденіе* чрезъ Духа Святаго, Господа *животворящаго*. Отсюда понятно и то, почему крещеніе, совершенное, напр. бабкою, не повторяется, а лишь дополняется таинствомъ Миропомазанія.

Такимъ образомъ, возрожденный въ крещеніи въ собственномъ смыслѣ является *новою тварью* (καὶνὸς ἀνθρώπος)

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1913 г.

(Ефес. 2—15), *рожденнымъ свыше* (Іоан. 3—7), не по формѣ только, а субстанціонально, какъ субстанціонально возвышается въ своей природѣ, обновляется, измѣняется привитое дерево, сравнительно съ прежнимъ своимъ состояніемъ.

Въ сущности ту-же мысль, только нѣсколько въ иной формѣ, такъ выражаетъ о. Іоаннъ Кронштадтскій.

„Родъ человѣческой, говоритъ онъ, есть единое, великое древо Божье, разросшееся по всей землѣ и вѣтвями своими покрывающее всю землю. Къ прежнему гнилому корню—падшему Адаму, Божіею премудростію и благодію привить новый, живой корень—Господь Іисусъ Христосъ, отъ Котораго и ведутъ свое начало христіане, какъ отрасль отъ цѣлаго дерева. Въ деревьяхъ—жизнь земная, органическая; въ родѣ христіанскомъ—жизнь Христова, небесная, духовная, и на душевныя способности и силы истинныхъ христіанъ надобно смотрѣть, какъ на силы Самого Христа Іисуса. „Умъ Христовъ имама“ (1 Кор. 2,—16), говоритъ Апостоль объ истинныхъ христіанахъ; равно и на дѣла добродѣтели надо смотрѣть, какъ на плодъ благодати Христовой. Не по-христіански живущіе христіане составляютъ сухія вѣтви на отрасли, идущей отъ корня—Христа, и „всякую розгу, не творящую плода, Отець небесный отсѣчетъ и броситъ въ огонь“ (Іоан. 15,—2, 6). Язычники отрасль невозрожденная, неоживленная, идущая отъ гнилаго корня—Адама. Вѣрою и они прививаются къ отрасли живой, здоровой—къ тѣлу Церкви, этому тѣлу Христову“¹⁾.

Но человѣкъ существо свободное.—Свободнымъ актомъ было его паденіе, актомъ-же свободы должно быть и возрожденіе. Вотъ почему, кромѣ возрожденія его безсознательнаго (при крещеніи младенцевъ), онъ *долженъ самъ возродиться сознательно*. Когда онъ былъ безсознателенъ, благодать возродила его природу безсознательную, когда-же онъ приходитъ въ сознаніе, благодать „стоитъ при дверяхъ и стучитъ“ (Откр. 3,—20), ожидая, когда онъ свободно приметъ ее въ сознаніе. Въ послѣднемъ случаѣ совершается возрожденіе въ высшемъ смыслѣ этого слова, возрожденіе центра человѣка, святаго святыхъ его духа, то величайшее таинство совершеннаго обновленія, когда человѣкъ *ощущаетъ*, что жизнь

¹⁾ „Моя жизнь во Христѣ“. С. 125.

его сливается съ жизнію Христа, когда онъ видитъ міръ преобразеннымъ, а себя чувствуетъ блаженнымъ.

Мы описывали то, что переживаетъ человѣкъ въ такомъ состояніи, теперь попробуемъ психологически разобраться въ томъ, что въ немъ происходитъ. Подъ именемъ „состоянія обращенія“ эта психологія съ формальной стороны солидно разработана Джемсомъ въ его „многообразіи религіознаго опыта“.

Пользуясь его трудомъ, нарисуемъ себѣ обыкновенную картину душевной жизни.

Ощущенія, эти „атомы психическихъ образовъ“¹⁾ представленія, мысли, чувства, стремленія, всѣ эти безчисленные подданные нашего „я“ живутъ въ нашемъ сознаніи не врозь, а на началахъ соціальной жизни, отдѣльными группами и системами, комбинируясь по своимъ строго опредѣленнымъ основнымъ законамъ. Всякая *цѣль*, встающая предъ человѣкомъ, вызываетъ въ его сознаніи нѣкоторое специфическое возбужденіе и, какъ воля высшаго „я“ всегда священная для всѣхъ этихъ, такъ сказать, гражданъ нашего душевнаго міра, она собираетъ вокругъ себя соотвѣтствующую группу идей, помогающихъ достиженію поставленной цѣли. Когда одна какая-нибудь группа находится въ сознаніи и привлекаетъ къ себѣ всю силу вниманія, то всѣ идеи, связанныя съ другими группами, исчезаютъ съ поля сознанія.— При появленіи кабинета министровъ исчезаетъ толпа. Вершина нашего сознанія или та группа идей, которая въ немъ господствуетъ и направляетъ волю нашего „я“ къ осуществленію, можетъ перемѣщаться подобно блуждающему огню; — Это у людей „безъ царя въ головѣ“, неустойчивыхъ, съ раздвоенной личностію. Обыкновенно-же она отличается устойчивостію, упорно сохраняя свое привилегированное положеніе и отстраняя отъ „я“ все съ нею несогласное. Душевная жизнь человѣка въ очень большой степени зависитъ отъ того, какая связь идей стоитъ въ вершинѣ его сознанія. Эти идеи окрашиваютъ личность человѣка и опредѣляютъ, такъ сказать, ея курсъ. Выраженіе: „человѣкъ пережилъ обращеніе“ означаетъ внутренній переворотъ, смѣну кабинета и назначеніе новаго, указываетъ на то, что религіоз-

¹⁾ Сикорскій: „Всеобщая психологія“ с. 207.

ныя мысли, которыя до того находились на периферіи сознанія, теперь заняли центральное мѣсто, сдѣлавшись постояннымъ центромъ личной энергіи.

Со стороны формальной въ этомъ процессѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго: новый человѣкъ можетъ родиться постепенно или внезапно не только изъ зерна религіознаго, но и изъ какого угодно.—Бываетъ перерожденіе въ сторону невѣрія, безнравственности, бываетъ перерожденіе подъ вліяніемъ какой-либо страсти: любви, честолюбія, жажды богатства, жажды мщенія, политическаго энтузіазма. Во всѣхъ этихъ разновидностяхъ мы имѣемъ предъ собою одно и то же общее психическое явленіе: душевная сила, устойчивость и равновѣсіе смѣняются собою періодъ внутренней борьбы, душевныхъ страданій и противорѣчій; опредѣленная группа идей завоевываетъ себѣ центральное положеніе и становится во главѣ правленія личности¹⁾. Но совсѣмъ другое со стороны внутренняго содержанія: возрожденіе религіозное даетъ человѣку такія силы, наполняетъ душу такимъ идеальнымъ возвышеннымъ содержаніемъ, такимъ неземнымъ миромъ и счастіемъ, что открыто являеть дѣйствіе въ немъ премірной силы. Процессъ, такъ сказать, механизмъ во всякихъ обрашеніяхъ одинъ, но силы разныя: духъ смерти и Духъ жизни входятъ въ душу одними и тѣми-же естественными путями, разными до противоположности окажутся только результаты. Всмотриваясь въ состояніе религіознаго возрожденія ближе, можно охарактеризовать его слѣдующими основными чертами: во первыхъ, чувство освобожденія отъ состоянія угнетенности, увѣренность, что все будетъ хорошо, ощущеніе внутренняго мира и гармоніи,—*утвержденіе жизни*, не смотря на то, что внѣшнія обстоятельства нисколько не измѣнились.

Второй характерной чертой является, чувство познанія неизвѣстныхъ дотола истинъ. Завѣса міровыхъ тайнъ становится прозрачной, предъ человѣкомъ открывається *новый міръ*, но только смыслъ этихъ знаній обыкновенно неуловимъ для словъ и непередаваемъ языкомъ.

Третьей чертой является чувство, что міръ внѣшній подвергся какимъ-то объективнымъ перемѣнамъ. вмѣстѣ съ обновленіемъ души чувствуется и *обновленіе міра*.

¹⁾ Джемсъ: „многообразіе религіознаго опыта“, с. 165.

Послѣднимъ и самымъ характернымъ элементомъ возрожденія религіознаго является экстазъ счастья, *чувство непередаваемаго внутренняго блаженства* ¹⁾. „Если вы потребуете отъ психологіи, говоритъ Джемсъ, точнаго отвѣта на вопросъ, *какъ перемѣщается центръ возбужденія въ душѣ человѣка, и почему стремленія, находящіяся на периферіи его сознанія, въ извѣстный моментъ становятся центральными*, то психологія вынуждена будетъ отвѣтить, что она можетъ дать лишь общее описаніе того, что случилось съ душой человѣка, но не въ состояніи выяснить въ каждомъ данномъ случаѣ, *какія именно силы вызвали этотъ процессъ*. Ни внѣшній наблюдатель, ни тотъ, кто переживаетъ это состояніе, не въ силахъ объяснить, какъ могутъ отдѣльныя переживанія измѣнить такимъ кореннымъ образомъ центръ духовной энергіи человѣка и почему это происходитъ“ ²⁾. Здѣсь тайна для науки, здѣсь таинство, совершающееся за предѣлами сознанія. Сила очевидна, но происхожденіе ея неуловимо и непостижимо. „Такимъ образомъ говоритъ Джемсъ, психологія и религія согласно признаютъ что существуютъ силы внѣ нашего сознательнаго „Я“, приносящія человѣку спасеніе“ ³⁾. „Вся совокупность моихъ знаній, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, убѣждаетъ меня въ томъ, что міръ, составляющій содержаніе моего яснаго сознанія, есть только одинъ изъ многихъ міровъ, существующихъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ моего сознанія, и что эти иные міры порождаютъ во мнѣ опытъ, имѣющій огромное значеніе для всей моей жизни; что хотя опытъ тѣхъ міровъ и не сливаются съ опытомъ міра, тѣмъ не мѣнѣе они соприкасаются и сливаются въ извѣстныхъ точкахъ и *слияніе это порождаетъ во мнѣ новыя жизненныя силы*“ ⁴⁾. „Мы принадлежимъ къ этимъ мірамъ въ гораздо большей степени и въ гораздо болѣе интимномъ смыслѣ, чѣмъ къ видимому міру, потому что мы больше и интимнѣе всего живемъ въ томъ мірѣ, гдѣ живутъ и рождаются наши духовныя стремленія и идеалы... Общеніе съ этимъ невидимымъ міромъ есть реальный процессъ съ реальными

¹⁾ См. у Джемса *ibidem* с. 235—241.

²⁾ *Ibidem* с. 185.

³⁾ *Ibidem* с. 200.

⁴⁾ *Ibidem*. с. 509.

результатами, отражающимися на конечной человѣческой личности тѣмъ, что она обновляется кореннымъ образомъ, и это возрожденіе человѣка отражается чрезъ его жизненное поведеніе извѣстными послѣдствіями на событіяхъ естественнаго міра“¹⁾. „Мы должны признать, что сознательное „я“ человѣка является непосредственнымъ продолженіемъ болѣе широкаго по объему „я“ бессознательнаго сублиминальнаго, которое въ критическіе моменты порождаетъ спасительный опытъ и даетъ положительное содержаніе религіозному переживанію, а это послѣднее, думается мнѣ, совершенно и объективно истинно во всемъ своемъ дѣйствительномъ объемѣ“²⁾. „Такимъ образомъ, то чувство вмѣшательства потусторонней силы, которая является такимъ существеннымъ элементомъ обращенія, можетъ быть истолковано такъ, какъ его толкуютъ богословы: силы выпія, чѣмъ конечная человѣческая личность, касаются ея въ тѣхъ областяхъ ея душевной жизни, которыя мы назвали сублиминальнымъ „я“³⁾.

Тотъ-же процессъ сознательнаго духовнаго перерожденія такъ описываетъ нашъ извѣстный не наукою, а святостію жизни, богословъ-психологъ еп. Теофанъ въ письмѣ къ своей духовной дочери.—

„Вы писали, пишетъ онъ, что прежде у васъ все было лучше, а какъ стали всматриваться въ себя по моему указанію, то видите одно неустройство, и мысли, и чувства, и желанія все идетъ въ разбродъ. Вотъ вамъ рѣшеніе, почему это такъ:—*центра нѣтъ*. А центра нѣтъ потому, что вы сами своимъ сознаниемъ и свободнымъ избраніемъ еще не рѣшили, какую сторону вамъ принять. Благодать Божія доселѣ вводила въ васъ возможный порядокъ, и онъ въ васъ былъ и есть. Но доселѣ она не станетъ уже дѣйствовать одна, а будетъ ждать вашего рѣшенія. И если Вы вашимъ избраніемъ и рѣшеніемъ не станете на сторону ея, то она и совсѣмъ отойдетъ отъ васъ и оставитъ васъ въ рукахъ произволенія вашего. Вы отторжены будете на противную сторону, и, можетъ быть, даже сердцемъ изберете ее; но не ждите, чтобы отъ этого направленія умалился

1) Ibidem с. 506.

2) Ibidem с. 505.

3) Ibidem с. 230.

внутри васъ безпорядокъ. Нѣтъ, тамъ водворится еще большее смѣшеніе и растрепанность. Упорядоченіе внутри васъ начнется лишь тогда, когда вы станете на сторону благодати и порядки жизни въ духѣ ея поставите неотложнымъ закономъ своей жизни.

Съ того момента, какъ образуется въ васъ такое рѣшеніе, образуется и центръ внутри васъ, и центръ сильный, который все сущее въ васъ начнетъ стягивать къ себѣ. Въ центрѣ семъ будетъ благодать, завладѣвшая вашимъ сознаниемъ и свободой, или ваше сознание и свобода, сочтанныя съ благодатию.

Къ сему центру потомъ благодать Божія начинаетъ стягивать всѣ другія силы естества вашего, и душевныя и тѣлесныя, и заправлять всею ихъ дѣятельностію, удерживая въ нихъ то, что есть добраго, и истребляя все недоброе. Это стянутіе всего къ одному центру и направленіе всего къ оному и есть внутреннее перерожденіе¹⁾.

Послѣ микроскопическаго внутренняго анализа таинственнаго процесса духовнаго возрожденія, взглянемъ на него въ его цѣломъ съ точки зрѣнія философской.

„Нѣтъ ничего болѣе непонятнаго въ мірѣ, говоритъ Друммондъ²⁾, чѣмъ то, какъ душа рождается вновь. Но нѣтъ ничего болѣе извѣстнаго, чѣмъ фактъ, что она рождается вновь. Мы можемъ понять фактъ, не понимая въ то-же время акта. Актъ возрожденія такая-же тайна, какъ и Самъ Господь. Всѣ жалобы, высказанныя по поводу этой доктрины относятся къ акту, до котораго въ сущности намъ нѣтъ дѣла, который является дѣломъ Божиимъ, результатомъ невидимаго дуновенія Духа, относительно котораго Самъ Христосъ предупредилъ насъ, чтобы мы не надѣялись понять его. „Не знаешь“, говоритъ Онъ, „откуда приходитъ и куда уходитъ“.

Но это все не должно пугать насъ и удерживать отъ изслѣдованія. Точно такой же тайной окружены всѣ процессы природы и жизни. Мы понимаемъ такъ-же мало вліяніе солнечнаго свѣта на лепестки цвѣтка весной, какъ и распусканіе духовной жизни въ душѣ, но тѣмъ не менѣе ботаника—наука.

1) „Что есть духовная жизнь“ с. 99—100.

2) „Идеальная жизнь“ Кіевъ 1910 г. с. 105—6.

Мы не отказываемся отъ химіи, какъ отъ безполезнаго занятія, на томъ основаніи, что намъ непонятны невидимые законы, дѣйствующіе при различныхъ соединеніяхъ и реакціяхъ. Мы не теряемъ вѣры въ значеніе пищи для живаго организма только потому, что никто не можетъ точно объяснить, какъ эта мертвая пища переходитъ въ жизнь. Мы не избѣгаемъ вопроса объ электричествѣ, хотя электричество — тайна, или ученія о теплотѣ, хотя мы не можемъ видѣть теплоты, или метеорологіи оттого, что не видимъ вѣтра. И по аналогіи съ физической природой, не удивляйтесь, если мы и по отношенію къ Духу Возрожденія не можемъ сказать, откуда приходитъ и куда уходитъ...

„Если вы признаете, что Господь можетъ дать жизнь, вы должны также признать, что Онъ можетъ и увеличить ее. Возрожденіе въ сущности ничто иное, какъ увеличеніе жизни. Господь добавляетъ жизнь къ жизни, даетъ человѣку, имѣющему жизнь, еще больше жизни. Человѣкъ обладаетъ жизнью, которую даровалъ ему Господь, но часть его, лучшая часть, мертва. Его душа мертва отъ грѣха. Господь прикасается къ ней, и она оживаетъ. Какъ Господь оживляетъ мертвое тѣло Своимъ дыханіемъ, такъ точно Онъ можетъ вдохнуть въ душу новую жизнь, жизнь лучшую.

Такимъ образомъ, если нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы родиться вообще, то нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, чтобы родиться вновь—въ Возрожденіи. Для чего Христосъ пришелъ въ міръ? Какъ Онъ Самъ сказалъ, чтобы дать жизнь, болѣе обильную жизнь. Христосъ, дающій жизнь—это, Возрожденіе. Никодиму нужно было не больше знанія, хотя онъ думалъ такъ, но больше жизни; и лучшимъ доказательствомъ того, что жизнь, была, возможна, было то, что жизнь была дана. Такимъ образомъ, лучшимъ доказательствомъ христіанства служитъ христіанинъ; лучшимъ доказательствомъ Возрожденія—человѣкъ, возрожденный“.

„Когда люди рождаются въ міръ, они находятся внѣ Царства Божія и не могутъ видѣть того, что внутри его. Они ходятъ вокругъ, разсматривая его снаружи, и на основаніи этого высказываютъ свое мнѣніе о немъ! Но они не могутъ быть судьями. Они не видятъ того, о чемъ разсуждаютъ. Рожденное отъ духа есть духъ, и рожденное отъ плоти есть

плоть; поэтому они могутъ дать только матеріальную оцѣнку духовнаго понятія. Критическая цѣнность мнѣнія невозрожденнаго относительно религіозныхъ вопросовъ—нуль. Выказываемое ими мнѣніе является просто смѣшнымъ, такъ какъ они говорятъ о вещахъ, которыхъ они никогда не видали. Но въ дѣлѣ религіознаго опыта Возрожденіе измѣняетъ все. Это похоже на то, какъ если-бы кто-либо, стоялъ снаружи одного изъ знаменитыхъ соборовъ. Онъ слыхалъ о чудной красотѣ его разноцвѣтныхъ оконъ. Онъ ходитъ вокругъ, но видитъ только тускляя, ничего неговорящія пятна и желѣзныя рѣшетки предъ ними, которыя еще болѣе усиливаютъ царящую, повидимому, внутри темноту. Ничто не манитъ войти внутрь, а скорѣе отталкиваетъ. Но пусть онъ только войдетъ. Пусть онъ взглянетъ на тѣ же окна извнутри. Глаза его будутъ очарованы чудной игрой красокъ; чудеса и причти заблестятъ передъ нимъ на стеклахъ, и образъ Христа и исторія Его любви вырисуются передъ нимъ на каждой рамѣ, и онъ увидитъ хоры ангеловъ, херувимовъ и серафимовъ и на престолѣ въ недосыгаемомъ сіяніи славы Бога Отца.

Точно также пусть только человѣкъ войдетъ въ Царство Небесное, пусть онъ родится вновь и войдетъ, и онъ увидитъ это царство. Онъ увидитъ чудеса и причти, которыя раньше казались ему безсмысленными и безцвѣтными; онъ увидитъ исторію Креста, вызывавшую въ немъ раньше чувство отвращенія и оскорбленія; увидитъ Христа и Царя во всей Его красотѣ и, узрѣвъ какъ въ зеркалѣ славу Единороднаго и переходя отъ славы къ славѣ, онъ и самъ уподобится Ему. Не удивляйтесь-же, если для того, чтобы увидѣть все это, нужно родиться вновь.

„Въ этомъ великомъ мірѣ есть много маленькихъ мірковъ, входъ въ которые достигается только рожденіемъ. Есть міръ интеллектуальный, который требуетъ прирожденнаго ума, міръ артистическій, требующій врожденнаго вкуса, міръ драматическій, требующій прирожденнаго таланта, наконецъ музыкальный, для котораго необходимъ даръ слуха и гармоніи. Нельзя войти въ интеллектуальный міръ, не обладая умомъ, или въ артистическій міръ, не имѣя вкуса. Но человѣкъ не можетъ создать въ себѣ умъ или вкусъ, они должны быть въ немъ врожденными. Человѣкъ не можетъ выработать въ себѣ поэтическаго таланта, онъ также долженъ

быть прирожденнымъ. Поэтому говорятъ, что человекъ не дѣлается поэтомъ, но рождается имъ. Точно также нельзя сдѣлать христіанина, человекъ рождается христіаниномъ¹⁾“.

Намъ теперь понятно, почему христіанство, какъ духовная жизнь, всегда казалось безуміемъ міру и почему христіанину указанъ именно тѣсный путь жизни. Вѣдь „христіанство—это проведеніе въ мірѣ тѣхъ путей, по которымъ шелъ Христосъ. Это подражаніе въ современной жизни духу, методу и цѣли Христа, это значитъ идти въ мірѣ по слѣдамъ, оставленнымъ Его стопами. А если оставленная Имъ стезя составляла прямой уголъ съ избитымъ широкимъ путемъ, какимъ шелъ свѣтъ въ Его дни, то это отношеніе остается такимъ-же и въ наше время. Безполезно утверждать, что это различіе уничтожилось. Эти два пути составляютъ прямой уголъ и теперь. Христосъ заранѣе предупредилъ Свою Церковь о приѣмѣ, какой ей готовитъ міръ, и не далъ надежды на то, что этотъ приѣмъ будетъ однимъ изъ пріятныхъ. Свѣтъ долженъ будетъ бороться съ тьмой, истина съ заблужденіями. Въ мірѣ, каковъ онъ теперь, нѣтъ узаконеннаго мѣста для жизни, въ которой Богъ начальная и конечная цѣль, а основное правило—самоотверженіе. Кротость будетъ угнетаема, духовная жизнь будетъ ложно пониматься, истинная религія—высмѣиваться. Святость произведетъ ужасное дѣйствіе и волненіе повсюду, куда только проникнетъ, и въ семьѣ, и въ общинѣ, въ мастерской ремесленника и среди всякихъ другихъ учрежденій. „Не думайте, что Я пришелъ принести вамъ миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ; ибо Я пришелъ раздѣлить человека съ отцомъ его и дочь съ матерью ея и невестку со свекровью ея. И враги человеку—домашніе его“.

„Истинная религія это не легкое испытаніе. Это мечъ, это огонь, огонь опаляющій и истребляющій, который долженъ освѣщать все вокругъ. Переворотъ, производимый жизнью во Христѣ, настолько поразителенъ, что человекъ, дѣйствительно пережившій его, не находитъ словъ въ обыденномъ человѣческомъ языкѣ, чтобы описать его революціонный характеръ. Ему приходится пользоваться наиболѣе странными выраженіями Новаго Завѣта, казавшимися ему

¹⁾ Друммондъ. „Жизнь идеальная“, с. 105—110.

раньше такимъ преувеличеніемъ: „новый человекъ, новое твореніе, новое сердце, новое рожденіе“. Вся его жизнь началась снова и вторично окристаллизовалась вокругъ новаго центра. Онъ снова родился“.

„Впечатлѣніе, производимое имъ на его друзей теперь, это—впечатлѣніе эксцентричности. Переменная не можетъ не поражать, такъ какъ она радикальна, центральна. Они начнутъ объяснять эту переменную недостойными побужденіями, скажутъ, что это просто временное увлеченіе, которое скоро пройдетъ, скажутъ, что никогда не ожидали отъ него подобной слабости и будутъ стараться насмѣшками заставить его отказаться отъ новыхъ взглядовъ и отъ новаго образа жизни. Все это тотъ-же приговоръ—„Онъ вышелъ изъ себя“, только въ болѣе мягкой и современной формѣ. И противъ этого ничего не подѣлаешь. Это неизбежное безчестіе креста. Суровы эти слова, но они не новы. Развѣ не были они сказаны о цѣломъ рядѣ тѣхъ, кого міръ не былъ достоинъ? Увы! исторія эта хорошо извѣстна¹⁾“.

О духовной жизни можно говорить не только съ точки зрѣнія психологіи ея и философіи, но и съ точки зрѣнія физиологіи и въ наше время даже въ строго научномъ смыслѣ. Но мнѣнію Г. Спенсера, Гефдингга, Оствальда, Н. Грота, Сикорскаго—этихъ корифеевъ научной психологіи, „психическіе процессы представляютъ лишь высшую форму физиологическихъ²⁾“.

„Выдающіеся физиологи (Дондерсъ, Гельмгольцъ, Вундтъ), говоритъ Сикорскій, принялись за экспериментальное изслѣдованіе душевныхъ явленій, по методамъ физиологіи и дали начало психометриі³⁾“, т. е. наукѣ о количественномъ измѣреніи душевныхъ явленій при помощи особыхъ психометрическихъ инструментовъ.

Сущность этого новаго открытія въ психологіи сводится къ слѣдующему:

„Для человека душевные образы субъективны, но для психометрическаго инструмента они вполне объективны и существуютъ на самомъ дѣлѣ, какъ физиологическія реальности, которыя могутъ быть такъ-же открыты и учтены, какъ

¹⁾ Друммондъ *ibidem* с. 40—41.

²⁾ Проф. Сикорскій

³⁾ *Ibidem* с. 181.

открывается и фиксируется невидимая звѣзда на чувствительной фотографической пластинкѣ при многочасовой экспозиціи. Следовательно, *психическіе образы существуютъ не только субъективно—для созерцающаго сознанія, но и объективно—для бездушнаго инструмента, который ихъ открываетъ и учитываетъ*¹⁾. Въ силу этого „многіе психологи, говоритъ Сикорскій, готовы допустить, что вполнѣ безматеріальнаго мышленія нѣтъ совершенно“²⁾. И это признается не только относительно мышленія, но и относительно чувства³⁾.

Итакъ, душевные процессы не только психическіе, но и фізіологическія реальности, т. е. душа имѣетъ матеріальную оболочку, или ту „ауру“, о которой мы говорили выше.

Но въ чемъ-же дѣло? Какова эта оболочка и зачѣмъ она нужна?

Прекрасное освѣщеніе этого вопроса даетъ еп. Теофанъ.

„Есть, говоритъ онъ, тонкая-претонкая стихія, которая тоньше свѣта. Зовутъ ее эфиръ. И пусть; не въ имени дѣло, а въ признаніи, что она есть. Я признаю, что такая тончайшая стихія есть, все проникаетъ и всюду проходитъ, служа послѣднею гранью вещественнаго бытія. Полагаю при семъ, что въ этой стихіи витаютъ всѣ блаженные духи—ангелы и святые Божіи,—сами будучи облечены въ нѣкую одежду изъ этой-же стихіи. Изъ этой-же стихіи и оболочка души нашей (доразумѣвайте при семъ словъ и духъ, который есть душа души нашей человѣческой). Сама душа—духъ, невещественна; но оболочка ея—изъ этой тонкой невещественной стихіи. Тѣло наше грубо; а та оболочка души—тончайшая есть и служитъ посредницею между душою и тѣломъ. Чрезъ нее душа дѣйствуетъ на тѣло и тѣло на душу. Изъ этого вамъ нетрудно уже сдѣлать заключеніе, что та всемірная тончайшая стихія, изъ которой эти оболочки и въ которой витаютъ всѣ духи, есть посредница и для взаимнаго общенія нашихъ душъ и духовъ тѣхъ.“

Теперь оторвитесь отъ этого представленія и перейдите вниманіемъ къ обычнымъ между нами дѣламъ. Вы живете, напр., въ Москвѣ, сидите въ стѣнахъ своей квартиры; окру-

1) Ibidem с. 200.

2) Ibidem с. 341.

3) Ibidem с. 363, 394, 396.

жены отовсюду зданіями, и куда ни обратите очи свои, всюду встрѣчаете препоны,—многіе предметы преграждаютъ острозоркость и дальнозоркость очей вашихъ.

Но еслибъ вамъ подняться надъ Москвою на какомъ-нибудь шарѣ, вы увидѣли-бы безпрепятственно не только ее всю, но и окрестности ея. Еслибъ вамъ еще повыше подняться, то вы и что есть дальше кругомъ увидѣли-бы. Усиль ваше зрѣніе и подними васъ еще выше и выше, вы можете увидѣть С.-Петербургъ, Парижъ, Лондонъ и т. д. Все сіе потому, что зрѣніе ваше стало острозорче и никакихъ ему нѣтъ помѣхъ видѣть.

Переходите теперь опять къ святымъ Божиимъ.—Та стихія, о коей рѣчь, всюду проходитъ и никакой нигдѣ помѣхи не встрѣчаетъ себѣ. Лучъ солнца проходитъ сквозь стекло, а та стихія—и сквозь стекло и сквозь стѣны, и сквозь землю, и сквозь все. Но какъ она проходитъ сквозь все, такъ и тѣ, которые витаютъ въ ней, могутъ проходить сквозь все, когда нужно (какъ Спаситель прошелъ въ горницу, гдѣ были Апостолы „дверемъ затвореннымъ“). Обитаютъ они въ опредѣленномъ мѣстѣ; но когда имъ повелѣвается или позволяется, тотчасъ переносятся, куда нужно по той стихіи, и никакихъ преградъ не только не встрѣчаютъ, но и не видятъ. Когда нужно, переносятся; а когда нѣтъ такой нужды, на своемъ мѣстѣ пребывая, видятъ по всѣмъ направленіямъ, что гдѣ есть и что гдѣ творится. И когда очи свои обращаютъ на землю, т. е. на насъ грѣшныхъ, то ясно видятъ и насъ... только не это грубое тѣло наше, до коего имъ дѣла нѣтъ, а видятъ самую душу нашу, какъ она есть, не непосредственно, а посредствомъ оболочки души, сродной съ ихъ оболочкою и тою стихіею, въ коей они живутъ, ибо состояніе души вѣрно отражается въ ея оболочкѣ.

„Извольте теперь вообразить: сидятъ двое и разговариваютъ; при этомъ душа каждого настроена своимъ образомъ. Каждый изъ нихъ не видитъ, что на душѣ у другого, по причинѣ грубой занавѣски тѣла, за которую прячется душа; а Ангелы и святые, если обратятъ взоръ на нихъ, увидятъ душу ихъ, какъ она есть и что въ ней есть: ибо какова она и что въ ней—отражается въ ея оболочкѣ. Если въ ней святая мысли и чувства, оболочка ея свѣтла, и при каждомъ святомъ чувствѣ свѣтла особымъ образомъ. А если мысли

и чувства ея не совѣтъ чисты, то и оболочка ея не свѣтла, и отъ каждаго нечистаго чувства своимъ образомъ помрачена, являясь то какъ туманъ, то какъ мракъ ночи ¹⁾. Еслибъ

¹⁾ Что видно Ангеламъ и святымъ постоянно, то обыкновеннымъ людямъ бываетъ видимо въ состояніяхъ, такъ называемаго, *ясновидія*. „Для ясновидящаго, говоритъ Штейнеръ („Неософія“ с. 146 и слѣд.) становятся видимыми сверхчувственнымъ образомъ душевныя явленія въ окружающемъ его душевномъ мірѣ и явленія духовныя въ духовной сферѣ. Чувства излучаются для него, словно свѣтловыя явленія, исходящія изъ чувствующаго существа; мысли струятся, заливаютъ духовное пространство. Для такого ясновидящаго мысль человѣка, относящаяся къ другому человѣку, не есть что-то недоступное воспріятію; такая мысль для него вполне ощутима. Какъ дѣйствительная, наглядная реальность, струится мысль изъ одного человѣческаго существа и устремляется къ другому человѣку... Человѣческая мысль проступаетъ наружу, какъ духовно видимое красочное явленіе. Окраска соотвѣтствуетъ характеру мысли. Въ красныхъ яркихъ тонахъ проносятся мысли, порождаемая чувственной жизнью. Въ прекрасномъ свѣтло-желтомъ цвѣтѣ является мысль, чрезъ которую мыслитель поднимается къ высшему познанію. Дивнымъ, розово-алымъ цвѣтомъ сіяетъ мысль, исходящая изъ преданной, жертвенной любви... Въ аурѣ плаваютъ, волнуясь и переливаясь, самыя разнообразныя отбѣнки цвѣтовъ. И это волнообразное движеніе есть вѣрное изображеніе внутренней жизни человѣка. Отдѣльныя цвѣтовые отбѣнки такъ-же измѣнчивы, какъ эта жизнь. Но извѣстныя устойчивыя свойства: таланты, привычки, свойства характера — выражаются въ постоянныхъ основныхъ красочныхъ тонахъ. Аура бываетъ очень различна, сообразно различнымъ темпераментамъ, и душевнымъ свойствамъ людей; различествуетъ она также и сообразно степенямъ духовнаго развитія... Можно сказать, что всѣ измѣнчивыя настроенія, всѣ склоности, всѣ радости и горести наши выражаются въ аурѣ... Вообще-же можно замѣтить, что по мѣрѣ увеличенія интеллектуальности все чаще появляются зеленые цвѣты. У неинтеллигентныхъ людей большая часть ихъ ауры пронизана коричнево-красными, или даже темно-крово-красными излученіями... Голубые выступаютъ у благоговѣйныхъ, преданныхъ натуръ... Отличительное свойство активныхъ душъ, въ противѣсъ пассивнымъ, состоитъ въ томъ, что ихъ голубизна изнутри просвѣчиваетъ свѣтлыми цвѣтами. Изобрѣтательныя природы, тѣ, которыя имѣютъ плодотворныя мысли, излучаютъ какъ-бы изъ какого-то внутренняго центра свѣтлые цвѣта. Это наблюдается въ высокой степени у тѣхъ личностей, которыя называются „мудрыми“, и именно у тѣхъ, которыя исполнены плодотворныхъ идей. Вообще все, что указываетъ на духовную дѣятельность, имѣетъ скорѣе обликъ лучей, распространяющихся изнутри (такъ и изображаются святые); тогда какъ все, что беретъ начало изъ животной жизни, имѣетъ форму неправильныхъ облаковъ, которыя проходятъ чрезъ ауру...

вы вознеслись на небо и ангельское воспріяли зрѣніе, со-
влекшись, конечно, и этого тѣла, то, взглянувъ на землю,
вы увидѣли-бы вмѣсто разнообразной массы людей нѣкія
тѣни свѣтлыя, полусвѣтлыя, туманныя, мрачныя;—при чемъ
не дивно, что свѣтло-наряженныя показались-бы вамъ мрач-
ными, если у нихъ душа дурна, а одѣтыя въ рубище-свѣт-
лыми, если ихъ душа чиста. И вотъ такими-то видятъ насъ
небожители; и, судя по тому, какими видятъ, радуются о
насъ, или скорбятъ.

„Когда душа состоитъ внѣ благодати, оболочка ея или
мрачна, какъ ночь темнѣйшая, если кто поблажаетъ стра-
стямъ и имъ служить, или стѣра, какъ неопредѣленный ту-
манъ, когда кто не слишкомъ преданъ страстямъ, живетъ,
однакожъ, въ суетѣ. Подъ дѣйствіемъ-же благодати, вмѣстѣ
съ тѣмъ, какъ проникается ею душа, просвѣтляется посте-
пенно и оболочка ея, подобно тому, какъ обыкновенно раз-
гуливается пасмурная погода. Когда душа вся проникается
благодатію, тогда и оболочка ея вся становится ярко-свѣт-
лою. Это и есть лучезарность. Внутреннее' облагодатствован-
наго блеститъ, какъ звѣзда, не духовнымъ только, но и
вещественнымъ свѣтомъ“.

Эта свѣтозарность внутренняя, говоритъ Теофанъ, не-
рѣдко прорывается наружу, и бываетъ видима для другихъ.
Бывши въ С.-Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ, я слыхалъ
объ этомъ отъ нѣкихъ и очень желалъ повидѣть то своими

Не только основныя черты души, но и мимолетные эффекты,
настроения и инныя внутреннія переживанія проявляютъ свои красоч-
ныя волны въ аурѣ. Внезапный взрывъ горячаго гнѣва порождаетъ
красныя волны; оскорбленное чувство чести можно воспринять въ
видѣ темно-зеленыхъ облаковъ... Приступъ страха пронизываетъ
ауру сверху до низу волнистыми полосами синяго цвѣта, съ крас-
новатымъ отливомъ. У чловѣка, напряженно ожидающаго какого-
нибудь событія, можно видѣть, какъ безпрестанно проходятъ въ
аурѣ его красно-синія полосы, въ видѣ радіусовъ, идущихъ изнутри
наружу... Аура людей, которые сильно волнуются отъ каждаго внѣш-
няго впечатлѣнія, является испещренной маленькими красными точ-
ками и пятнышками. „Разсвѣянные“ люди имѣютъ въ своей аурѣ го-
лубоватыя пятнышки болѣе или менѣе измѣнчивой формы, и т. д.
Для болѣе высоко развитаго „духовнаго созерцанія“, въ аурѣ ок-
ружающей чловѣка различимы три рода свѣтовыхъ явленій, такъ
сказать три ауры, соответственно тремъ членамъ чловѣческой при-
роды (тѣло, душа и духъ). См. Штейнеръ. „Теософія“ с. 145—153.

очами. Случилось мнѣ принять къ себѣ одного инока, въ которомъ начали уже проявляться ощутительныя дѣйствія благодати. Началась рѣчь о духовныхъ вещахъ. По мѣрѣ того, какъ входилъ онъ въ себя и мысль его углублялась, лице его все болѣе и болѣе свѣтлѣло, а потомъ стало все бѣло, какъ снѣгъ, и глаза его искрились. И объ отцѣ Серафимѣ Саровскомъ говорятъ, что онъ часто просвѣтлялся, особенно во время молитвы въ церкви видимо для всѣхъ. О подобныхъ проявленіяхъ есть много сказаній въ отечникахъ. Объ одномъ пишется, на примѣръ, что лишь только онъ, ставъ на молитву, поднималъ руки къ небу, какъ изъ всѣхъ пальцевъ обѣихъ его рукъ потекли пуки свѣта на довольно большое пространство. О другомъ говорится, что ученикъ его пришелъ къ нему за чѣмъ-то и постучался; отвѣта не было. Онъ пригнулся посмотреть въ скважину и увидѣлъ, что старецъ стоялъ весь въ огнѣ, какъ столбъ свѣта. И много-много есть такихъ сказаній. И про святителя Тихона я еще маленькій слышалъ, и что подобное. Преображеніе Господне, когда Онъ явился весь облитанъ свѣтомъ одного съ этимъ происхожденія. При переходѣ въ другую жизнь лучезарность такая обнаруживается уже сама собою естественно, ибо тогда спадаетъ это грубое тѣло и не мѣшаетъ ей быть видимою для другихъ¹⁾.

Если душа и духъ обитаютъ въ своихъ особыхъ мірахъ, атмосферахъ и имѣютъ однородныя съ этими мірами „тѣло душевное“ и „тѣло духовное“, какъ физическое тѣло однородно съ міромъ физическимъ, то становится представимымъ то, какимъ образомъ, на примѣръ, „сердце сердцу (особенно родному) вѣсть подаетъ“, какимъ образомъ мать иногда узнаетъ о смерти сына въ моментъ смерти его, хотя-бы онъ былъ отъ нея за сотни верстъ; какимъ образомъ нѣкоторые читая письмо, прочитываютъ въ немъ не только то, что написано, но и то, что думалъ авторъ письма во время написанія его и т. д. Если мысли, чувства, желанія, всевозможныя духовныя переживанія „летаютъ“ около насъ, какъ мухи, мошки, ультра—микроскопическіе микробы, то вопросъ о томъ, какимъ образомъ мы воспринимаемъ ихъ такъ же простъ, какъ и вопросъ о томъ, какимъ образомъ мы узнаемъ, что муха сѣла на насъ,—чрезъ *ощущеніе*.

¹⁾ Теофанъ: „Что есть духовная жизнь“. с. 101—102.

А что эти ощущенія душевнаго и духовнаго тѣла чрезвычайно рѣдко достигаютъ до нашего мозгового сознанія, причина этому, конечно, ни въ чемъ другомъ, какъ только въ грубости нашего мозговаго аппарата, совершенно *неприспособленнаго* къ воспріятію такихъ тонкихъ движеній. Извѣстный натуралистъ и богословъ Друммондъ, обзрѣвая эволюцію міра, приходитъ къ выводу, что слѣдующей стадіей эволюціи человѣка будетъ то, что людямъ не нужны будутъ ни телеграфы, ни телефоны, ничто подобное, такъ какъ люди будутъ *видѣть*, непосредственно воспринимать душевную жизнь другихъ. Это, конечно, очень странно, однако это весьма правдоподобно.

Не вдаваясь въ подробности по этому весьма новому и совершенно еще не разработанному вопросу, мы въ предѣлахъ нашей задачи ограничимся лишь видержкою изъ епископа Теофана ¹⁾, гдѣ святитель говоритъ, что предположеніе той тончайшей стихіи (души и духа) даетъ разрѣшеніе многихъ наразрѣшимыхъ вопросовъ, напр. вопроса о томъ, *какъ святые могутъ слышать наши молитвы?*

„Вы знаете, говоритъ святитель, какъ дѣйствуетъ электрическій телеграфъ? Въ Петербургѣ, напр., заводятъ извѣстный аппаратъ; въ то же мгновеніе то дѣйствіе петербургское отражается въ Москвѣ въ подобномъ-же аппаратѣ и въ томъ-же значеніи, въ какомъ тамъ происходитъ движеніе.

Почему такъ бываетъ? Потому, что и аппараты тѣ однородны и соединяющая ихъ проволока къ нимъ же подлажена. Такъ, что дѣйствіе такого телеграфа—то наша молитва. Мы и святые—какъ-бы два аппарата—однородные, а среда, въ коей святые и коею окружены души наши, это—проволока. Когда истинная, молитва—сердечная—подвигнется въ душѣ, тогда она, по той стихіи, воздѣйствуя на нее, какъ лучемъ свѣта пролетаетъ до святыхъ и сказываетъ имъ, чего мы хотимъ и о чемъ молимся. Между нашею молитвою и услышаніемъ нѣтъ промежутка,—только надобно, чтобы молитва шла изъ сердца. Оно у насъ и есть телеграфный для неба снарядъ. Тѣ-же молитвы, кои не изъ сердца, а изъ головы только и съ языка идутъ, не даютъ луча, восходящаго на небо и не бываютъ слышны тамъ“ ²⁾.

1) „Что есть духовная жизнь?“ с. 55.

2) Теофанъ *ibidem* с. 55.

Изъ сказаннаго мы видѣли, что такое духовная жизнь, этотъ рай земной; это—счастіе, это—сокровище, которое дороже всего въ мірѣ. Да, видѣли, но не получили. Я не хотѣлъ говорить только для словъ, я хотѣлъ научить ищущихъ истины хотя-бы постольку, поскольку я самъ ее постигаю, но, къ сожалѣнію, дать этой истины я не могу. Законъ жизни христіанской,—ищите (сами ищите) Царства Божія—неизмѣненъ, какъ и всякій законъ Божественный.—Я могу только сказать, что для обладанія этимъ сокровищемъ не нужно ни восходить на небо, ни нисходить въ адъ, какъ говоритъ Апостоль, т. е. не требуется дѣлать что-либо необыкновенное; нѣтъ, Царство Божіе—внутри насъ: это сѣмя лежитъ въ каждомъ изъ насъ, наше-же дѣло—дать нормальное ратвитіе этому сѣмени Благодать, какъ роса падаетъ на раскрывающуюся для ея принятія душу; человѣкъ чѣмъ выше въ нравственномъ отношеніи поднимается, тѣмъ съ болѣе высшими духовными сферами соприкасается, или питается и начинаетъ жить ихъ жизнію. „Тайна эволюціи (матеріальной и духовной все равно), говоритъ Друммондъ, заключается въ окружающемъ“¹⁾—для предметовъ матеріальныхъ только—въ мірѣ матеріальномъ, для существъ духовно-матеріальныхъ, кромѣ міра матеріальнаго, въ мірѣ духовномъ, въ которомъ они живутъ, который ихъ окружаетъ, въ безконечномъ Разумѣ и вѣчной святой Волѣ—въ Богѣ, къ Которому, какъ къ солнцу духовнаго, міра тяготѣетъ все духовное. Посмотрите, что бываетъ съ человѣкомъ постепенно поднимающимся на очень высокую гору.—Вотъ онъ поднялся на сто футовъ.—Внизу остался весь туманъ, постоянный спутникъ всѣхъ болотъ жизни, не слышно шума, суеты людской. Съ каждымъ шагомъ вверхъ, окружающее мѣняется: воздухъ легче и тише, пульсъ бьется быстрѣе, на душѣ становится легче, энергія высшаго міра вливается въ нее. Все мѣняется; иныя растенія, иныя животныя, температура падаетъ, онъ вступилъ въ новый міръ. Даже міръ, который онъ оставилъ подъ собою, получаетъ иной видъ. Поднимается на тысячу футовъ и опять—новая картина, на три тысячи—еще новая. Уже не видно того, что внизу, но еще не видно и того, что вверху,—слой обла-

1) „Эволюція и прогрессъ человѣка“. с. 367.

ковъ, туманъ закрываетъ небо. Еще выше и онъ достигаетъ высшей точки: онъ стоитъ на вершинѣ и видитъ солнце.

Совершенно то-же самое бываетъ и въ жизни духовной. Вотъ почему „одна слава солнцу, другая лунѣ и иная звѣздамъ и звѣзда отъ звѣзды отличается по блеску“ (I Кор. 15—41), вотъ почему „въ домѣ Отца обителей много“ (Іоан. 14—2), вотъ почему святые имѣютъ разныя степени святости. Нужно только *подниматься* и высшая жизнь, соотвѣтственная степени нашей нравственной высоты, будетъ сама собою вливаться въ насъ, подкрѣпляя насъ и возбуждая въ насъ жажду стремиться еще выше, туда, гдѣ свѣтитъ вѣчное Солнце Правды—Христосъ Богъ нашъ, видимый не чрезъ посредства только и гадательно, а непосредственно и лицомъ къ лицу!...

Итакъ, помни, человѣкъ, что нашъ путь—въ гору, на небо, туда, гдѣ чище духовная атмосфера, гдѣ сильнѣе бьется пульсъ жизни; оттого этотъ путь и „тѣсный“, тяжелый, но оттого-же онъ и радостный. Человѣкъ гражданинъ неба и только путникъ на землѣ и пока онъ помнитъ это, все—ясно, а какъ забудетъ, то сразу-же впадаетъ въ безвыходную путаницу. Погрязая въ болотѣ матеріальной жизни, онъ естественно теряется и съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: зачѣмъ? для чего? гдѣ счастье? какой смыслъ жизни? При помощи науки и культуры старается обмануть себя: золотить грязь, даетъ изящную форму природному безобразію, создаетъ миражи для всѣхъ своихъ чувствъ, однако чрезъ все это мало даетъ покоя, мира и счастья душѣ своей,—она тоскуетъ по своей родинѣ, и въ золотой клѣткѣ не менѣе настойчиво твердитъ: зачѣмъ? для чего? гдѣ смыслъ жизни? Она ищетъ неба, потеряннаго рая, духовной жизни и не успокоится ранѣе, пока не найдетъ, что потеряла, „Inquietus est cor“, говорилъ еще блаж. Августинъ, „donec requiescat in te, Domine!“ Люди хотятъ его (сердце) успокоить ученіемъ, наукой, мудростію, доказательствами, т. е. больному описываютъ процессъ болѣзни, доказываютъ, что онъ не боленъ, а онъ попрежнему болѣетъ и тоскуетъ, ибо ему нужна не *словесность*, а *жизнь*, которую люди потеряли, порвавши общеніе съ Богомъ, и которую получаютъ только чрезъ единеніе со Христомъ. Обращали-ли вы вниманіе на то, что Евангеліе, Христосъ не только не восхваляетъ мірскую уче-

ность, но и настойчиво подчеркиваетъ прямо противоположное; бухъ міра, т. е. неразумныхъ, неученыхъ, говорить оно, избралъ Богъ, чтобы посрамить премудрыхъ!" Это обстоятельство чрезвычайно важно. Изъ всѣхъ кумировъ, которымъ поклонялся міръ, самымъ устойчивымъ оказался кумиръ ума; ему человечество поклонялось во всѣ времена, а въ наше время кланяемся особенно благоговѣнно. Соблазнъ знанія всегда былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ соблазновъ. Не то, конечно, плохо, что люди стремятся къ знанію, а то, что органъ знанія—умъ они ставятъ себѣ вмѣсто Бога, какъ, напр. проповѣдовалъ Толстой. То плохо, что многознайство, мірская ученость признается патентомъ на мудрость, *безотносительно* къ нравственному содержанию личности. И посмотрите, что получается: умъ, голова развивается до необыкновенныхъ размѣровъ, а сердце остается прежнимъ маленькимъ, холоднымъ; обезволивается совершенно и воля,—дѣлается слабой, дряблой, неактивной. Есть видъ животно-водныхъ, извѣстныхъ на народномъ языкѣ подъ именемъ „головастиковъ“,—голова настолько велика, что весь онъ въ ней. Къ идеалу головастиковъ, кажется мнѣ, стремится мірская книжная ученость. И та-же беспомощность, какъ у головастиковъ: возьмите такого человѣка изъ его родной стихіи, изъ моря словесности, въ которомъ онъ плаваетъ и поставьте на сухой берегъ реальной жизни,—въ большинствѣ случаевъ онъ окажется неприспособленнымъ къ ней и страннымъ въ ней. Наша задача—подчинить міръ сознанію, разуму („обладайте землею и владычествуйте надъ нею“ Быт. 1,—28); но сила наша не въ нашемъ эгоистическомъ засиліи, какимъ являетъ себя мірская ученость, а въ сознаніи немощи нашей, въ смиренномъ самоотреченіи, чрезъ что мы соединяемся съ источникомъ всемогущей силы—Богомъ. „Сила Моя, сказалъ Господь нашъ, въ немощи совершается“ (2 Кор. 12,—9). Мірская ученость тѣмъ плоха, что она ставитъ центръ внутри человѣка и чрезъ это сводитъ до минимума радіусъ круга доступныхъ человѣку знаній. Чрезъ это свѣтъ по природѣ превращается во тьму, по существу,—„Смотри, сказалъ Христось, свѣтъ, который въ тебѣ, не, есть-ли тьма?“ (Лук. 11,—35).

Когда Иисусъ Христось, *какъ, власть, илуцій, а не какъ книжники и фарисеи* проповѣдовалъ свое ученіе во время

праздника Кущей, тогда „іудеи“, передаетъ евангелистъ, дивились, говоря: какъ Онъ знаетъ писаніе не учившись?“

Неучившись?!— Они думали, что учиться можно только въ раввинскихъ школахъ; они не знали что у Христа была Своя школа въ Назаретѣ, Учитель которой былъ на небесахъ, классной комнатою которой служила мастерская плотника, предметомъ науки—воля Отца. Они не знали, что сокровенныя истины должны приходить отъ Бога, а мудрость—свыше, съ небесъ.

Неудивительно, что этого не знали іудеи—рабы закона, но удивительно, что этого и до нынѣ не знаютъ многіе христіане! Не знаютъ, и отъ этого не имѣютъ мира, радости, счастья; не хотятъ понять, что Христосъ и одинъ только Онъ освободитель и Спаситель; и кланяются своимъ кумирамъ, и мучаютъ сами себя; какъ капризные дѣти, отталкиваютъ несущую имъ любовь и миръ руку отца, тѣшатъ свою немощную, больную, осужденную на смерть плоть и гнетутъ, душатъ, насильственно умерщвляютъ то, что не знаетъ смерти и чего умертвить нельзя—свой безсмертный духъ.

Если все это, было постояннымъ, нелѣпымъ закономъ жизни челоѳчества во всѣ времена, то тѣмъ рельефнѣе это выступаетъ въ нашъ вѣкъ, вѣкъ матеріальнаго богатства и духовнаго убожества. Но пусть объ этомъ выразительнѣе скажетъ поэтъ.

„Ужасный вѣкъ! Что онъ посѣялъ!

Какую будущность взростилъ!

Какую силу въ сердца свѣялъ,

Какую жизнь въ насъ погубилъ!

Намъ надо вло жизни бремя,

Наскучилъ жизненный парадъ,

Мы обыграть хотѣли время,—

И каждый проигралъ закладъ...

Мы разгадали всѣ загадки,

Всѣ тайны сорвали съ земли:

И стали низки мы и гадки

Предъ окомъ собственной души.

Нѣтъ больше юности безпечной!

Съ ея мечтательной душой,

Съ ея невинностью сердечной,

Съ ея душевной сердечной

росточкой.

Намъ нынѣ тѣсно съ колыбели;
Мы рвемся къ гробу поскорѣй:
Мы, не дозрѣвъ, ужъ перерѣли
Въ огнѣ безвременныхъ страстей.
Намъ ужъ смѣшно почти, намъ стыдно
Невиннымъ быть, въ пятнадцать лѣтъ,
Еще хранить свой дѣтскій цвѣтъ...
Какъ ядовитыя ехидны,
Впились мы съ первыхъ лѣтъ въ себя:
Здоровье, силы, красота—
Заранѣ все облито ядомъ;
Заранѣ жизнь облита хладомъ;
Еще пухъ дѣтства на устахъ—
Ужъ пресыщеніе въ глазахъ;
Ужъ опытъ выѣлъ прелесть жизни,
Разбилъ цвѣтной ея кумиръ.
Какъ насмаленный факелъ тризны,
Покрылъ онъ чадомъ цѣлый міръ...
Ужъ все отвергнуто. Всѣ цѣли,
Всѣ блага отцвѣсти успѣли:
Зима—среди лучшихъ дней весны!
Въ пятнадцать лѣтъ мы—старики!
А тамъ: какъ царь между рабами,
Въ сердцахъ матерія одна
Своими грязными цѣпями
Всѣ страсти міра обвила,
Размежевала жизнь, какъ поле,
Изъ нуждъ слила для насъ кумиръ.—
И погребла въ своей неволѣ.—
Разсчетъ убилъ духовный міръ!
И стало все добычей злата;
Разсудокъ на вѣсь продаютъ;
Наука—путь къ сѣтямъ разврата;
Искусство молотомъ куютъ.
И нѣтъ ни чувствъ высокихъ, смѣлыхъ,
Ни славныхъ замысловъ въ груди,
Въ огнѣ терпѣнія созрѣлыхъ,
Взрощенныхъ крѣпостью души.
Нѣтъ больше мѣста имъ!.. Надменно
Пытая счастье и судьбу,

Мы дали волю лишь уму;
 Мы жаждемъ слышать непременно
 Его разчетливый отвѣтъ.
 А сердце? Сердцу вѣры нѣтъ!
 Долой съ души всѣ украшения!
 Какъ съ лика Божьяго сребро,
 Мы все расхитили съ нея
 И—промотали!.. И, въ забытїи,
 Скелеты голые душой
 Вредемъ по тернїю сомнѣнья,
 Гордяся нашей наготой.
 Страхимся чувству дать свободу;
 Какъ мертвецы въ своихъ гробахъ,
 Питаемъ тлѣніемъ природу
 И точимъ ядъ земной и прахъ.
 Нѣтъ больше ближняго!..

Все пало,

Все сочтено, все рѣшено!
 Самихъ себя уже намъ мало;
 Въ другихъ нѣтъ больше ничего.
 Въ грядущемъ—голая равнина;
 Въ быломъ—сожженная пустыня
 Да пепель рушенныхъ надеждъ.
 Всѣ отцвѣло, все измѣнило—
 И не страшна теперь могила!..
 Какъ на смерть раненный атлетъ,
 Нашъ эгоизмъ голодный бродить
 И ничего ужъ не находить:
 Что было,—въ юности пожралъ,
 Что есть,—державный опытъ взялъ...
 Но не таковъ духовный человекъ.—
 Нѣтъ, други, нѣтъ! не сынъ я вѣка!
 Я съ вами въ этотъ вѣкъ вступилъ,
 Но въ мѣстѣ съ жизнью человека
 Я жизнь иную получилъ.
 Я также былъ въ его служеньи,
 Я также несъ его ярмо.
 И, полный думы и сомнѣнья,
 Клонилъ задумчиво чело.
 Теперь прочь думай! Чистый, ясный,

Мнѣ въ душу влился новый свѣтъ,
 И умъ, товарищъ мой опасный,
 Увидѣлъ радостный разсвѣтъ.
 Тоска разсыпалась мечтами,
 И пала съ сердца чешуя,
 И жизнь волшебными крылами
 Мнѣ снова душу обвила.

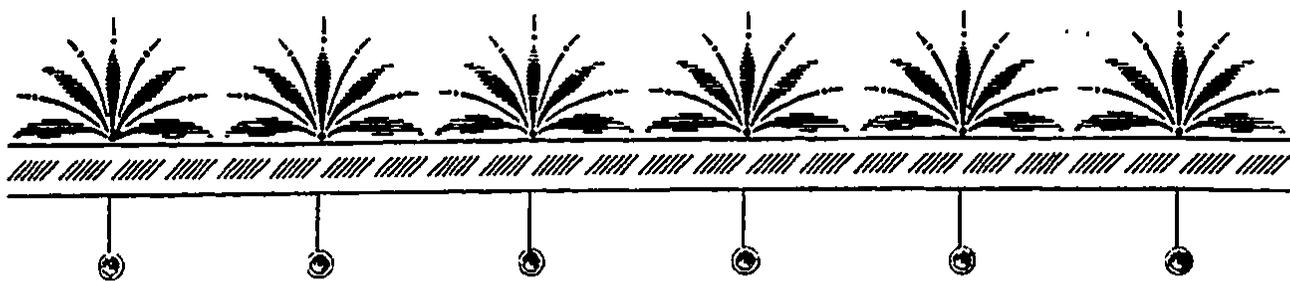
И измѣнился я тогда,
 Когда Христа принялъ въ себя,
 Онъ мнѣ открылъ все, всё обновилъ,
 Онъ въ рай меня святой Свой ввелъ,
 Онъ далъ мнѣ счастье, радость, миръ,
 Когда меня заблудшаго обрѣлъ.

Нѣтъ, други, нѣтъ! Не сынъ я вѣка,
 Хотя я съ вами въ вѣкъ вступилъ;
 Но вмѣстѣ съ жизнью человѣка
 Я жизнь иную получить! ¹⁾

Священ. Иоаннъ Дмитревскій.

¹⁾ Стихотвореніе взято изъ книги С. Нилуса: „Святѣныя подѣ спудомъ“, с. 7—9.

Вліяніє педагогическихъ и богословскихъ взглядовъ Теофана Прокоповича на церковно-школьное образование и воспитаніе на Руси въ первой половинѣ XVIII вѣка.

(Окончаніе)*).

Изъ богословскихъ взглядовъ Теофана Прокоповича, оказавшихъ извѣстное вліяніе на церковно-школьное обученіе, можно указать собственно только два. Это прежде всего ранѣе уже подчеркнутая мысль его о необходимости реформировать разработку и изложеніе богословской науки, до того времени всецѣло находившейся во власти схоластики. Отъ богословской науки Теофанъ потребовалъ разграниченія между догматическимъ и нравственнымъ богословіемъ, внесенія въ нее научно-историческаго метода изслѣдованія и изложенія матеріаловъ науки и не по системъ категорій Аристотеля, а сообразно съ ихъ собственной природой и внутреннимъ логическимъ соотношеніемъ. Такую реформу богословской науки Теофанъ произвелъ въ своемъ собственномъ курсѣ богословія и ее же потребовалъ отъ церковной школы въ Регламентѣ. Другую важную реформу, не прошедшую безъ вліянія, на духовное образованіе, онъ внесъ въ церковное проповѣдничество. Здѣсь его важнѣйшимъ стремленіемъ было освободиться отъ недостатковъ схоластической проповѣди—ея безжизненности и искусственности съ одной стороны и непристойныхъ церковной кафедрѣ внѣшнихъ способовъ ея произнесенія съ другой. Теофанъ также постарался опредѣлить специфическія свойства церковнаго проповѣдничества и впервые отдѣлилъ его отъ свѣтскаго краснорѣчія, однимъ изъ видовъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1913 г.

котораго оно прежде разсматривалось. Важнѣйшее свойство проповѣдничества онъ положилъ въ духѣ проповѣди и ея жизненности, въ дѣйственности и силѣ, учительности и педагогичности ея слова, при чемъ въ собственныхъ своихъ проповѣдяхъ далъ и образецъ практическаго приложенія къ проповѣди этихъ требованій. — Другія характерныя черты богословскихъ взглядовъ Теофана не отразились на церковно-школьной наукѣ и жизни.

Церковно-школьная педагогика Теофана Прокоповича и его вышеотмѣченныя реформаторскія тенденціи въ области церковно-богословской науки законодательной силой Духовнаго Регламента предназначались стать основаніемъ устройства и жизни русской церковной школы. Насколько эта цѣль была достигнута и какое вліяніе оказали педагогическіе и богословскіе взгляды Теофана на церковно-школьное дѣло въ Россіи, особенно въ первой половинѣ 18 вѣка, рѣшить этотъ вопросъ со всей исчерпывающей полнотой невозможно вслѣдствіе отсутствія такихъ историческихъ документовъ этой эпохи, которые бы могли пролить полный свѣтъ на дѣло. Однако же и по сохранившимся историческимъ даннымъ можно составить хотя и не полное, но вѣрное понятіе о вліяніи взглядовъ Теофана Прокоповича на церковно-школьное дѣло въ Россіи въ теченіе первой половины 18 вѣка. Это вліяніе въ данную эпоху, вообще говоря, не было особенно широкимъ по размѣрамъ и по качеству выразилось какъ въ положительныхъ, такъ и въ отрицательныхъ явленіяхъ церковно-школьной жизни. Оно естественно прежде всего должно было отразиться на жизни нашихъ тогда существовавшихъ Академій Кіевской и Московской, такъ какъ онѣ были организованными школами съ болѣе или менѣе широкимъ курсомъ наукъ. Организованной школѣ легче было реализовать всѣ вышеозначенныя педагогическія и богословскія предначертанія Теофана, тѣмъ болѣе что они получили силу законодательныхъ мѣръ. Но на самомъ дѣлѣ въ разсматриваемую эпоху этимъ предначертаніямъ не посчастливилось въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ осуществиться въ школьной практикѣ Академій. Кіевская Академія почти всецѣло стояла въ сторонѣ отъ вліянія взглядовъ Теофана Прокоповича, опираясь на силу и авторитетъ своихъ собственныхъ историческихъ традицій. Въ педагогической

части практика Кіевскоі Академіи, правда, почти совпадала съ взглядами Теофана, но въ области богословской между ними было и почти въ теченіе всей первой половины 18 вѣка оставалось существенное несогласіе. Произведенная Теофаномъ реформа богословія въ первое время встрѣтила даже сильную оппозицію и насмѣшки со стороны Кіевскихъ теологовъ. 1) Только два богослова рѣшились пойти по стопамъ реформатора, это Сильвестръ Кулябка и Георгій Конисскій. При томъ первый въ своемъ курсѣ Богословія съ 1741-45 г. еще не вполне вѣренъ идеямъ Теофана, а второй (съ 51 по 55) хотя и всецѣло слѣдуетъ ему, но идетъ не самостоятельнымъ путемъ, а по большей части рабски подражаетъ Теофану Прокоповичу 2). Легче и скорѣе въ Кіевской Академіи была воспринята реформа теории церковнаго проповѣдничества. По ея пути пошелъ Сильвестръ Кулябка и послѣдующіе за нимъ преподаватели риторики, при чемъ и до Сильвестра встрѣчались курсы съ извѣстнымъ вліяніемъ Теофановскаго направленія 3). Послѣ Кулябки это направленіе упрочилось въ Кіевской Академіи уже въ самомъ концѣ первой половины 18 вѣка. Относительно преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ въ Кіевской Академіи имѣющіяся свѣдѣнія, хотя и не со всей опредѣленностью, говорятъ за то, что здѣсь не были введены новыя начальныя, рекомендованныя Регламентомъ, общеобразовательныя науки и преподававшіяся ранѣе не были реформированы, за исключеніемъ развѣ философіи, которая стала излагаться съ большей ясностью и безъ излишней полноты.

Московская Академія болѣе восприняла духъ идей Теофана. Въ области собственно богословія она, правда, такъ же какъ и Кіевская почти до конца разсматриваемой эпохи оставалась вѣрной схоластическимъ методамъ. Вліяніе реформы Теофана Прокоповича стало проникать сюда болѣе или менѣе замѣтно только съ Кирилла Флоринскаго, слѣдовавшаго Теофану, и утвердилось уже послѣ системы не-

1) Справка изъ сочиненія Вишневскаго „Кіевская Академія въ первой половинѣ 18 столѣтія“, сдѣланная авторомъ изъ рукописей Кіев. Акад. стр. 265.

2) Конспекты богословскихъ системъ Кулябки и Конисскаго у Булгакова въ „Исторіи Кіевской Академіи“.

3) Вишневскій. Кіев. Ак. въ пер. пол. 18 в. стр. 168—171.

извѣстнаго автора отъ 1762 года, иногда буквально совпадающей съ системою Теофана. Но въ области проповѣдничества, состава свѣтскихъ наукъ и школьной педагогикѣ вліяніе сказалось гораздо ранѣе и сильнѣе. Проповѣдничество Московской Академіи быстро преобразуется въ духѣ Прокоповича и, по выраженію историка этой Академіи С. Смирнова, „принимаетъ характеръ живости въ изложеніи и иногда рѣзкой свободы въ мысли“¹⁾. Можно думать, что Московскіе проповѣдники строго слѣдовали теоріи Теофана и Регламенту, такъ какъ у нихъ замѣтно стремленіе даже цитаты для проповѣдей брать согласно Теофану болѣе всего изъ Златоуста²⁾. Такой успѣхъ Теофановской теоріи проповѣдничества въ Московской Академіи объясняется тѣмъ, что здѣсь реформа Теофана упала на еще незакоренѣвшую въ старомъ направленіи почву и не встрѣтила ни въ Академіи ни въ сѣверно-русскомъ обществѣ враждебныхъ ей традицій схоластической проповѣди. Съ другой стороны, въ курсѣ наукъ Академіи, съ середины тридцатыхъ годовъ 18-го вѣка, стали входить нѣкоторые предметы общеобразовательнаго характера. Грамматика; согласно Регламенту стала преподаваться въ связи съ чтеніемъ исторіи и географіи, при чемъ изъ историковъ переводился Юстинъ³⁾. По указу Петра Великаго отъ 1725 года Московская Академія должна была ввести у себя ученіе „геометріи и тригонометріи всякаго званія людей, кто пожелаетъ“⁴⁾. Этотъ указъ былъ изданъ, очевидно, не безъ вліянія, и оправданія со стороны Теофана Прокоповича и вѣроятно былъ приведенъ въ исполненіе въ Академіи. Преподавалась здѣсь также ариѳметика и политика⁵⁾. Даже философія стала выбиваться изъ, подъ ига схоластики, стала излагаться съ большей ясностью и безъ прежнихъ ненужныхъ подробностей. Во многихъ курсахъ философіи замѣтно знакомство съ новыми философами Бэкономъ, Декартомъ, Лейбницемъ и Вольфомъ⁶⁾. Въ этомъ, несомнѣнно, отчасти

¹⁾ С. Смирновъ. Исторія Московской славяно-греко-латинской Академіи стр. 118.

²⁾ Ibid. стр. 118—120.

³⁾ С. Смирновъ. Исторія Московской Славяно-Греко-латинской Академіи, стр. 109—110.

⁴⁾ Ibid. стр. 113.

⁵⁾ Ibid. стр. 110.

⁶⁾ Ibid. стр. 169.

сказывалось вліяніе требованія Регламента обращаться къ новѣйшимъ мыслителямъ, которые блистали не „великимъ остроуміемъ“, а „великимъ свѣтомъ“ реального знанія. Вообще въ Московской академіи въ первой половинѣ 18 вѣка болѣе нежели въ Кіевской былъ осуществленъ провозглашенный Теофаномъ принципъ положительности церковно-школьной науки. Если не полная реформа богословской науки въ духѣ Теофана, то во всякомъ случаѣ положительный общеобразовательный элементъ въ рассматриваемый періодъ значительно проникъ въ курсъ Московской академіи и именно проникъ, какъ тогда выражались, „по силѣ Духовнаго Регламента“. Много, конечно, схоластическаго оставалось еще въ образовательныхъ курсахъ какъ Московской, такъ и Кіевской Академій; академическая наука все еще продолжала вращаться въ области отвлеченныхъ формъ и мало обращала вниманія на реально-матеріальную сторону своихъ предметовъ; но благодѣтельная сила реформаторскихъ идей Теофана Прокоповича замѣтно начинала оказывать все большее и большее вліяніе на составъ и постановку академическихъ наукъ. Реформа академической науки къ концу половины 18 вѣка постепенно одерживала побѣду.

Педагогическая часть въ Московской академіи первой половины 18 вѣка значительно послѣдовала узаконеніямъ Регламента. Это обстоятельство способствовало тому, что въ жизни Московской Академіи возникли явленія аналогичныя явленіямъ въ другихъ церковно-учебныхъ заведеніяхъ, появившихся къ концу рассматриваемаго періода и организованныхъ по началамъ Регламента. Поэтому о нихъ рѣчь впереди. Нужно замѣтить только, что согласно Регламенту въ Академіи заботились о физическомъ и эстетическомъ воспитаніи студентовъ. Въ свободные часы имъ разрѣшалось занятіе музыкой, представленіе религіозныхъ комедій и рекреации или прогулки по одному или два раза въ мѣсяцъ, при чемъ этимъ прогулкамъ удѣлялось по цѣлому дню. Прогулки были пріятнѣйшимъ временемъ для студентовъ Академіи, онѣ нѣсколько скращивали суровость и неприглядность ихъ жизни. Въ этомъ болѣе, чѣмъ въ пользѣ для здоровья заключалось ихъ подлинное благодѣтельное значеніе.

Изъ представленнаго выше краткаго обзора медленнаго, но постепенно все болѣе увеличивавшагося успѣха собственно

учебно-образовательной реформы Феофана Прокоповича въ Академіяхъ видно, что его реформа въ этой области здѣсь клонилась все время къ большей пользѣ и процвѣтанію Академическаго образованія. Нѣсколько обратное явленіе случилось сначала при осуществленіи учебно-педагогическихъ узаконеній Регламента въ разныхъ мѣстахъ Россіи, — въ епархіяхъ, гдѣ еще совѣмъ не было специальныхъ церковныхъ школъ. По силѣ Духовнаго Регламента во всѣхъ епархіяхъ должны были заводиться при архіерейскихъ домахъ церковныя школы въ размѣрѣ Семинарій. Со стороны нѣкоторыхъ епархіальныхъ архіереевъ были сдѣланы энергичныя попытки къ осуществленію этого требованія еще въ тридцатыхъ годахъ 18 вѣка. Но въ этотъ періодъ, за исключеніемъ одной школы Харьковской¹⁾, ни въ одной провинціально-епархіальной школѣ не только не было достигнуто введеніе полного семинарскаго курса, а и самыя начальныя части его въ большинствѣ случаевъ не были выполнены. При этомъ школы были заведены далеко не во всѣхъ епархіяхъ, а только въ нѣкоторыхъ. Изъ отчета о состояніи церковныхъ школъ въ Россіи, представленнаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ Святѣйшимъ Синодомъ въ верховный тайный совѣтъ вслѣдствіе его указа отъ 14 іюля 1727 года²⁾, видно, что новыхъ архіерейскихъ школъ къ этому времени открыто было около тринадцати въ разныхъ епархіяхъ. Очень многія епархіи продолжали отставаться безъ церковныхъ школъ вслѣдствіе отсутствія средствъ для ихъ содержанія и учителей. Такъ, на примѣръ, Крутицкая епархія не имѣла школы „за неимуществомъ монастырей“, Переяславская „за скудостію епархіи“, Астраханская потому, что школы и учениковъ „содерживать нечѣмъ, понеже при домѣ архіерейскомъ, и монастырѣхъ, и при церквахъ никакихъ вотчинъ и земель не обрѣтается“ (Отчетъ). Въ другихъ епархіяхъ школы не были открыты по оставшимся неизвѣстнымъ причинамъ. Въ 12-ти приблизительно новооткрытыхъ школахъ и въ 3-хъ изъ тѣхъ, которыя существовали уже ранѣе по отчету обучали, да и то не вездѣ одинаково лишь „наукѣ элементар-

¹⁾ Знаменскій. „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года“ стр. 450.

²⁾ Пекарскій. Наука и литерат. въ Россіи при Петрѣ Вел. т. I, стр. 107-121. Здѣсь помѣщ. отчет. полностью.

ной латинской“ по латинскимъ элементарямъ, букварю Прокоповича, псалтыри, партесному пѣнію, часослову, славянской грамматикѣ и письму. Только въ пяти епархіяхъ курсъ школъ (за исключеніемъ, конечно, академіи и еще Харьковскаго коллегіума) былъ нѣсколько выше: въ Петербургской школѣ Теофана Прокоповича преподавались всѣ требуемые Регламентомъ общеобразовательные предметы; въ Новгородской и Черниговской преподавались славянская и греческая грамматика, пѣтика и риторика; въ Нижегородской существовало дѣленіе на три школы, въ одной изъ которыхъ учили букварямъ, въ другой—греческой грамматикѣ и въ третьей—славянской; наконецъ, въ Казанской школѣ какой-то „польской породы“ учитель Василій Свентицкій училъ „букварей наизусть и толкованій грамматическихъ четырехъ статей, орѳографіи, этимологіи, просодіи, орѳографійной... вокабуль, сентенцій, деклинацій и регуль со экспликаціями... градуляцій, комедійныхъ акцій, интермедій; *ариметическихъ* частей, нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультипликаціи“ и многихъ другихъ такого же рода премудрыхъ вещей изъ области первоначальныхъ наукъ семинарскаго курса. Какъ можно видѣть, такимъ образомъ, въ большинствѣ церковныхъ школъ тридцатыхъ годовъ курсъ ученія былъ самый элементарный, отнюдь не превосходившій курса распространенныхъ тогда въ Россіи домашнихъ школъ и также почти совершенно не отвѣчавшій семинарскому курсу Регламента. Отсюда, следовательно, если Регламентъ и имѣлъ какое нибудь вліяніе на эти школы, то оно было по преимуществу чисто внѣшнимъ, поскольку, именно, было только причиною самаго появленія этихъ школъ. Внутренняя и внѣшняя организація ихъ, всецѣло пока, опредѣлялась личной инициативой мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ и учителей. Вездѣ, въ нихъ учили своему, нѣтъ указаній на то, чтобы въ ученіи гдѣ нибудь особенно руководствовались соответствовавшими преподаемому предмету правилами Регламента. Такъ, на примѣръ, нѣтъ никакихъ рѣшительно данныхъ, говорящихъ о томъ, чтобы въ новооткрытыхъ школахъ грамматика по Регламенту проходила съ исторіей и географіей и проч. Правда, какъ ни ограниченъ былъ сначала курсъ церковныхъ школъ, открываемыхъ „по силѣ Духовнаго Регламента“, самое появленіе ихъ несомнѣнно было отпаднымъ фактомъ.

Однако, если принять во вниманіе съ одной стороны а) бѣдственное матеріальное положеніе этихъ школъ,—не могущее дать имъ прочнаго существованія,—b) недостатокъ учителей и с) нѣкоторыя свойства ихъ, какъ на примѣръ строгость, неизмѣнную латынь и др., сильно отпугивавшія отъ этихъ школъ учащуюся молодежь, а съ другой—то, что съ открытіемъ ихъ потеряли правительственную поддержку домашнія школы,—если принять во вниманіе и взвѣсить эти обстоятельства, то не трудно будетъ замѣтить, что вызванное Регламентомъ открытіе церковныхъ школъ сначала серьезно грозило общимъ упадкомъ русскаго образованія. Дѣло въ томъ, что до Петровской реформы главнымъ источникомъ образованія въ Московской Руси были домашнія школы. Здѣсь учили главнымъ образомъ чтенію и письму, церковному уставу и благочестивому обычаю; дальше этого сѣверно-русское образованіе обыкновенно и не шло, такъ что все оно почерпалось по большей части именно въ домашнихъ школахъ. Число ихъ было очень значительно, хотя и неопредѣленно. Эти домашнія школы давали весьма большой по тому времени процентъ грамотныхъ людей въ русскомъ обществѣ. По вычисленію А. И. Соболевскаго ¹⁾, число грамотныхъ среди духовенства и монаховъ въ 16 и 17 вѣкахъ колебалась въ предѣлахъ 70 процентовъ; среди помѣщиковъ въ предѣлахъ 50—60⁰/₀; среди придворныхъ—78⁰/₀; среди купечества—75—96⁰/₀; крестьянъ—15⁰/₀, и посадскихъ людей—20⁰/₀. Такой процентъ грамотности, обусловливаемый дѣятельностью домашнихъ школъ, краснорѣчиво говоритъ о томъ, что эти школы были драгоцѣнной образовательной силой для русскаго сѣвера. И вотъ эту то какъ разъ великую силу введеніе новыхъ церковныхъ школъ и перенесеніе на нихъ правительственной поддержки и подорвало. Это было временный, но печальный симптомъ въ исторіи русскаго образованія. Домашнія школы сразу ослабѣли и постепенно стали сходить со сцены, а на мѣсто ихъ выступали такія же элементарныя, но немногочисленныя, необезпеченныя, не пользующія симпатіями общества и подверженныя всевозможнымъ превратностямъ печальной судьбы церковныя архіерейскія школы. Ихъ немедленное распространеніе и развитіе съ

¹⁾ „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“.

одной стороны, и ослабленіе домашнихъ школъ съ другой, — въ нѣкоторыхъ епархіяхъ было причиною замѣтнаго упадка образованія. Въ другихъ епархіяхъ бѣдственное положеніе или даже отсутствіе архіерейскихъ школъ дало возможность еще нѣкоторое время продержаться школамъ домашнимъ, которыя, такимъ образомъ, фактически оставались разсадниками церковно-народнаго образованія до усиленія и развитія духовной школы въ четвертое десятилѣтіе 18 вѣка. Только счастливая поддержка, оказанная въ это время церковнымъ школамъ со стороны правительства, помогла русскому образованію, въ рассматриваемый періодъ начавшему сосредоточиваться главнымъ образомъ въ духовныхъ школахъ, не только сохраниться, но и пойти по пути развитія. Съ этого именно времени вступленія церковной школы и путь развитія и началось собственно вліяніе педагогическихъ взглядовъ Теофана Прокоповича на самую внутреннюю организацію и жизнь ея.

Усиленіе и развитіе церковныхъ школъ въ сороковыхъ годахъ 18 столѣтія вызвано было цѣлымъ рядомъ высочайшихъ указовъ и связанныхъ съ ними распоряженій Св. Синода. Изъ высочайшихъ указовъ даннаго періода, касающихся церковныхъ школъ, характерны два: одинъ отъ 17 Марта 1730 года, повелѣвавшій согласно Регламенту, учредить духовныя школы по всѣмъ епархіямъ, и другой отъ 1737 года, въ которомъ предписывалось духовныя школы заводить въ объемъ семинарій. Еще первый изъ этихъ указовъ вызвалъ въ дѣйствительности преобразование многихъ архіерейскихъ школъ въ семинаріи, второй указъ только санкціонировалъ и поддержалъ такой ходъ дѣла. Численность семинарій къ 1740 году достигла 17. Въ послѣдующее время преобразование прежнихъ церковныхъ школъ и открытіе новыхъ въ объемъ семинарій продолжалось, такъ что въ 1764 году въ Россіи было уже 26 семинарій съ 6000 учениковъ¹⁾. Учебный курсъ и воспитательная часть этихъ семинарій постепенно организовались по началамъ Регламента. Послѣднему обязано своимъ происхожденіемъ даже самое названіе семинарій. Такъ какъ въ рассматриваемый періодъ Семинаріи развивались неодинаково и такъ какъ о

1) Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи, стр. 140—185.

нихъ не сохранилось полныхъ и точныхъ свѣдѣній, то характеристику ихъ состоянія за этотъ періодъ, отражающаго на себѣ вліяніе идей Теофана Прокоповича, можно дать только самую общую. Образцомъ учебнаго курса для всѣхъ Семинарій была программа Регламента. Есть основаніе думать, что начальства почти всѣхъ Семинарій мечтали ввести у себя учебный курсъ въ размѣрѣ Регламента. Правда, не всѣмъ семинаріямъ и не такъ легко удавалось достигнуть этого. Раньше другихъ высшіе классы философскіе и богословскіе появились въ Харьковской Семинаріи или коллегіумѣ. Другія семинаріи, въ которыхъ высшіе классы были заведены еще въ первой половинѣ 18 столѣтія, имѣли счастье увидѣть ихъ у себя уже къ концу этого періода. Такихъ семинарій было 7. Кромѣ указанныхъ — изъ общаго числа семинарій три имѣли философскіе классы, а въ остальныхъ ученіе въ разное время доводилось до разныхъ классовъ, но почти никогда не превышало половины курса Регламента. Однако то несомнѣнно ясно, что всѣ семинаріи старались приблизить свое внѣшнее дѣленіе на классы къ курсу Регламента и въ этомъ первая большая доля его вліянія.

Составъ и характеръ наукъ, которыя преподавались въ новопоявившихся семинаріяхъ, очень мало приближался къ требованіямъ Регламента, хотя послѣднія, повидимому, считались въ семинаріяхъ наилучшимъ образцомъ. Такъ общеобразовательные предметы географія и исторія, геометрія и физика въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ по сохранившимся даннымъ не преподавались ни въ одной семинаріи, за исключеніемъ развѣ Петербургской и Харьковской (въ послѣдней преподавались математика, геометрія и архитектура, но только до 1741 г. ¹⁾). Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ стали входить въ курсъ семинарій уже въ шестидесятихъ годахъ. Ариѳметика до шестидесятихъ годовъ также преподавалась только въ немногихъ семинаріяхъ, а политика и совсѣмъ нигдѣ не вошла въ семинарскій курсъ ²⁾. Такимъ образомъ, общеобразовательный элементъ въ составѣ самыхъ основныхъ и начальныхъ наукъ очень мало проникъ въ семинарское образованіе. Даже философскія науки, какъ видно

¹⁾ Знаменскій. Церковныя школы, стр. 460.

²⁾ Знаменскій. Духовныя школы въ Россіи... 436—480.

изъ предыдущаго, въ семинаріяхъ были рѣдкостью. Принципъ положительности знанія, слѣдовательно, провозглашенный Теофаномъ Прокоповичемъ, въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ былъ осуществленъ средней церковной школой первой половины 18 вѣка. Для этой школы вообще характерно то, что она съ одной стороны стремилась организоваться по началамъ и въ духѣ Регламента, а съ другой—не смотря на это сильно отстала отъ самыхъ основныхъ его общеобразовательныхъ требованій. Но это очень просто объясняется отсутствіемъ у нея самостоятельныхъ творческихъ силъ, которыя бы сами могли двинуться по новому пути. Семинарія не имѣла нужныхъ учебниковъ и руководствъ по общеобразовательнымъ предметамъ, не имѣла очень долго и авторитетнаго примѣра въ лицѣ академій, особенно Кіевской, откуда шли образовательныя силы. Семинарская наука все время двигалась за академической, и какъ бы сильно на мѣстахъ не сознавали необходимости и не требовали пополненія ея общеобразовательнымъ курсомъ, этотъ курсъ не могъ проникнуть сюда ранѣе его появленія и развитія въ Академіяхъ. Точно такое же явленіе наблюдалось и въ положеніи специально богословской науки въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ были заведены богословскіе классы. Новый Теофановскій методъ богословія проникъ въ эти семинаріи уже въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ того какъ онъ сталъ завоевывать себѣ мѣсто въ Академіяхъ. Во всякомъ случаѣ образовательныя предначертанія Теофана Прокоповича, выраженные въ Регламентѣ, предначертанія, въ значительной мѣрѣ способствовавшія самому возникновенію духовныхъ школъ въ формѣ семинарій, не только вызвали умноженіе церковныхъ школъ и повліяли на ихъ вышнюю организацію, но къ концу первой половины 18 вѣка оказали и несомнѣнное вліяніе на самый составъ и характеръ даваемого ими образованія. Это послѣднее вліяніе должно быть признано весьма благотворнымъ для церковной школы. Если вообразить себѣ такую картину развитія церковнаго образованія въ Россіи, чтобы оно силою какихъ нибудь обстоятельствъ распространилось здѣсь, но не воспринявъ вліянія реформаторскихъ взглядовъ Теофана Прокоповича и оставшись по прежнему крайне схоластичнымъ, то легко можно оцѣнить всю важность въ данномъ случаѣ вліянія идей Те-

офана. Его заслуга для русскаго церковнаго образованія первой половины 18 вѣка и послѣдующаго времени состоитъ не только въ томъ, что онъ былъ одной изъ важнѣйшихъ причинъ его развитія въ это время въ Россіи, но и въ томъ особенно, что внутренняя сила и цѣлесообразность его реформаторскихъ взглядовъ постепенно къ концу половины преобразовательнаго вѣка стала вытѣснять стихійно проникшую въ новыя русскія церковныя школы схоластику и насаждать здѣсь духъ положительнаго знанія и оздоровленія самой богословской науки.

Воспитательная атмосфера церковной школы разсматриваемаго періода была весьма тяжелой. Между воспитателями и воспитанниками констатируется совершенное отсутствіе дружественно-семейныхъ отношеній и полная духовная разобщенность. Воспитательное воздѣйствіе въ это время ограничивалось только требованіемъ отъ воспитанниковъ точнаго внѣшняго выполненія школьныхъ правилъ и не милосердными взысканіями съ нихъ почти исключительно съ помощію розогъ и палокъ.

Такой суровой способъ воздѣйствія и необыкновенная грубость обращенія между воспитателями и воспитанниками безъ малѣйшаго желанія съ обѣихъ сторонъ ее какъ нибудь ослабить, превращали воспитанниковъ духовной школы почти въ заклятыхъ враговъ своего воспитательнаго персонала. Необыкновенная и мелочная строгость послѣдняго, его холодный юридизмъ въ оцѣнкѣ поведенія, въ воздѣйствіи и въ обращеніи съ питомцами духовной школы, все это было въ послѣдней явленіемъ обычнымъ повсемѣстнымъ. Первые піонеры изъ питомцевъ духовной школы въ области испытанія на себѣ ея воспитательнаго режима часто не выдерживали его тяжести и просто напросто бѣжали изъ школы. Историческіе документы о состояніи церковныхъ школъ въ первое время ихъ появленія „по силѣ Духовнаго Регламента“ пестрятъ сообщеніями о массовыхъ побѣгахъ духовныхъ воспитанниковъ изъ своихъ школъ.

При этомъ указывается, что ученики бѣжали не только „за невзятіемъ науки“, но и „за скорбію“, т. е. за неспособностью выдержать тяжести школьной жизни, въ наиболѣе значительной мѣрѣ создававшуюся своеобразнымъ воспитательнымъ режимомъ. Но послѣдующія поколѣнія питом-

цевъ духовной школы къ концу первой половины 18 вѣка сумѣли сжитья и привыкнуть къ своей воспитательной системѣ, выработавъ характерный для духовной школы того, да и послѣдующаго времени духъ рѣзкой оппозиціи къ своему школьному начальству. Эта оппозиція, вслѣдствіе закрытаго характера духовной школы,—которую тогда дѣйствительно устраивали какъ бы „образомъ монастыря“,—вслѣдствіе малаго сообщенія учениковъ съ внѣшнимъ міромъ, была всегда ихъ главнѣйшимъ злободневнымъ настроеніемъ.

Изъ такого настроенія, конечно, для нравственнаго воспитанія духовнаго воспитанника не могло выйти ничего хорошаго. Дѣйствительно, ученическая среда, сплоченная во—едино общей войной съ школьнымъ начальствомъ, подъ вліяніемъ ежедневныхъ экзекуцій розгами и калмыцкими плетями, карцеровъ и лишеній безъ того скудной пищи, подъ вліяніемъ необыкновенной черствости педагоговъ,—вырабатывала въ себѣ самые отрицательные нравственные характеры, самые грубые инстинкты челоуѣконенавистничества, злобы и низкаго эгоизма, самые отвратительные подчасъ пороки. Создававшаяся, такимъ образомъ, атмосфера школьной жизни никакъ не могла способствовать нравственному воспитанію и развитію духовныхъ юношей. Это было тяжелое время въ жизни духовной школы.

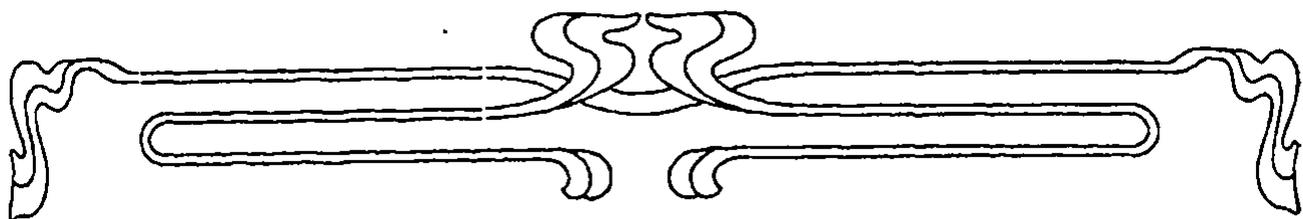
Сказанное нами о постановкѣ воспитательной части въ семинаріяхъ имѣетъ полную силу и относительно академій. И тамъ въ разсматриваемое время царили почти тѣ же недостатки, хотя и не имѣли такой силы, какъ въ семинаріяхъ, и къ концу періода, ко времени митрополита Платона замѣтно пошли на убыль.

Насколько, въ общемъ, повиненъ во всѣхъ этихъ недостаткахъ русскаго церковно-школьнаго воспитанія первой половины 18 вѣка, Теофанъ Прокоповичъ со своими педагогическими взглядами, выраженными въ регламентѣ? Очевидно, что педагогическіе взгляды Теофана Прокоповича оказали, въ значительной степени, невыгодное вліяніе на церковно-школьное воспитаніе періода первой половины 18 вѣка. Но они не были единственною и исключительною причиною всѣхъ отрицательныхъ качествъ послѣдняго. Печальную роль другой важной причины ихъ игралъ духъ времени и воспитательные взгляды всѣхъ почти тогдашнихъ русскихъ

церковныхъ педагоговъ. Отсюда если на Теофанъ Прокоповичъ и лежитъ вина за эти недостатки, то она значительно ослабляется во первыхъ участіемъ въ дѣлѣ указанной посторонней причины, а во-вторыхъ тѣмъ, что Теофана нельзя слишкомъ строго судить за неумѣнье въ педагогической области школьнаго дѣла высоко подняться надъ общимъ духомъ своего сурового времени. Нѣкоторое возвышеніе надъ послѣднимъ у Теофана несомнѣнно замѣтно, на примѣръ, въ томъ же требованіи физическаго и эстетическаго воспитанія, затѣмъ въ требованіи отъ педагоговъ, чтобы они были „не вельми свирѣпыми“ и „не меланхоликами“ и въ другихъ отношеніяхъ. Но ни одно изъ этихъ добрыхъ желаній не могло осуществиться въ духовной школѣ вслѣдствіе основной точки зрѣнія Теофана на отношенія между воспитателями и воспитанниками и на полномочія первыхъ надъ послѣдними. Строгость суда надъ Теофаномъ въ данномъ случаѣ должна быть умѣрена еще и той великой заслугой, которую онъ принесъ церковно-школьному образованію 18-го вѣка, много способствуя самому появленію на Руси церковныхъ школъ и развитію ихъ въ новомъ, болѣе плодотворномъ чѣмъ схоластическое, направленіи.

N.

Эстетическое созерцаніе природы.

(Этико-психологическій очеркъ).

(Окончаніе *).

III.

Веди въ тотъ край, гдѣ чуждѣ
тоски тревожной
Возрадуюсь живымъ восторгомъ я,
Гдѣ въ смутный часъ томящаго
недуга
Нась ждетъ любовь, насъ манитъ
ласка друга!

В. Гете.

Пріятность эстетическаго состоянія, прежде всего, отрицательнаго характера. Она заключается въ устраненіи изъ сознанія бывшихъ дотолѣ непріятностей. Отдаваясь эстетическому созерцанію, мы освобождаемся отъ гнетущаго чувства тяжести, возносимся въ царство свободы и красоты, забываемъ всѣ заботы. Мы начинаемъ дышать болѣе чистымъ воздухомъ, лучи солнца кажутся намъ еще болѣе золотыми, туманы расплываются, и прелесть нашимъ взоромъ проносится цѣлый рай образовъ нѣжныхъ и милыхъ, образовъ трогающихъ и смѣшавшихъ насъ. ~~Тамъ~~ удрученный, самый озабоченный человекъ, точно какимъ волшебствомъ, сбрасываетъ съ себя тяжелое бремя заботъ, забываетъ лишенія, огорченія; всякія волненія отрицательнаго характера, всякія сомнѣнія, всякія безпокойства какъ бы умиротворяются разомъ, разрѣшаются въ какое то высшее спокойствіе, полное ясной, гармонической радости. Тогда становится

Свѣтлѣ мысль, ровнѣ сердце бьется.

На міръ глядишь и вѣра и любя,

И всей душой, всею силою живешь

Въ надеждѣ сердцемъ на себя

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 1911 г.

И „въ сердцѣ нѣтъ тоски земной“. Поэтично передаетъ это настроеніе Шиллеръ,

И смертный разомъ въ царство духа
Несется вольною душой.
Смолкаютъ гордые порывы,
Ему не падо ничего,
И голосъ жизни суетливой
Уже не трогаетъ его.
Забыты горе и страданье
Пока царить очарованье.

Въ эстетическомъ созерцаніи человѣкъ какъ бы разрываетъ свою тѣлесную ограниченность, свою индивидуальную замкнутость. Онъ ощущаетъ себя до тѣхъ глубинъ, гдѣ его личное существованіе соприкасается и сливается съ конечною причиною міра, съ божествомъ. Въ этотъ моментъ, стоящій, такъ сказать, вѣчности, кончается трагедія внутренняго раздвоенія, кончается трагическое противорѣчіе между реальной ограниченностью и идеальной безграничностью человѣка. Въ это время человѣкъ какъ бы превосходитъ самого себя и ощущаетъ себя въ полной гармоніи съ тѣмъ, чему свободно отдаться мѣшаетъ ему его тѣлесная оболочка. Этотъ моментъ можетъ быть названъ моментомъ „высшаго бытія“, такъ какъ онъ является выраженіемъ высшаго самосознанія, а, слѣдовательно, высшаго самоощущенія.

Въ моментъ этого созерцанія насъ внезапно какъ бы охватываетъ свѣтлый мистически-религіозный порывъ, живое ощущение Божества въ видимомъ мірѣ; переживая вѣчность въ преходящемъ мгновеніи, человѣкъ какъ бы чувствуетъ дыханіе Всеединого, дыханіе сметающее весь соръ души, и ощущаетъ вдохновенную радость умиленія, примиренія, всепрощенія.

Наше сердце становится болѣе добрымъ, открытымъ для всевозможныхъ альтруистическихъ чувствованій. Мы охотнѣе простимъ нашему ближнему обиду, окажемъ помощь нуждающемуся, рѣшимся на самоотверженный подвигъ. „Наслажденіе прекраснымъ, трогательнымъ, возвышеннымъ укрѣпляетъ наши нравственныя чувства точно такъ же, какъ удовольствіе въ благотвореніи, любви и т. д. укрѣпляетъ всѣ эти склонности“ ¹⁾. Въ слѣдующихъ прекрасныхъ сло-

¹⁾ Шиллеръ. Т. III, стр. 425. СПБ. 1884 г.

вахъ поэта Лермонтова отмѣчена вся важность, въ этическомъ смыслѣ, эстетическихъ наслажденій природою; при созерцаніи ея, говоритъ о себѣ поэтъ,

Смиряется души моей тревога,
Расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Счастье, по нему,—въ томъ, чтобы постоянно быть въ общеніи съ природою, дышать съ нею „однимъ дыханіемъ“: „Блаженъ“, говоритъ онъ,

... кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ.
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студенный
Струей гремячей прыгаетъ, сверкая...
Блаженъ! Его душа всегда полна.
Поэзіи природы звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина...

„Хорошо тому, говоритъ Шиллеръ, блаженнымъ долженъ я считать того, кто въ тиши деревенскаго луга, далеко отъ запутанныхъ круговъ жизни, какъ дитя, лежитъ на груди природы“¹⁾. „Тѣ часы, говоритъ одинъ англійскій писатель, когда наши души исполнены сознанія красоты природы, суть единственные часы, когда мы живемъ полною жизнью; чѣмъ больше времени мы можемъ посвятить созерцанію природы, тѣмъ больше часовъ жизни мы отстаиваемъ для себя отъ безпощаднаго времени; это и есть настоящая жизнь, все остальное—иллюзія, или только стремленіе къ терпѣливому примиренію съ жизнью. Идеаль природы это—обладать вѣчной красотой и спокойствіемъ, безъ примѣси всякихъ нравственныхъ волненій; если я съ своей стороны не могу достигъ этой высоты идеала, то, по крайней мѣрѣ, могу мечтать о ней“²⁾. Д. Рескинъ, описывая поразительныя красоты прекраснаго міра, къ которымъ человѣчество относится довольно равнодушно и принимаетъ выпадающія на его долю

¹⁾ Цит. заим. А. Бизе. Историческое развитіе чувства природы. СПб. 1891 г., стр. 369.

²⁾ Цит. заим. Д. Леббокъ. Успѣхи и радости жизни. СПб. 1890 г., стр. 264—265.

блага земныя, какъ нѣчто должное, не испытывая особыхъ чувствъ благодарности, говорить: „наши духовные наставники, восхваляя намъ любовь и милосердіе Божіе, указываютъ намъ на тѣ случаи, когда Его милость всего щедрѣе и явственнѣе проявляется; они распространяются о томъ, что Богъ печется о нашемъ насущномъ хлѣбѣ, объ одеждѣ и здоровьи (которыми одѣлены и всѣ низшія животныя), но они не научаютъ насъ благодарить Его за способность понимать все величіе Его твореній, которое только мы и можемъ постигать; наши духовные наставники учатъ насъ предаваться размышленію въ одиночествѣ, вмѣсто того, чтобы посылать насъ въ поле вечернею порой и тамъ созерцать всю прелесть мірозданія и прославлять Творца“¹⁾. „Что можетъ, спрашиваетъ тотъ же эстетъ, сравниться съ зрѣлищемъ небосклона, усѣяннаго ярко-золотыми блестками, или видомъ луны, странствующей по темному небу въ своей серебряной ризѣ. Глядя на нее, можно вообразить себя архангеломъ, присутствующимъ при сотвореніи міра“²⁾.

„Освобождаясь въ эстетическомъ созерцаніи отъ вещественной дѣйствительности, мы отрѣшаемся отъ нашего собственнаго вещественнаго я. Въ насъ умолкаютъ личныя стремленія и интересы; наши опасенія и надежды, наши планы и житейскія обстоятельства отходятъ назадъ. Личное наше я, занятое обыденными интересами и преисполненное опасеній за собственное благополучіе, остается совершенно въ сторонѣ. Освободиться на нѣкоторое время отъ нашего любезнаго, но тягостнаго я, чувствовать облегченіе отъ удушающей тяжести и однообразной суеты, неотдѣлимыхъ отъ этого я,—вотъ истинное счастье, доставляемое эстетическимъ созерцаніемъ³⁾. „Эстетическое наслажденіе—это благодатный роздыхъ, перемиріе въ нашемъ внутреннемъ разладѣ; оно прекращаетъ въ насъ эту рознь, привлекая всѣ стороны нашего существа къ воспріятію того, что заключается въ художественномъ произведеніи“⁴⁾.

1) Цит. заим. Д. Леббокъ. Успѣхи и радости жизни, стр. 6—7.

2) Ibid., стр. 96.

3) I. Фолькельт. Современные вопросы эстетики. СПб. 1899 г., стр. 28.

4) В. Шербюлье. Искусство и природа. СПб. 1894 г., стр. 34.

Предаваясь эстетическому созерцанію, мы остаемся живыми личностями, но ведемъ жизнь выше личной, жизнь въ мірѣ общихъ для всѣхъ образовъ и идеаловъ. Глубокій смыслъ лежитъ въ словахъ Шиллера, что чувственными удовольствіями мы наслаждаемся только какъ особи, радостями познанія только въ качествѣ представителей рода, а прекраснымъ и какъ особи и какъ представители рода разомъ¹⁾.

Въ удовольствіи эстетическаго созерцанія можно констатировать и положительный элементъ. Созерцающій субъектъ, хотя и бессознательно, безъ всякаго отчета, однако, вполне реально переживаетъ въ своемъ существѣ чудную, чарующую гармонію; среди окружающей природы душа эстетически созерцающаго ее человѣка становится какъ то лучше: что-то возвышенное, чистое, ясное проникаетъ въ душу, сообщая сладость тайнымъ мукамъ, упоеніе чѣмъ-то невѣдомымъ, роднымъ, усиливая бой безтрепетныхъ сердецъ; въ эти часы хочется вѣрить, что въ жизни есть какой-то тайный, нами еще неразгаданный, смыслъ, что гдѣ-то далеко, далеко, какъ блуждающій огонекъ, мерцаетъ какая-то плѣнительная надежда, то на будущее небо, то на славу, то на наслажденіе; душа какъ-бы охватывается чувствомъ всеобъемлющаго единства и растворяется въ немъ, уносится на крыльяхъ поэзіи въ „волшебную безбрежность“ и сливается съ нею до полного и сладкаго забвенія своей личности, въ иныхъ случаяхъ даже до потери сознанія рѣзкой грани, раздѣляющей я отъ не-я. У кого не волновалось сердце, вырываясь отъ радости, когда ему внутренняя жизнь природы во всей полнотѣ проникаетъ въ его душу, когда затѣмъ, то могучее чувство, для котораго языкъ не знаетъ другого имени, кромѣ любви, распространяется въ немъ, и онъ, дрожа въ сладостной тревогѣ, погружается въ манящія нѣдра природы, и его личность уничтожается въ заливающихъ ее волнахъ радости.

* Идеаль красоты находится въ полномъ согласіи съ идеалами истины и добра, а потому они не нарушаютъ гармоніи эстетическаго состоянія. Такъ. Познавая природу, человѣкъ констатируетъ въ ея жизни единство, простоту и ясность при полной, повидимому, сложности и беспорядоч-

¹⁾ Schiller. Ueber die aesthetische Erziehung des Menschen. Въ концѣ 27 письма.

ности, и такимъ образомъ даетъ пищу эстетическому чувству; при помощи этого чувства человекъ иногда можетъ проникнуть въ нѣкоторыя тайны природы: исторія знаетъ случаи, что художники, поэты въ одиночествѣ своего поэтического настроенія иногда улавливали въ мірѣ то же, что постигается съ вершинъ культуры, прошедшей чрезъ всѣ испытанія ума и чрезъ всѣ искушенія духа и достигшей сознательной гармоніи съ лучшими влеченіями сердца, иначе, — предвосхищали истину раньше ученыхъ.

Величественная природа, смѣло сіяющая неувядающей красою и „у гробового входа“, стоя внѣ обыденной дѣйствительности, переноситъ воображеніе человека въ міръ чистаго, идеальнаго бытія, гдѣ его, нерѣдко мятущійся духъ находитъ спасительное прибѣжище отъ мучительнаго чувства разочарованія, сомнѣнія, тревоги, неудовлетворенности, душевнаго одиночества, черпая тамъ, у живительнаго источника, цѣлительную влагу, успокоеніе, вызывающее, въ свою очередь, просвѣтленное настроеніе, жаждущее любви сердце получаетъ желанное удовлетвореніе, а творческая фантазія — по истинѣ величественные образы.

Несомнѣнно, что умственная жизнь наша и духовное творчество хирѣютъ и вянутъ, какъ только мы прерываемъ связь съ природою, когда между нами и природою прекращается постоянный обмѣнъ воздѣйствій, когда мы забываемъ ее, изолируемъ себя отъ нея, уходимъ въ себя и перестаемъ получать отъ нея оживляющія насъ впечатлѣнія и стимулирующіе насъ импульсы. Однако изъ самыхъ неизбѣжныхъ послѣдствій такой изолированности нашей психики является расшатанность послѣдней: она теряетъ ту точку опоры, которую человѣческая мысль имѣетъ, сама не подозревая этого, въ контролѣ со стороны внѣшнихъ впечатлѣній; послѣднія играютъ не только въ нашей жизни, но и въ нашей умственной дѣятельности, роль путеводныхъ указателей.

Исторія культуры легко констатируетъ тотъ фактъ, что среди лѣсовъ и горъ, на просторѣ степей или на уединенныхъ островахъ океана иногда слагались удивительно разумныя отношенія человека къ природѣ, а потому, думается, истинно гуманныя отношенія его къ своимъ ближнимъ: слагалась высокая и умственная и нравственная культура, дававшая здоровье, неотравленное счастье. Ученые,

вникая въ вѣрованія и поэзію древнихъ арійцевъ, поражаются возвышенностью ихъ духа; судя по остаткамъ ихъ эпоса и культа, можно сказать, что имъ были доступны высокія откровенія чувства и мысли. Среди природы они со свѣжимъ чувствомъ и яснымъ взглядомъ смотрѣли на величественный міръ, ихъ окружавшій, относясь съ живою радостью и сердечнымъ вниманіемъ даже къ самымъ легкимъ его явленіямъ, а потому обладали множествомъ свѣдѣній, взятыхъ изъ живой дѣйствительности, обладали чуткою интеллектуальною душою, которая откликалась радостно на всѣ впечатлѣнія бытія. Не связана ли, напр., исторія вершинъ земли съ исторіей вершинъ мысли, можно ли отнять у горныхъ видовъ нѣкоторое участіе въ томъ, что дало грекамъ и итальянцамъ ихъ руководящую роль въ умственной жизни европейскихъ народовъ. Она отмѣтитъ, что нѣтъ ни одного уголка земли въ обѣихъ этихъ странахъ, откуда не видно было бы горъ: онѣ почти всегда составляютъ характерную особенность пейзажа. Очертанія горъ Спарты, Коринѳа, Аѳинъ, Рима, Флоренціи, Пизы и Вероны исполнены совершеннѣйшей красоты; и какое бы отвращеніе или презрѣніе къ тяжелымъ горнымъ массамъ ни проявляли греки, одинъ тотъ фактъ, что они поставили святилище Аполлона у подножія Дельфійскихъ скалъ, а тронъ его на Парнасѣ, доказываетъ, что они сами приписывали свое высшее умственное вдохновеніе вліянію горъ!).

Припоминая вообще чудесный расцвѣтъ древне-эллинской культуры, мы легко констатируемъ тотъ фактъ, что греки, напр., дали поколѣніе величайшихъ мыслителей, поэтовъ, художниковъ; какихъ только знаетъ исторія.

1) См. Р. Сизоранъ. Op. cit. стр. 116.

Горы, по выраженію Рескина, какъ будто были воздвигнуты съ цѣлю служить всему человѣчеству въ качествѣ школъ или церквей; онѣ изобилуютъ сокровищами иллюстрированныхъ манускриптовъ, интересующихъ изслѣдователя; полны простыхъ поучительныхъ истинъ для писателя, обладаютъ спокойными кельями для мыслителя и благоговѣйнымъ величіемъ для набожныхъ людей. Горы—величайшіе кафедральные соборы, какіе только существуютъ на свѣтѣ; вратами имъ служатъ гранитные утесы, облака кровлю, алтари сооружены изъ снѣга и сводъ освѣщенъ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ. (Цит. заим. Д. Лебковъ. Op. cit. стр. 280).

Наоборотъ, отчужденіе отъ природы влекло за собою упадокъ цивилизаціи и глубокое разстройство въ челоуѣчествѣ. Человѣчество выросло въ океанѣ вѣчно свѣжаго воздуха, вспоено кислородомъ лѣсовъ и степей, а потому чахнетъ, если ему случится попасть въ условія, такъ или иначе измѣняющія его первобытную обстановку.

Являясь, такимъ образомъ, вполне самодовлѣющею, идеальною цѣнностью, природа входитъ въ самую ткань сознанія, образуя какъ бы основу, на которой затѣмъ держатся всѣ настроенія и узоры мысли.

Магическое вліяніе, дѣйствіе природы на психику челоуѣка, особенно чувствовали, по личному опыту, поэты, художники, писатели, которые близко жили съ природою, дышали съ нею одной жизнью, такъ что понимали и говоръ древесныхъ листовъ и чувствовали травъ прозябанье. Эти переливы свѣта и тѣни, эта радуга красокъ, это изящное сочетаніе цвѣтовъ и линій, эта великая, вѣка упорно молчащая таинственность — всегда были сильными стимулами ихъ творчества. Всѣ они считали природу достойной вдумчиваго вниманія и серьезнаго любопытства и вѣрили, что „наединѣ съ нею челоуѣкъ становится лучше и чище душой“ (А. Чеховъ) ¹⁾. Поэтому, неудивительно, что она для поэтовъ, художниковъ была однимъ изъ наиболѣе излюбленныхъ источниковъ вдохновенія, была ихъ истинной „музою“, которую они не преминули такъ или иначе отразить въ своихъ твореніяхъ, нерѣдко бессмертныхъ и недосягаемыхъ по глубинѣ мысли по силѣ выраженія, по размаху вдохновенія ²⁾. Не Фидій создалъ своего славнаго Зевса, не Гете бессмертнаго Фауста и не Бетховенъ свои чудныя самфоніи, нѣтъ: все это нашли они въ „правдѣ глубокой вселенной“,

1) Чего же желали древніе въ своихъ „георгикахъ“, какъ не того, чтобы сдѣлать челоуѣка челоуѣчиѣе въ различныхъ превращеніяхъ его и постепенно привести его къ наблюденію, изученію природы.

2) Нѣтъ поэта въ міровой исторіи поэзіи, который былъ бы глухъ и нѣмъ къ дыханію и звукамъ природы, и нѣтъ поэта, который видѣлъ бы въ ней простое сцѣпленіе механически приложенныхъ частей. Истинный поэтъ—органическое дитя природы. Эта нравственная близость къ природѣ, таинственные и звучные голоса который поэтъ слышитъ, отзвукъ которыхъ въ своей душѣ закрѣпляетъ всѣми, доступными ему, средствами, была самой характерной чертой всякаго поэта.

гдѣ былъ первообразъ этихъ созданій, отразившіяся, какъ небо въ живописной рѣкѣ, въ ихъ восхитительныхъ твореніяхъ. Для иллюстраціи своихъ мыслей и чувствъ лучшіе художники прибѣгали къ поэтическимъ краскамъ, которыя также нигдѣ иначе не могли заимствовать, какъ изъ роскошной палитры природы, черпая изъ нея же умѣніе искусно владѣть этими красками. Весна, покидая землю, оставляетъ свои краски поэту, и она увѣрена, что, благодаря ему, люди даже и не замѣтятъ ея отсутствія. Можно сказать, что всѣ искусства, даже при самыхъ высокихъ своихъ полетахъ, заимствуютъ у природы цвѣты и нити; изъ которыхъ плетутъ свои вѣнки, и когда психологія станетъ такою же положительною наукою, какъ геометрія, мы узнаемъ, что даже для созданія лучшихъ лирическихъ гимновъ поэта весь матеріаль доставила природа.

Питая умъ и сердце, эстетическое созерцаніе природы полезно и для цѣлей нравственнаго порядка. Оно въ весьма высокой степени чуждо какой бы то ни было корысти, эгоистическихъ вожделѣній¹⁾. Нося характеръ вполне безкорыстный, оно воспитываетъ въ насъ скромность, великодушіе и благородство и вообще знакомитъ съ нравственными наслажденіями, облагораживая чувство, возбуждая симпатію къ радости и скорби ближняго.

Воспитаніе души

и сердца

¹⁾ Майнлендеръ въ своей книгѣ „Philosophie der Erlösung“ весьма наглядно указываетъ, какъ чистыя эстетическія наслажденія, при созерцаніи природы, приводятъ человека къ забвенію даже собственной матеріальной выгоды: „крестьянинъ, который вечеромъ, по окончаніи работы, любуется природой, слѣдитъ за видоизмѣненіями формъ, цвѣта и полета облаковъ, не думая о пользѣ и вредѣ дождя для посѣва, или же созерцаетъ волнующуюся ниву съ ея колосьями, облитыми пурпуромъ заходящаго солнца, не взвѣсивая прибыли жатвы,—относится къ окружающему его міру съ эстетической стороны. Если косецъ, наткнувшись на гнѣздо жаворонка, осторожно разглядываетъ красивыя, пестренкя яички, или птенцовъ, обнаруживающихъ свой страхъ смущенными взглядами, между тѣмъ, какъ родители ихъ спокойно порхаютъ туда и сюда—находится также въ эстетическомъ состояніи созерцанія. Охотникъ, при внезапномъ появленіи красиваго оленя, забывшій выстрѣлить въ него, потому что осанка, формы, походка дикаго животнаго привлекаютъ его вниманіе,—вошелъ въ эстетическое отношеніе къ объекту“ (Die Philosophie der Erlösung, von Ph. Mainländer, S. 116).

Такимъ образомъ, созерцая эстетически природу, мы проникаемъ вглубь космической жизни, постигаемъ мистическую гармонію космоса, которую тщетно пытается анализировать наука, живемъ полною, кипучею жизнью, ощущая особенную духовную легкость, свободу и покой, живемъ и наслаждаемся жизнью въ свободной и свѣтлой формѣ, упоdobляясь, по выраженію поэта „безгрѣшнымъ духамъ подъ кущами райскихъ садовъ“. „Душа при этомъ, скажемъ словами уже цитированнаго Грооса, утопаетъ въ высокомъ наслажденіи и возвышается надъ ничтожностью и мелочностью обычныхъ впечатлѣній“¹⁾. „Кто созерцаетъ эстетически, тотъ какъ бы плаваетъ въ потокѣ; однако онъ не хочетъ просто переплыть чрезъ него; онъ, играя, носится по волнамъ и не думаетъ ни о чемъ другомъ, кромѣ ласкающихъ объятій освѣжающей стихіи“²⁾. Природа—великій художникъ, и чѣмъ съ большимъ интересомъ, съ живою радостью и сердечнымъ внимательнымъ пониманіемъ проникаемъ въ ея тайную прелесть, тѣмъ болѣе мы получаемъ отъ нея, тѣмъ интенсивнѣе возрастаетъ нашъ восторгъ, наше наслажденіе. „Научитесь, писалъ наклонѣ лѣтъ поэтъ, читать и понимать великую книгу природы для согласованія своей воли съ волей Строителя вселенной—высшая и благороднѣйшая цѣль человѣка. Если бы люди умѣли жить въ неразрывномъ духовномъ и тѣлесномъ единеніи съ природою, всѣ ихъ возрасты и даже самая смерть были бы запечатлѣны обаяніемъ красоты, какъ весна, лѣто, осень и зима“³⁾.

IV.

Ein jeder lebt's—nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt—da ist's interessant!

B. Leme.

Психологическій анализъ занимавшаго насъ вопроса поставилъ внѣ спора утвержденіе, что эстетическое созерцаніе искони дано всѣмъ и каждому, повидимому, въ полное и неотъемлемое достояніе; однако, несомнѣннымъ остается и тотъ печальный фактъ, что люди, сравнительно, мало сознаютъ его высокую цѣнность, абсолютное значеніе, и отно-

¹⁾ К. Гроосъ. *Op. cit.*, стр. 250.

²⁾ К. Гроосъ. *Op. cit.*, стр. 85.

³⁾ Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. *ум.* 28 янв. 1913 г.

сительно рѣдко получаютъ чрезъ него минуты истиннаго, высокаго наслажденія и счастья.

Природа лежитъ какъ раскрытая книга предъ взоромъ человѣка, но то, что написано неизгладимыми чертами въ этой книгѣ, къ сожалѣнію, читать способенъ не всякій. „Уразумѣть“ голосъ природы, иодойти ближе къ ея „загадкѣ“, къ сокровенному смыслу ея жизни, заглянуть, какъ въ сердце друга, въ глубь стихійной жизни природы, проникнуть въ пѣдра ея дивнаго существа—дѣло нелегкое. Войти въ „створтыныя вѣны“ жизни природы припятствуетъ нѣкоторый разладъ между человѣкомъ и природой, нѣкоторыя специфическія данныя, коренящіяся глубоко въ духовной природѣ человѣка.

Могучее влеченіе движетъ насъ къ лучшей, идеальной жизни, но движеніе это, всякій знаетъ, неизбѣжно останавливается и дробится невидимымъ, роковымъ препятствіемъ, борьбой, столь художественно изображенной поэтомъ:

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшихъ къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспасть на землю осужденъ.
О, смертной мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремить, тебя мятеть?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо—роковая
Твой лучъ упорный преломляя
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

(Гютчевъ).

Основная причина этого диссонанса заключается въ томъ, что человѣкъ оторвался отъ общей міровой жизни, что человѣческое я, обособившись и замкнувшись въ тѣсныхъ границахъ личныхъ переживаній, стало игрушкой и жертвою страстей, а при такомъ состояніи метафизическій порывъ личности—выйти изъ предѣловъ своего я и слиться во-едино съ природой, приобщиться къ этой цѣльной, законченной въ себѣ жизни не можетъ найти себѣ осуществленія. Кромѣ

того, современная культура уклонила, устремила общество въ направленіи отчужденности его отъ природы въ сторону матеріализма экономическаго, политическаго и историческаго, удалила его изъ естественной стихіи, гдѣ оно могло бы развиваться, развиться и жить полною жизнью. Жизнь, замѣтно, устраивается внѣ стихій, какъ бы за предѣлами міра. Далѣе, совершается полный разгромъ естественныхъ красотъ природы—истребляются лѣса, сады, рощи, уничтожаются степи, засоряются и высыхаютъ воды; природа мѣстами превращается въ дикую пустыню. Нарушено чудное, вѣками слагавшееся сочетаніе стихій и органическихъ царствъ, отношеніе растительнаго покрова къ почвѣ и влагѣ. Человѣкъ—промышленникъ, вторгшихъ въ природу, произвелъ глубокое, мѣстами на-вѣки непоправимое разстройство въ ея жизнеобмѣнѣ. Даже тамъ, гдѣ на мѣстѣ лѣсовъ и степи явились безконечныя плантаціи, природа не даетъ прежней радости; превратившись, по мечтѣ матеріалистовъ, изъ „храма“ въ „мастерскую“ даже природа деревни нерѣдко представляется огромнымъ заводомъ, гдѣ народъ, превращенный въ рабочаго, фабрикуетъ разные продукты, которые пожираютъ неасытные города.

Люди, такимъ образомъ, оборвали свои живые корни, артеріи и нервы, связывавшіе ихъ съ нѣдрами природы и тѣмъ лишили себя источниковъ обновленія; поэтому, какъ говоритъ поэтъ,—

Живутъ въ семь мірѣ, какъ въ потьмахъ,
 Для нихъ и солнца, зная, не дышатъ,
 И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
 Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
 Весна въ груди ихъ не цвѣла;
 При нихъ лѣса не говорили,
 И ночь въ звѣздахъ нѣма была,
 И языками неземными,
 Волнуя рѣки и лѣса,
 Въ ночи не совѣщалась съ ними
 Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

(Гютчевъ).

Отсюда то происходитъ состояніе душевной неудовлетворенности, „тоски невыразимой“, — составляющее такой рѣзкій контрастъ съ самоудовлетвореннымъ спокойствіемъ природы. Даже поэты не свободны отъ: сознанія разлада

между природой и душой человѣка. Констатируя такой разладъ, поэтъ находитъ, „что-то горькое для чувства и сознанья въ красотѣ и блескѣ мірозданія“:

Не знаю отчего, но на груди природы,—
 Лежить ли предо мной полей нѣмая даль,
 Колышетъ ли заливъ серебряныя воды,
 Иль простираетъ тѣсь задумчивыя своды,—
 Въ душѣ встаетъ неясная печаль.

(Надсонъ).

Все чувства тайной муки полны—
 И всякій плакаль, кто любилъ:
 Любилъ ли онъ морскія волны
 Иль сердце женщинамъ дарилъ.

(Лермонтовъ).

А вѣдь природа, сама по себѣ, вѣчно прекрасна и вѣчно спокойна, „безсмертьемъ взоръ ея сіяетъ“, въ ней вездѣ господствуетъ „невозмутимый строй“, „согласье полное“, порядокъ—та сила взаимнаго тяготѣнія, которую Эмпедоклъ назвалъ „дружбой“ (φιλότης).

Съ возникновеніемъ личности, въ эту стройную, гармоническую міровую жизнь проникло начало разложенія, разъединенія, обособленія,—того, что тотъ же философъ называлъ „враждою“ *νεῖχος*.

Въ этой обособленности, самозамкнутости состоитъ метафизическая „вина“ личности, ея первородный грѣхъ, грѣхъ отпаденія отъ общей жизни, природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней заключается и вѣчный источникъ страданій, зла, борьбы, заполняющихъ собою все существованіе человѣка. А между тѣмъ, въ душѣ каждаго человѣка, не слишкомъ забитаго судьбой, не слишкомъ оттѣсненнаго на низшія ступени духовнаго существованія, живетъ, пылаетъ фаустовская жажда безконечной широты лучшей, красивой жизни.

Только растворивъ свое личное „я“ въ безбрежномъ океанѣ міровой жизни, жизни, которою живетъ „блаженно—равнодушная“ природа, человѣкъ можетъ, хотя бы на краткій мигъ, достигнуть утраченнаго счастья. Найдя средство выйти изъ границъ своей узкой индивидуальности въ безбрежное море міровой жизни, которая находится внѣ и независимо отъ свойствъ нашего „я“, мы тѣмъ, подготовляемъ возмож-

ность и дѣйствительность нормальнаго эстетическаго созерцанія природы, дарящаго душѣ удовлетвореніе, успокоеніе.

Роковымъ слѣдствіемъ эгоистическаго самоутвержденія личности, отпавшей отъ единой, цѣльной міровой жизни, явились страсти и страданія личности, которыя даже въ окружающую атмосферу вносятъ свои специфическія особенности. А, между тѣмъ, „сердце природы“ открыто только для „чистыхъ сердцемъ“, они только могутъ, способны слышать біеніе пульса космической, сосерцать, собирать и считать своимъ достояніемъ разбросанные расточительною рукою природы истинные перлы красоты.

Нужно, значить, всячески позаботиться объ устраненіи внутренняго разлада, дисгармоніи; нужно „обновленіе“ и „воскресеніе“; нужно пристать къ новому берегу, перейти всѣми своими помыслами, чувствами, а, главное, инстинктами въ „новый свѣтъ“; нужно „очистить сердце“ отъ всякихъ нечистыхъ прираженій, оживляя и усиливая въ немъ ощущеніе благодатнаго душевнаго мира; это—тотъ душевный „уклонъ“, который, въ другой плоскости духа, у натуръ религіознаго склада, выражается въ покаянной молитвѣ, въ порывѣ самозабвенія. Достиженіе внутренней уравновѣшенности, самособранности, духовной мощи, являясь освобождающею силой, снимающею съ него оковы духовнаго рабства, указываетъ человѣку путь истинной свободы¹⁾.

При наличности такихъ качествъ, человѣкъ, становясь непосредственно прекраснымъ, самъ проникается любовью къ прекрасному, пониманіемъ благодати высшаго разумнаго начала, управляющаго твореніемъ, и, наконецъ, благодарностью и благоговѣйнымъ преклоненіемъ предъ этимъ высшимъ началомъ.

Ростъ и интенсивность того высокаго эстетическаго удовольствія, которое актуально возбуждается созерцаніемъ красотъ видимаго міра, обуславливаются наличностью ука-

¹⁾ Почти безъ исключеній, философское образованіе—наилучшій эстетическій цензъ, тѣмъ болѣе, что элементъ эстетичности неотъемлемо присущъ всякому творчеству вообще. Безспорно, что и логика и математика включаютъ въ себя своеобразные эстетическіе элементы, которыхъ не исключаютъ ни геометрическія, ни юридическія разсужденія. Сжатость и замкнутость всякихъ умозрительныхъ построеній, строгость и послѣдовательность умозаключеній вездѣ и всегда проявляютъ извѣстную красоту.

занныхъ элементовъ. Безъ нихъ такъ-же нельзя постичь прекраснаго, какъ нельзя имѣть представленія о письмѣ только по красивому почерку и запаху духовъ, пропитывающему бумагу, если не знать содержанія и цѣли письма. Всѣ эти чувства не могутъ быть почерпнуты изъ источника разума; очевидно, поэтому, что понятіе о прекрасномъ составляется не только изъ чувственнаго воспріятія,—но и не только изъ внушеній разума; оно зависитъ отъ чистоты души, отъ ея нравственной высоты и ея искренности.

Идеаль личности прекрасной и гармоничной въ своихъ желаніяхъ, хотѣніяхъ, жаждущей и ищущій лучшей жизни для человѣчества, идеаль общества такихъ людей, въ которомъ борьба между людьми принимаетъ характеръ соревнованія въ достиженіи разными путями одной цѣли,—это идеаль эстетическій въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ прежде всего насъ охватываетъ чувство красоты его, и эта мечта прежде всего прекрасна. Въ этомъ эстетическомъ идеалѣ примиряется добро и красота, или иными словами, отпавшее въ силу общественнаго неурядства, добро возвращается въ лоно красоты.

Такимъ образомъ, эстетическое созерцаніе природы, какъ таковое, во всей полнотѣ и интенсивности возможно и достижимо, при условіи нравственнаго возрожденія, обновленія личности; только нравственно здоровая, свободная отъ нечистыхъ прираженій натура можетъ успѣшно отдаваться эстетическому созерцанію, понимать, признавать за нимъ его незыблемое обаяніе абсолютной цѣнности.

Modus vivendi, граничащій съ нравственнымъ подъемомъ личности, въ конечномъ своемъ завершеніи гарантируетъ такое состояніе духа, при которомъ человекъ на все, окружающее его, красивое, идейное, запечатлѣнное небесною невинностью, будетъ смотрѣть „вѣщими зѣницами“, понимая „и горнихъ ангеловъ полеть, и гадъ морскихъ подводный ходъ и дольней дозы прозябанье“. Тогда для него будетъ близкою и понятною поэтическая греза „о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ вѣщами райскихъ садовъ“, такъ какъ онъ будетъ владѣть сознаніемъ нашей близости къ той грани, гдѣ жизненная волна всплескивается къ нѣкоторому высшему своему завершенію, подобно океаническимъ водамъ,

которыя немного, но постоянно поднимаются на встрѣчу привлекающему ихъ къ себѣ небесному свѣтилу.

Развиваясь въ потокѣ времени по направленію къ лучшей, идеальной жизни люди будутъ „подобны инструментамъ столь чуткой звучности, что невозможно прикоснуться къ нимъ, не извлекая какого нибудь музыкальнаго звука: самый легкій толчекъ отзовется въ нихъ отзвукомъ въ самыхъ гѣдрахъ ихъ нравственной жизни“. И мелодіи, нѣкогда звучавшія тихими аккордами, будутъ раздаваться болѣе полной гармоніей. „Путемъ возрастанія сознанія, люди достигнутъ того, что постоянно будутъ постигать гармонію жизни, и каждая ихъ радость будетъ запечатлѣна священнымъ знакомъ красоты“¹⁾. Тогда они будутъ знать и сознавать, что красота является существеннымъ элементомъ въ душевной жизни и дѣятельности человѣка, такъ какъ она, вскрывая людямъ элементы вѣчнаго, коимъ надлежитъ лечь въ основу всякаго строительства жизни (безъ нихъ не можетъ быть дѣеспособно ни одно начинаніе), одна только питаетъ стремленія человѣка къ жизненному и художественному творчеству; что служеніе красотѣ есть именно богослуженіе и поклонникъ красоты есть священнослужитель въ Божіемъ храмѣ природы, гдѣ дается святое причастіе кратоты.

И всякій, кто рѣшаетъ вѣчные вопросы о добрѣ и злѣ, о жизни и смерти, о Богѣ и человѣкѣ, долженъ помнить, что безошибочность сужденій въ этихъ вопросахъ возможна при сознаніи, что лишь красота можетъ и должна служить вѣрнымъ критеріемъ истины²⁾, надежнымъ маякомъ въ жизненномъ морѣ, гдѣ, какъ въ неизсякаемомъ животворномъ источникѣ можно почерпать все новыя и новыя возможности мыслить и чувствовать; это—та красота, которая нѣкогда, по слову Достоевскаго, спасетъ міръ“. Эту вѣчную, боже-

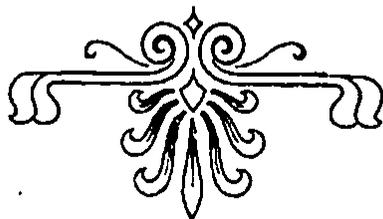
¹⁾ Ср. Ж. Гюйо. Задачи современной эстетики. СПб. 1900 г., стр. 67.

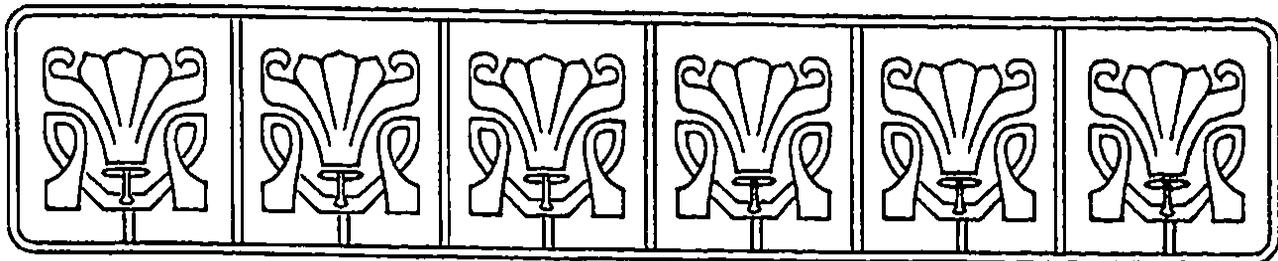
²⁾ Правъ, поэтому, въ порывѣ эстетическаго восторга, сказавшій:
Rien n'est beau, que le vrai, dit un vers respecté;
Et moi je lui répons, sans crainte d'un blasphème;
Rien n'est vrai que le beau, rien n'est vrai sans beauté.

(Только истинное прекрасно—говоритъ изреченіе, но я, не боясь кощунства, отвѣчаю: только прекрасное истинно, нѣтъ истины безъ красоты).

ственную красоту нужно искать и, найдя, вносить ее въ жизнь и исторію, соединять краски и полотно въ живую картину, и если дѣйствительно исполнится пророчество Достоевскаго, то поклонники, такъ или иначе ищущіе ея въ природѣ, въ своей жизни и дѣятельности, имѣютъ право быть названными апостолами и провозвѣстниками ея грядущаго царства.

И. К. Гладкій.

Познаніе сверхчувственнаго міра.

(Окончаніе)*).

XXVIII.

Какъ мы видѣли, психологія не можетъ ограничиться изученіемъ однихъ явленій сознанія. Правда, съ нихъ начинаются описанія душевныхъ переживаній и анализы таковыхъ; но ими не можетъ удовлетвориться даже обычное знаніе простолюдина. Каждый человѣкъ знаетъ себя и другихъ, какъ личности, дѣйствующія единообразно и планомерно и имѣющія и свои индивидуальныя особенности: каждая живая личность имѣетъ свои опредѣленныя черты характера сверхъ общихъ свойствъ всѣхъ людей. Но и подъ этими общими свойствами подразумѣваются отнюдь не явленія сознанія, быстро смѣняющіяся; подъ ними разумѣютъ силы и способности души, которыя не всегда обнаруживаются въ видѣ сознательныхъ переживаній и процессовъ, но имѣютъ свое непрерывное бытіе, хотя бы въ видѣ скрытыхъ силъ.

Феноменистамъ и всѣмъ скептикамъ кажется невозможнымъ познавать еще что-нибудь сверхъ явленій. Если вся душевная дѣятельность состоитъ изъ непрерывныхъ рядовъ явленій сознанія, болѣе или менѣе мимолетныхъ; то какъ можно выскочить изъ своего сознанія и познать нѣчто такое, что внѣ сознанія имѣетъ свое самостоятельное и реальное бытіе, и притомъ продолжительное и неизмѣнное въ теченіе десятковъ лѣтъ? Такой вопросъ въ правѣ поставить не только открытый скептикъ, но и позитивистъ и кантіанецъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1913 г.

На это возраженіе мы отвѣтимъ прежде всего, что всякое познаніе есть частный случай сознательной дѣятельности, и что при познаніи никто не выходитъ за предѣлы своего сознанія, хотя бы онъ свои знанія почерпнулъ изъ знанія другихъ людей, болѣе освѣдомленныхъ. Далѣе, фактъ кратковременности сознательныхъ процессовъ, какъ мы видѣли, отнюдь не мѣшаетъ намъ приобрѣтать знанія не только о явленіяхъ, но и о являемыхъ вещахъ и субстанціяхъ, которыя могутъ существовать вѣка и тысячелѣтія, измѣняясь еле замѣтно. Такимъ же способомъ мы можемъ изучать и душу, не ограничиваясь явленіями сознанія, но углубляясь въ причины этихъ явленій и въ ихъ субстраты или въ производящія ихъ силы. Такъ напр., имѣя опредѣленныя переживанія $ABCD$, я при ихъ повтореніи узнаю, что $A_2B_2C_2D_2$ по содержанію тѣ же, что и $ABCD$, которыя я имѣлъ десять лѣтъ тому назадъ. Если въ этихъ переживаніяхъ заключалось воспріятіе реальныхъ предметовъ, напр., родительскій домъ съ дворомъ и садомъ: то я увѣренъ, что за промежутокъ десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ я не видѣлъ этихъ предметовъ, они все же продолжали существовать (хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями отъ вліянія стихій и другихъ причинъ). Но вмѣстѣ съ узнаваніемъ тождественныхъ предметовъ я имѣю увѣренность, что и мои прежнія впечатлѣнія о нихъ сохранились, и что я самъ за десять лѣтъ не переставалъ существовать. И въ данный моментъ, узнавая родительскій домъ, я сознаю, что я тотъ же самый, (хотя и сдѣлался старше на десять лѣтъ), который жилъ въ этомъ домѣ и испыталъ въ немъ много радостей, а иногда и печали. Слѣдовательно за эти десять лѣтъ продолжалъ существовать и домъ, узнаваемый мною, и я самъ, видящій и узнающій его теперь. То же дѣлаетъ и любой скептикъ. Такимъ образомъ внѣшнія впечатлѣнія могутъ мнѣ напомнить не только о продолжительномъ существованіи соответственныхъ предметовъ, но и о такомъ же продолжительномъ существованіи меня самого, моей личности, моего „я“.

Относ. узнаннаго мною родительскаго дома остроумный скептикъ могъ бы мнѣ сдѣлать возраженіе, доказывая неосновательность моей вѣры, что домъ существовалъ въ теченіе десяти лѣтъ, за которые я его не видѣлъ. А именно,

скептикъ можетъ сказать: „Десять лѣтъ тому назадъ этотъ домъ былъ сломанъ и отстроенъ только въ прошломъ году по тому же образцу и на томъ же мѣстѣ; при этомъ былъ употребленъ прежній старый матеріалъ — старые косяки оконъ и дверей, старыя доски крыши: Это-то и вызываетъ иллюзію, будто вы видите тотъ же родительскій домъ“.

Допуская теоретически возможность подобной новой постройки изъ стараго матеріала и ошибки съ моей стороны, я все же остаюсь при своей увѣренности, что я имѣю дѣло съ тѣмъ же родительскимъ домомъ. Впрочемъ, никакой скептикъ не станетъ распространять подобныхъ сомнѣній на всѣ предметы, которые существуютъ не только десятки, но и тысячи и миллионы лѣтъ, надъ которыми человѣческая рука не имѣетъ никакой власти, напр., на солнце, луну, звѣзды.

Наконецъ, ни одинъ скептикъ, кромѣ Юма, не станетъ распространять своихъ сомнѣній, на свою личность. Если онъ просыпается послѣ глубокаго сна, въ теченіе котораго онъ не имѣлъ никакого сознанія о своемъ существованіи; то все же онъ увѣренъ, что за это время онъ не переставалъ существовать. Онъ существовалъ не только своимъ тѣломъ, но и своей душой, хотя она, какъ кажется, бездѣйствовала во время глубокаго сна, не возбуждая даже сновидѣній. Слѣдовательно внѣшнія впечатлѣнія напоминаютъ намъ и о нашемъ я, и о его непрерывномъ существованіи.

XXIX.

Свою личность мы обозначаемъ мѣстоимѣніемъ Я; но было бы ошибочнымъ предполагать, что у ребенка появляется самосознаніе только съ употребленія имъ этого мѣстоименія. Задолго до этого ребенокъ называетъ себя своимъ домашнимъ именемъ. Свою личность онъ сознаетъ особенно сильно въ процессахъ воли, когда онъ противится чему-нибудь: „Шурка не хочетъ! Шурка не будетъ!“ Со своимъ именемъ, а равно и съ мѣстоименіемъ Я соединяется обычно представленіе своего тѣла и его частей, напр.: „я упалъ, я озябъ, я ушибся, я обжегся“. Иногда подъ Я мы представляемъ свою одежду или часть ея, напр.: „я промокъ, я испачкался, я запылчился, я оборвался“; иногда—свое имущество: „я обокраденъ, я разорился; иногда—наше общественное положеніе, напр.: „я—

городской голова, я избранъ въ Государственную Думу“. Чаще всего мы представляемъ себѣ подъ своимъ Я свой волевой актъ, напр.: „я хочу пить, ѣсть, гулять, пойти въ театръ, въ церковь“. Часто мы представляемъ подъ своимъ Я и свои чувства и душевныя настроенія: „я сердитъ, я скучаю, я не въ духѣ, я опечаленъ“; иногда—свои органическія ощущенія: „мнѣ больно, мнѣ тошно, мнѣ холодно“; часто—свои впечатлѣнія и познавательные процессы: „я вижу, я слышу, я вспомнилъ, я раздумываю, я сомнѣваюсь, я увѣренъ, я догадался, я сообразилъ“ и т. д.

Итакъ мы сознаемъ свое Я почти при всѣхъ сознательныхъ душевныхъ переменахъ; рѣзче всего оно обнаруживается при сильныхъ ощущеніяхъ и чувствахъ; болѣе продолжительно оно сознается при волевыхъ процессахъ. Последніе съ перерывами продолжаются иногда очень долго,—не только часами и днями, но нѣкоторые изъ нихъ длятся годами и даже въ продолженіе всей сознательной жизни. За это время измѣнилось не только наше тѣло, наше имущество, общественное положеніе, но и нашъ образъ мыслей и даже нѣкоторыя наши привычки, склонности и черты характера; но все это не препятствуетъ намъ сознавать тожество своей личности, своего Я.

При такомъ разнообразіи представленій, сопровождающихъ наше Я, очевидно, что понятіе о нашемъ Я не есть отвлеченіе отъ всѣхъ сознательныхъ процессовъ: оно появилось у насъ гораздо раньше, чѣмъ всѣ различныя его представленія. Оно появляется уже при различеніи своего тѣла отъ вѣщныхъ предметовъ; но нельзя утверждать, будто подъ нашимъ Я мы подразумеваемъ только свое тѣло; лишившись части тѣла, какъ бы, не перестаешь сознавать тожество своей личности, своего Я. Свое Я мы не можемъ отождествлять и съ каждымъ своимъ сознательнымъ переживаніемъ, какъ это дѣлаетъ Юмъ¹⁾. Правда, мы можемъ представлять свое Я почти всегда, но все же мы отличаемъ свои переживанія отъ своего Я. Такъ,

¹⁾ Д. Юмъ, Трактатъ о человѣч. природѣ, кн. I перев. С. Чертежи, Юрьевъ 1906 стран. 232. „Я никакъ не могу поймать свое Я отдѣльно отъ перцепцій и никакъ не могу подмѣнить чего-нибудь, кромѣ такой-нибудь перцепціи“.

напр.: „я слышу теперь отчетливо звонъ колокольчика, я вижу теперь эту маленькую звѣздочку въ созвѣздіи медвѣдицы, я чувствую теперь удовлетвореніе“. Въ этихъ примѣрахъ имѣются и переживанія, и отнесеніе ихъ къ своему Я; но никто не скажетъ, что мое Я тождественно со звукомъ колокольчика, со звѣздочкой и съ моимъ удовлетвореніемъ. Съ другой стороны, быть можетъ, правъ и Юмъ, утверждая, что безъ какого-нибудь опредѣленнаго переживанія („перцепціи“) онъ не можетъ чувствовать своего Я.

Если представленія нашего Я такъ различны, то неужели же оно можетъ служить доказательствомъ тождества личности? Если же наша личность остается тождественной себѣ, почему же такъ мѣняются представленія о нашемъ Я? Подобныя же сомнѣнія возникали у Юма болѣе чѣмъ полтора ста лѣтъ тому назадъ; однако онъ ихъ не разрѣшилъ; они не разрѣшены теоретически и по сей день!

XXX.

Д. Юмъ въ своихъ скептическихъ разсужденіяхъ не признавалъ реального тождества личности, не признавалъ того, въ чемъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сомнѣвается. Его заблужденіе порождено его сенсуализмомъ: онъ полагалъ, что всѣ наши идеи возникаютъ только изъ „впечатлѣній“, и „такъ какъ въ нашемъ опытѣ нѣтъ впечатлѣнія нашего Я, то у насъ нѣтъ и идеи нашего Я, которая получилась бы выше объясненнымъ путемъ¹⁾. Самъ Юмъ ссылается на свои самонаблюденія и говоритъ: „Я никакъ не могу поймать свое „Я“ отдѣльно отъ перцепціи, и никакъ не могу подмѣтить ничего, кромѣ какой-нибудь перцепціи“ [впечатлѣнія, воспріятія, чувства]... „Если же мои перцепціи на время прекращаются, какъ во время глубокаго сна, поясняетъ Юмъ, то въ теченіе всего этого времени я не сознаю своего „Я“ и по истинѣ имогу, считаться не существующимъ“... [Маркировка моя]... „Быть можетъ, другой и сознаетъ въ себѣ нѣчто простое и непрерывное, которое и называетъ своимъ „Я“, поясняетъ Юмъ, но я увѣренъ, что во мнѣ такого принципа нѣтъ“. „Оставляя въ сторонѣ подобнаго рода метафизиковъ, я рѣшаюсь утверждать относ. остальныхъ людей, что они не что иное, какъ связка, или

¹⁾ Д. Юмъ, цитир. соч. гл. VI, стран. 231.

совокупность различныхъ перцепцій, слѣдующихъ другъ за другомъ съ непостижимой быстротой и находящихся въ постоянномъ теченіи, въ постоянномъ движеніи“¹⁾). Подобныхъ скептиковъ, которые, согласно съ Юмомъ, видѣли бы во всѣхъ „остальныхъ людяхъ“ не личности, а только „связки или совокупности различныхъ перцепцій“, не много найдется въ настоящее время и между философиами; между обыкновенными людьми со здравымъ смысломъ таковыхъ вовсе не найдется. Вѣру въ тожество личности Юмъ считаетъ субъективной иллюзіей и „фикціей чего-то неизмѣннаго и непрерывнаго, чего-то таинственнаго и необъяснимаго“...; „объектами, которые сами по себѣ измѣнчивы и прерывисты, но считаются тѣмъ не менѣе тожественными, бываютъ лишь объекты, состоящіе изъ послѣдовательности элементовъ, связанныхъ другъ съ другомъ сходствомъ, смежностью и причинностью“²⁾). „Тожество зависитъ отъ одного изъ трехъ отношеній: сходства, смежности и причинности... наше представленіе личнаго тожества цѣликомъ порождается безпрепятственнымъ и непрерывнымъ теченіемъ мысли вдоль ряда связанныхъ другъ съ другомъ идей“³⁾). „Тожество, приписываемое нами человѣческому духу, фиктивно и однородно съ тѣмъ, которое мы приписываемъ растеніямъ и животнымъ“⁴⁾). Яснѣе видна мысль Юма на его примѣрахъ. „Дубъ изъ маленькаго растенія вырастаетъ въ большое дерево, говоритъ Юмъ, но остается все тѣмъ же дубомъ, хотя ни единая его матеріальная частица, ни одна форма его частей не остается тожественными. Ребенокъ становится мужчиной, и то полнѣетъ, то худѣетъ, не утрачивая своего тожества“. Причину тому Юмъ видитъ въ томъ, что „составныя части животныхъ и растеній не только приурочены къ одной общей цѣли, но и находятся во взаимной зависимости, во взаимной связи“⁵⁾). Отсюда Юмъ заключаетъ, что „Миръ, по мнѣнію Юма, тожество личности, какъ и тожество животнаго и растенія представляютъ собою субъективную иллюзію, обусловленную „безпрепятственнымъ и

1) Тамъ же, стран. 232. (Маркишвили, мон.)

2) Тамъ же, стран. 235.

3) Тамъ же, стран. 239.

4) Стран. 238.

5) Стран. 237.

непрерывнымъ теченіемъ мысли“. Это объясненіе не выдерживаетъ критики: такое же теченіе мыслей по законамъ ассоціаціи мы имѣемъ и въ тѣхъ привычныхъ рядахъ, въ которыхъ не имѣется реального единства и тожества. Такъ напр., рядъ тоновъ, составляющихъ мелодію, можетъ быть твердо заученъ; а затѣмъ его можно легко воспроизвести по смежности или въ воображеніи или же голосомъ. Однако воспроизведенные пѣніемъ звуки моментально исчезаютъ и не оставляютъ въ мірѣ физическомъ замѣтнаго слѣда; тутъ не можетъ быть рѣчи о реальномъ единствѣ и тожествѣ звуковъ мелодіи: каждый разъ при пѣніи производятся новыя звуки, которые могутъ оставить слѣдъ только въ памяти слушающаго. Тутъ имѣется на лицо тожество мелодіи, но оно существуетъ лишь для поющаго и слушающаго человѣка; это тожество лишь идеальное.

Другое дѣло у животныхъ и растений. Какъ мы видѣли, животное или растеніе постоянно измѣняется въ своемъ матеріальномъ составѣ и отчасти даже въ формѣ: таковое растетъ, размножается и только потомъ гибнетъ, какъ индивидъ. Но эти измѣненія идутъ планомѣрно по опредѣленному типу: слѣдовательно они обусловлены какой-то особой силой, дѣйствующей постоянно, одинаково и планомѣрно. Въ этой-то постоянной реальной силѣ, объединяющей дѣятельность всѣхъ органовъ и направляющей ее къ одной опредѣленной цѣли, и заключается то, объединяющее начало, которое обуславливаетъ индивидуальность и тожество особи. Однако это единство и тожество растенія и животнаго не идеальное, не фиктивное, а реальное. Его тожество состоитъ не въ тожествѣ матеріальныхъ частицъ, а въ тожествѣ духовнаго начала, въ тожествѣ высшей монады, которая не перестаетъ существовать и управлять жизнью всѣхъ органовъ и всей особи.

То же имѣется и въ человѣкѣ. Его тѣло, нервы и въ особенности мозгъ постоянно измѣняются по химическому составу, а отчасти даже въ строеніи мозговыхъ, кровяныхъ и другихъ клѣтокъ; однако личность человѣка, хотя и въ ней нѣчто измѣняется, въ общемъ, остается тожественной себѣ: объ этомъ тожествѣ каждому говорить непосредственно его самосознаніе. Если бы это тожество не имѣло своей особой причины и своего особаго реального носителя: то по-

стоянно измѣняющійся потокъ различныхъ переживаній, не имѣющихъ внутренняго сходства между собою, никогда не могъ бы вызвать даже иллюзіи единства и тождества самого чувствующаго и мыслящаго субъекта. Однако на дѣлѣ мы постоянно встрѣчаемъ противное. Какъ бы разнообразны ни были наши впечатлѣнія и переживанія, какъ бы быстро они ни смѣнялись: однако каждый изъ насъ, забывши на время о своемъ Я, все же вскорѣ приходитъ въ себя и сознаетъ, что всѣ пережитыя различныя перемѣны происходятъ въ немъ, что онъ за все время ихъ переживанія не переставалъ существовать. То же убѣжденіе остается въ теченіе всей жизни человѣка. Этотъ фактъ объяснимъ только тѣмъ, что сознаваемое наше Я имѣетъ своего постоянного реального носителя, обуславливающаго единство и тождество личности и соответственныя представленія о нашемъ Я.

XXXI.

Ошибочность взгляда Юма на тождество личности отмѣтили еще его современники, и самъ Юмъ въ новомъ изданіи своего Трактата сознался, въ непониманіи имъ этого вопроса: „Послѣ тщательнаго просмотра главы, касающейся личнаго тождества, заявляетъ Юмъ, я вижу себя запутавшимся въ такомъ лабиринтѣ, что, долженъ признаться, не знаю, ни какъ исправить свои прежнія мнѣнія, ни какъ согласовать ихъ другъ съ другомъ“¹⁾ „Я не могу найти теории, которая удовлетворяла бы меня въ данномъ отношеніи“²⁾. „Для моего ума эта задача слишкомъ трудна“³⁾.

Затрудненіе Юма порождено и его ошибочными основными положеніями, „которыхъ онъ не могъ согласить другъ съ другомъ и ни однимъ изъ которыхъ онъ въ то же время не могъ пожертвовать, а именно: 1) наши отдѣльныя перцепціи суть отдѣльныя сущности и 2) нашъ духъ никогда (?) не воспринимаетъ реальной связи между отдѣльными сущностями“⁴⁾. Последнее положеніе, какъ мы видѣли въ нашихъ изслѣдованіяхъ, невѣрно. Всѣ отношенія между отдѣльными впечатлѣніями

1) Цитир. соч. перев. С. Церетели, стран. 266.

2) Тамъ же стр. 358.

3) Тамъ же, стр. 359, 2-ая строка сл.

4) Тамъ же, стр. 258.

устанавливаются разсудком познающего, въ томъ числѣ и „реальныя связи“—тожества, причинности, сосуществованія и другія. Благодаря этимъ „реальнымъ“ связямъ мы можемъ познавать и внѣшній міръ—вещи, субстанціи, силы. Тѣмъ же способомъ мы познаемъ и міръ духовный, сперва свой собственный, а затѣмъ—и другихъ живыхъ существъ. При этомъ мы познаемъ не только явленія сознанія, но и разныя душевныя силы, способности и наконецъ—носителя нашего самосознанія, нашего Я, которымъ объединяется вся наша душевная жизнь.

Этого реального носителя нашего Я нужно отличать отъ разныхъ нашихъ представленій, связанныхъ съ нашимъ самосознаніемъ и съ идеей нашего Я, нашей личности.

Такъ же точно при всякомъ познаніи нужно отличать реальный предметъ познанія (вещь, субстанцію, силу, явленіе) отъ познавательнаго акта (воспріятія, представленія, сужденія, понятія). Въ самомъ познавательномъ актѣ опять нужно отличать понятіе о какомъ-нибудь предметѣ отъ разныхъ мѣняющихся представленій объ этомъ же предметѣ. Понятіе (логическое) должно быть неизмѣннымъ не только у одного человѣка, но и у всѣхъ; однако на дѣлѣ въ сложныхъ по содержанію понятіемъ никогда не мыслится все ихъ содержаніе, а только одинъ или другой выдающійся признакъ. Такъ же точно бываетъ и съ понятіемъ „человѣкъ“. Мы никогда не мыслимъ при этомъ словѣ всѣхъ признаковъ человѣка: они еще не всѣ извѣстны даже ученымъ спеціалистамъ. При словѣ „человѣкъ“ мы чаще всего представляемъ себѣ „тѣло человѣка“, но подразумеваемъ и его духовныя качества; но это представленіе въ разные моменты жизни бываетъ различно, между прочимъ въ зависимости отъ господствующихъ во время мышленія идей и отъ нашихъ знаній даннаго момента. Однако изъ этого факта вовсе не слѣдуетъ, что и самый познаваемый реальный предметъ или же его понятіе измѣнилось. Даже объ индивидуальномъ предметѣ, напр. о моей матери я не всегда воспроизвожу тѣ же представленія: и во снѣ, и на яву я себѣ представляю ее то съ нѣжнымъ улыбающимся лицомъ, то разсерженной, то въ одномъ, то въ другомъ платьѣ; но понятіе о ней у меня одно и то же. Тоже мы видимъ и въ отношеніи представленій нашего я. Таковыя чрезвычайно различны и мѣ-

няются съ возрастомъ и съ обстоятельствами: даже въ одинъ и тотъ же день и часъ они могутъ мѣняться въ зависимости отъ господствующаго въ нашемъ сознаниіи круга мыслей. Въ одинъ моментъ подъ своимъ я я представляю свое тѣло; въ другой—свое общественное положеніе и соотвѣтственный костюмъ, свой мундиръ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что подъ словомъ я не мыслится нѣчто тождественное, т. е. моя личность. Это мыслимое единое я мы будемъ называть идеей я (его понятіемъ), въ отличіе отъ разныхъ представленій того же я.

XXXII.

Фактъ, что представленія нашего я мѣняются у насъ постоянно, объясняется весьма просто. Такъ же точно мѣняются наши представленія о любомъ сложномъ по содержанию предметѣ или понятіи. Правда, идея нашего я намъ кажется отвлеченной и простой; но она ассоціирована въ нашемъ опытѣ съ огромнымъ множествомъ различныхъ переживаній. Такъ напр., я бываю то, веселъ, то сердитъ, то восторженъ, то апатиченъ; я вижу и слышу то одно, то другое; я хочу то одного, то другого, я дѣлаю теперь одно, а черезъ часъ другое дѣло; я одѣтъ утромъ въ халатъ, а днемъ на службѣ въ мундиръ, а послѣ службы—въ куртку. Когда я думаю о себѣ, то я вспоминаю то одно, то другое представление своего я. Въ силу, узости сознания никогда не могутъ всплыть многія представленія о моемъ я сразу; обыкновенно всплываетъ только одно, — соотвѣтственно „господствующимъ“ представленіямъ даннаго момента. Это представленіе и служитъ временнымъ замѣстителемъ идеи я. Сама же идея единого и тождественнаго я есть познавательный актъ, относящійся къ реальному дѣятелю, или носителю самосознанія, остающемуся неизмѣннымъ. Этотъ реальный носитель входитъ во взаимодействие со всѣми душевными элементами, число которыхъ гораздо больше, квинтиліоновъ; онъ обуславливаетъ сознательность всѣхъ переживаній; поэтому его нельзя отождествлять ни съ мозговой клеткой, ни съ цѣлымъ мозгомъ, который не представляетъ собою скрепленія даже сотни нервовъ въ одномъ узлѣ. Такъ называемые „ассоціаціонные центры“ Флексига приписываемой имъ роли, не могутъ имѣть, какъ я это доказалъ въ своемъ из-

слѣдованіи о памяти¹⁾. Таковой единый носитель и управитель всего сознанія не можетъ быть чѣмъ-то протяженнымъ, матеріальнымъ, измѣнчивымъ.

Въ потокѣ нашихъ переживаній иногда замѣчаются перерывы самосознанія—мы иногда забываемъ о себѣ, а иногда совсѣмъ лишены и всякаго сознанія. Изъ этого мы можемъ заключить, что дѣятельность реального носителя и управителя нашего самосознанія на мгновенія прекращается, какъ иногда и наше сердце можетъ на мгновение остановиться. Но эти остановки дѣятельности отнюдь не доказываютъ, что сами дѣятели перестали существовать или же утратили навсегда свою способность дѣйствовать. Если хозяинъ спитъ или бездѣйствуетъ, то это не значитъ, что онъ умеръ, и что его хозяйство прекратилось навсегда. И во время отдыха, и послѣ него его хозяйство идетъ своимъ чередомъ. То же бываетъ и съ носителемъ сознанія. Послѣ глубокаго сна, послѣ обморока, послѣ продолжительнаго летаргическаго сна дѣятельность самосознанія возвращается „сама собой“, даже безъ всякихъ воздѣйствій извнѣ. Дѣятельность носителя сознанія есть первичная, самопроизвольная, творческая дѣятельность, постоянная и неизмѣнная на подобіе дѣятельности сердца и дыханія. Но дѣятельность сердца и легкихъ зависитъ еще отъ многихъ физиологическихъ условій, тогда какъ дѣятельность носителя самосознанія зависитъ лишь отъ него одного. Поэтому временная ея остановка, отнюдь, не доказываетъ того, что она не возобновится никогда. Дѣятельность самосознанія не зависитъ отъ памяти, разсудка и воли; наоборотъ, всѣ эти процессы и способности зависятъ отъ дѣятельности носителя сознанія и самосознанія²⁾.

Относ. самосознанія, сознанія и душевной дѣятельности существуетъ сбивчивость и неясность, даже у философовъ. И тѣ психологи, которые не ограничиваются изученіемъ однихъ явленій сознанія, не отличаютъ души отъ сознанія и отъ носителя такового: душа считается, носительницей не только всѣхъ душевныхъ явленій, но и разныхъ способностей, силъ, дѣятельностей,—въ томъ числѣ и сознанія, са-

¹⁾ См. И. С. Проханъ, о памяти 2-ое изд. Т. ч. гл. VII.

²⁾ Локкъ ошибочно полагалъ, будто тождество личности зависитъ отъ памяти и самосознанія. (См. Локкъ, опытъ II кн. XXVII гл. §§ 6—29).

мосознанія. Между тѣмъ такое понятіе о душѣ находится въ противорѣчьи со множествомъ общеизвѣстныхъ фактовъ душевной жизни. Такъ напр., мы неоднократно убѣждались въ существованіи бессознательныхъ душевныхъ процессовъ и въ области познанія, и въ области воли. Бессознательные душевные процессы, несомнѣнно, порожденіе души, т. е. душевныхъ субстратовъ, силъ, способностей; но въ нихъ отсутствуетъ сознательность. Таковая иногда можетъ къ нимъ присоединиться, и тотъ же процессъ изъ бессознательнаго превращается въ сознательный. Очевидно, что послѣдній отличается отъ перваго наличностью новаго элемента, которымъ обуславливается сознательность: слѣдовательно для него нужно предполагать особаго носителя. Такъ какъ сознательность состоитъ не только въ количественномъ усиленіи психическаго процесса, бывшаго бессознательнымъ, что ошибочно предполагается нѣкоторыми психологами, но и въ особомъ качествѣ, имѣющемся во всѣхъ сознательныхъ процессахъ: то по моему, этимъ же носителемъ сознательности обуславливается всякое сознаніе, въ томъ числѣ и наше самосознаніе, наша идея я, или же „эмпирическое я“. Различіе между сознательностью и самосознаніемъ только количественное.

Итакъ актъ самосознанія есть въ то же время и актъ сознанія; а таковой есть, конечно, и душевный актъ: но не всякій душевный актъ сознается нами, и не всякій актъ сознательный обнаруживаетъ замѣтно наше я, наше самосознаніе.

XXXIII.

Въ предыдущемъ мы видѣли, что философы-скептики заблуждаются относ. основнаго факта сознанія, т. е. тождества личности и своего я; между тѣмъ этотъ фактъ извѣстенъ каждому изъ его непосредственнаго самовоспріятія. Среди разнообразнаго и измѣнчиваго потока впечатлѣній и переживаній, каждый сознаетъ себя, т. е. свою личность, свое я, какъ нѣчто особое не только отъ внѣшняго міра и отъ своего тѣла, но и отъ своихъ переживаній. Въ томъ же каждый увѣренъ и относ. другихъ людей. И во многихъ другихъ фактахъ психической жизни человека каждый изъ насъ увѣ-

ренъ; въ иныхъ мы больше увѣрены, чѣмъ въ истинности пифагоровой теоремы¹⁾.

Спрашивается, какимъ образомъ мы можемъ дойти до такихъ несомнѣнныхъ истинъ психологическихъ, распространяемыхъ на всѣхъ людей? Таковыми ежедневно и ежечасно руководится каждый человѣкъ, не исключая и самаго крайняго скептика!

Несомнѣнно, мы не могли бы понимать душевной жизни другихъ людей, не зная своей собственной. Отъ самонаблюденія и самопознанія беретъ начало всякая психологія, если она должна быть истинной и научной. Начинать психологію съ изученія нервовъ и мозга—это равно изученію теоріи музыки, которое исходило бы отъ изученія механизма фортепіана²⁾. Но самонаблюденіями не можетъ ограничиться ни научная психологія, ни обиходная практическая мудрость и знаніе людей. Каждый изъ насъ увѣренъ, что есть и другіе люди, которые при одинаковыхъ условіяхъ могутъ переживать то же, что и онъ, т. е. могутъ такъ же чувствовать, ощущать, мыслить, хотѣть и дѣйствовать, какъ и онъ самъ.

Но откуда мы можемъ знать это? Чужихъ чувствъ и переживаній никто не видитъ, не слышитъ, не ощупываетъ. Чужія дѣйствія сводятся къ движеніямъ тѣла или его частей; но такія же движенія можетъ производить и автоматъ. Впрочемъ, между идеалистами есть и такіе философы, которые предварительныя сомнѣнія Декарта принимаютъ за истину и считаютъ другихъ людей только „содержаніемъ“ своего сознанія, только своими идеями: слѣдовательно они признаютъ только свое „Я“ за несомнѣнно существующее реальное существо. Это воззрѣніе даже удостоилось особаго философскаго термина—солипсизма; въ 18 вѣкѣ его называли „эгоизмомъ“. Шубертъ Золдернъ считаетъ его теоретически неопровержимымъ³⁾, Шопенгауэръ вѣрно замѣчаетъ, что подобное убѣжденіе имѣетъ мѣсто лишь въ домѣ умалишен-

1) См. I гл. §§ 8 и 9 наст. изслѣд. о координатахъ души.

2) Какъ строитель и механикъ, изготовляющій фортепіаны, можетъ быть совершенно не свѣдущимъ въ теоріи музыки,—такъ даже отличный анатомъ и физиологъ нервовъ и мозга можетъ быть полнымъ профаномъ въ психологіи.

3) *Schubert Soldern, Grundlagen zu einer Erkenntnistheorie, 1884, S. 83—85.*

ныхъ¹⁾; однако это воззрѣніе повторялось и послѣ Шопенгауэра. Этотъ фактъ свидѣтельствуесть о томъ, что иные философы, не признающіе здраваго смысла, признають лишь себя и свои мудрствованія. Съ такими философами, очевидно, не можетъ быть и споровъ, такъ какъ для нихъ ничего не существуетъ, кромѣ ихъ собственнаго Я; для такихъ философовъ не можетъ существовать ни психологіи, ни вообще науки. Спрашивается, для кого же и для чего они писали свои мудрствованія?

Наша увѣренность въ существованіи другихъ людей, подобныхъ намъ, основана на общей вѣрѣ въ единообразіе всего сущаго—всей природы и всѣхъ людей. Эта вѣра постоянно подтверждается опытомъ каждаго и всѣхъ. О чувствахъ (волненіяхъ) другихъ людей мы инстинктивно и невольно заключаемъ по такъ называемымъ проявленіямъ чувствъ, т. е. по мимикѣ, жестахъ, по звуковымъ рефлексамъ, по разнымъ фізіологическимъ измѣненіямъ въ тѣлѣ. Впослѣдствіи къ этому присоединяется еще и человѣческая рѣчь. Все это—фізическіе процессы; но мы заключаемъ, что они вызваны соотвѣтственными душевными переживаніями. Инстинктивное пониманіе чувствъ другихъ людей обусловлено врожденной раздражительностью и заразительностью чувствъ²⁾. Все это дѣлается вначалѣ невольно, безъ плана и особыхъ соображеній.

Впослѣдствіи, когда мы уже достаточно познали себя, мы свои психологическія самонаблюденія переносимъ и на другихъ; о душевной жизни другихъ мы заключаемъ по аналогіи со своей. Впослѣдствіи мы убѣждаемся, что у другихъ людей имѣются и нѣкоторыя индивидуальныя особенности, которыми они отличаются и отъ насъ, и отъ другихъ. При сравненіи многихъ наблюдаемыхъ существъ общія явленія обобщаются и возводятся въ законы, а индивидуальныя различія опускаются. Такимъ образомъ мы доходимъ до самыхъ общихъ явленій и законовъ душевной жизни человѣка.

Но изученіемъ ея одной не ограничиваются ни психологи; ни обыкновенные люди. По аналогіи съ человѣкомъ истолковываютъ и жизнь животныхъ,—сперва домашнихъ,

¹⁾ Schopenhauer, Welt als Wille u. Vorst., I. Bd. § 19.

²⁾ И. С. Проданъ, 1) Практ. рук. психол. гл. XXIX и XXX и особ. стран. 182—185. 2) VI гл. §§ 7 и 8 наст. изслѣд.

а затѣмъ и другихъ. При этомъ, разумѣется, ошибки бывають еще чаще, чѣмъ при изученіи души человѣка; но ошибки не исключаютъ возможности правильно понимать и толковать и жизнь животныхъ.

XXXIV.

Изъ предыдущаго мы убѣдились, что научная психологія возможна не только относ. человѣка, но и животныхъ; притомъ она не можетъ ограничиться изученіемъ однихъ явленій, но должна изучать и ихъ сверхчувственныхъ носителей—способности и силы душевныя. Еще раньше мы убѣдились, что и біологическія науки не могутъ ограничиться изученіемъ физическихъ и химическихъ процессовъ у растеній и животныхъ: для объясненія и пониманія біологическихъ процессовъ и жизни вообще нужно предполагать и изучать особыя силы, которыя обусловливають жизнь—питаніе, ростъ, размноженіе, самосохраненіе и развитіе организмовъ. И эти біологическія силы, и еще болѣе силы душевныя отличаются кореннымъ образомъ отъ силъ физическихъ, дѣйствующихъ въ мертвой матеріи. Эти жизненные силы оказываются силами высшаго порядка; имъ подчиняются силы физическія, служа рабочими орудіями и строительнымъ матеріаломъ для организмовъ и для органической жизни. Эти жизненные силы дѣйствуютъ постоянно, но не по законамъ механики, и не подчиняясь ни закону причинности, ни закону сохраненія энергіи: жизненная энергія не можетъ быть получена изъ мертвой матеріи; это и подавно невозможно относ. силъ психическихъ. Для поддержанія жизни, правда, необходима и матерія и силы матеріальныя—напр., теплота; но эти силы служатъ лишь орудіями и средствомъ для осуществленія высшихъ жизненныхъ задачъ. Точно такъ же кирпичи, известъ и рабочія руки не могутъ создать ни архитектора, ни плана дома, ни самого дома. Архитекторъ животнаго—это его главная душевная сила, его „автомонада“, которая планомѣрно направляетъ все силы къ осуществленію одной конечной цѣли. Эта же автомонада обуславливаетъ въ человѣкѣ его разумъ, который изъ состоянія бессознательнаго постепенно дѣлается познаваемымъ и сознательнымъ. Слѣдовательно разумъ человѣка и животныхъ беретъ свое начало не отъ нихъ, а отъ предвѣчнаго Разума,

который не подлежит разрушенію на подобіе матеріи. Этотъ безначальный Разумъ мы можемъ представлять себѣ только по аналогіи съ нашимъ мышленіемъ; но при этомъ мы должны отвлекаться отъ всѣхъ ограниченій пространства, времени, причинности, которыя присущи нашему человѣческому мышленію. Равнымъ образомъ мы должны отвлекаться и отъ всѣхъ ограниченій нашей воли и мощи, налагаемыхъ на насъ нашей брэнной оболочкой и вещественнымъ міромъ.

Нашъ человѣческій разумъ, какъ мы видимъ, весьма ограниченъ, если и до сихъ поръ еще находятся философы, которые его хотѣли объявить за плодъ мертвой матеріи или же „жизнеспособныхъ“ атомовъ¹⁾. Какъ ни ограниченъ нашъ разумъ, все же онъ проникаетъ, хоть медленно, въ тайны бытія и творенія. Нашъ разумъ, правда, не въ силахъ создать ни мельчайшей клѣточки гриба или папоротника, ни даже жизнеспособной протоплазмы. Зато онъ иногда бываетъ въ состояніи понять свое безсиліе и творческую мощь предвѣчнаго Разума, создавшаго безчисленные міры съ ихъ необъятнымъ числомъ обитателей; разумные обитатели земли при всей ихъ слабости все же стремятся къ чему-то высшему, неземному, къ какой-то отдаленной цѣли, бессознательно влекущей насъ къ себѣ.

Какъ ни велико зло, порождаемое вмѣстѣ съ жизнью, все же оно не служитъ опроверженіемъ господства разума и добра. Уклоненій отъ пути истины и правды возможно безконечное число, а истинный путь одинъ; но несмотря на это, уклоненія отъ него бываютъ сравнительно рѣдко. То, что мы возмущаемся этими уклоненіями отъ истины и добра, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что они рѣдки по сравненію съ истиной и правдой. Такъ же точно насъ поражаютъ и физическія уродства челоуѣка, потому что они составляютъ рѣдкое исключеніе.

¹⁾ Признавая эволюцію организмовъ, т. е. ихъ поступательное совершенствованіе, наши псевдо-дарвинисты, въ родѣ Геккеля, все же приписываютъ это совершенствованіе безконечному ряду случаевъ; эти случаи будто создали то удивительно разумное устройство организмовъ, которое еще не скоро будетъ достигнуто провинциальными біологами, но которое было уже у первичныхъ животныхъ древнѣйшаго геологическаго періода, за много миллионовъ лѣтъ до насъ.

XXXV.

Изъ разсмотрѣнія жизни мы убѣдились, что она не представляетъ собою ни вынужденной механической смѣны явленій, ни случайной игры калейдоскопа. Ея законы въ общемъ ведутъ къ опредѣленнымъ цѣлямъ; если же эти цѣли иногда не достигаются, то это зависитъ отъ совокупности неблагоприятныхъ матеріальныхъ условій. Вотъ, почему встрѣчаются въ жизни и уродства и зло. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что жизнь не есть механической безцѣльный процессъ. Правда, ея цѣлей нельзя ни видѣть, ни нащупать: поэтому ихъ не постигаютъ иные философствующіе біологи и физики. Какъ мы видѣли, эти цѣли существовали въ мірѣ живыхъ организмовъ за милліоны лѣтъ до насъ; онѣ будутъ существовать и послѣ насъ: безъ цѣлей не было бы и жизни.

Если же жизнь и міровой процессъ, обуславливающей жизнь, имѣютъ опредѣленную цѣль, къ которой непрерывно стремятся на землѣ всѣ живыя существа уже въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ: то очевидно, эта цѣлесообразность не можетъ быть порожденіемъ непрерывныхъ случаевъ. Она не можетъ быть порожденіемъ и того, что въ себѣ не заключаетъ никакихъ цѣлей, никакого разума, что само измѣнчиво, и имѣетъ свое начало, и свой конецъ. Таковой оказалась матерія физиковъ и химиковъ, которая сама еще ни разу не произвела ни одной клѣтки грибка или лишая. Слѣдовательно матерія не можетъ быть началомъ цѣлесообразности, разума и жизни. Началомъ всего этого можетъ быть нѣчто иное, устойчивое, разумное. Это нематеріальное начало не только пронизываетъ и формируетъ матерію, рожденную и уничтожаемую; но оно, очевидно, опредѣлило задачу и роль матеріи въ міровомъ процессѣ: слѣдовательно оно было до всякой матеріи, оно существовало „прежде всѣхъ вѣкъ“. Только это вѣчное, разумное можетъ быть первоосновой и первопричиной всего сущаго—и матеріи, и движенія, и законовъ природы, и жизни, и „ограниченнаго человѣческаго разума, и человѣческаго счастья. Все, это не, можетъ быть порожденіемъ ни атомовъ, образующихъ матерію, ни электроновъ и іоновъ, образующихъ матеріальные атомы. Если этимъ понятіямъ физиковъ и соответствуетъ нѣчто реальное

въ природѣ, то все же это нѣчто, какъ мы видѣли, имѣетъ и свое начало, и свой конецъ. Это уразумѣли наконецъ самыя выдающіеся физики нашего времени. Порядокъ въ природѣ, и ея законы, и сама матерія не могли существовать или возникнуть сами собой, безъ участія предвѣчнаго Разума и его мощи, превосходящей все во вселенной.

Такова метафизика здраваго смысла. Если подъ метафизикой разумѣть науку о сверхчувственныхъ началахъ всего бытія и познанія, то безъ нея не обходятся ни физика, ни біологическія науки, а еще менѣе науки о чловѣкѣ. Безъ метафизики не можетъ обойтись и обычный чловѣкъ, никогда не слыхавшій даже ея названія. Метафизика не только возможна, но и необходима. Если она еще далека отъ научнаго совершенства и еще не дошла до общаго согласія относ. своихъ принциповъ; то это не лишаетъ ее права на научный патентъ. Всѣ возраженія противъ нея со стороны скептиковъ, Канта, позитивистовъ, какъ мы видѣли, основаны на недоразумѣніи; такъ же точно и ихъ теоріи познанія, какъ мы видѣли, оказались заблужденіемъ.

1) Всякое познаніе относится къ чему-то реальному, что существуетъ и помимо познавательнаго процесса или даже помимо познающаго субъекта.

2) Наше познаніе и знаніе складывается не только изъ чувственныхъ элементовъ, но и изъ элементовъ самовоспріятія (рефлексія), разсудка и памяти.

3) Мы познаемъ не только свою душу, но и души другихъ людей и даже животныхъ.

4) Такъ какъ мы по дѣйствіямъ можемъ узнать и причины, ихъ производящія, то мы можемъ въ обратномъ хронологическомъ порядкѣ, вѣря въ единообразіе, возвращаться и къ самымъ отдаленнымъ причинамъ и даже къ первопричинѣ вселенной.

5) Такъ какъ причиной дѣйствій у живыхъ существъ бываетъ ихъ воля и разумъ, то мы можемъ познать волю и намѣренія другихъ живыхъ существъ.

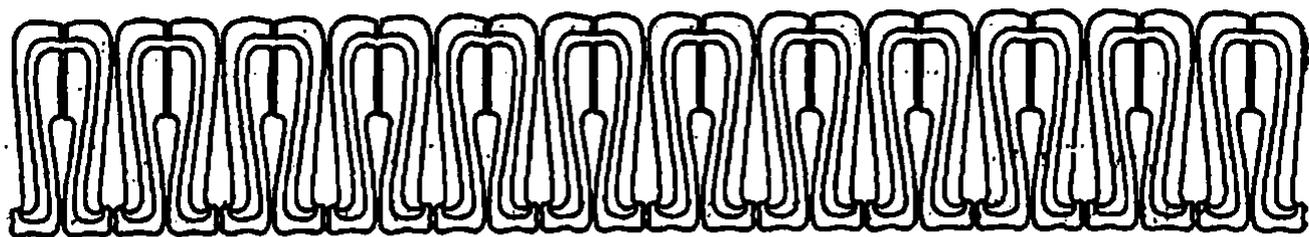
6) Такъ какъ мы убѣждаемся въ цѣлесобразности и разумѣ живыхъ существъ и вообще въ удивительномъ порядкѣ во всей вселенной, то мы правильно заключаемъ, что все сущее имѣетъ одно вѣчное и разумное начало. Объ этомъ началѣ мы судимъ по аналогіи со своимъ ограничен-

нымъ разумомъ и со своей ограниченной мощью: поэтому мы можемъ его познать лишь неполно и несовершенно; но и въ этомъ направленіи возможно улучшение и совершенствованіе нашего познанія.

7) Такимъ образомъ всестороннее разсмотрѣніе фактовъ относительно жизни и природы приводитъ насъ къ убѣжденію въ существованіи вѣчнаго и всемогущаго Разума. Это смутно чувствуется уже дикарями, но съ опредѣленной ясностью высказывалось всѣми гѣніальными философами.

И. С. Проданъ.

ФАКТЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ГЕРЦОГОВИЦА НА СЛУЖБѢ ПО ДУХОВНО-УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

(Продолженіе *).

Первый судебный процессъ братьевъ Скитскихъ.

Начавшееся судебное слѣдствіе повело къ аресту Скитскихъ и привело ихъ на судъ Харьковской Судебной Палаты. Засѣданія Судебной Палаты открылись въ Полтавскомъ окружномъ судѣ 17-го и продолжались до 10 час. вечера 21-го марта. Ходъ судебного процесса чрезвычайно интересовалъ всѣхъ и каждого въ городѣ. Мѣстные вѣдомости на расхватъ разлетѣлись и читались. Отовсюду слышалось сочувствіе Скитскимъ. Само собою разумѣется то, что волновало людей вполне взрослыхъ и болѣе или менѣе уравновѣшенныхъ, не могло не обращать на себя вниманія и воспитанниковъ учебныхъ заведеній, особенно семинаріи. И дѣйствительно, воспитанники семинаріи съ большимъ интересомъ слѣдили за судебнымъ процессомъ, но никакими открытыми дѣйствіями не обнаруживали своего несомнѣннаго сочувствія къ подсудимымъ. Въ числѣ многихъ свидѣтелей вызвали и меня по желанію защиты. Показаніе мое не имѣло никакого значенія для дѣла, и я рѣшительно неодумывалъ, зачѣмъ меня вызвали. Въ первый день пришлось слоняться въ темныхъ и тѣсныхъ комнатахъ для свидѣтелей отъ 9-ти часовъ утра до 3-хъ часовъ пополудни, когда облагоизволили объявить, чтобы явиться въ четвергъ, 19-го, въ 11 часовъ дня. Снова пришлось слоняться до 3-хъ часовъ пополудни, когда, наконецъ, позвали меня для спроса. Ни прокуроръ, ни судъ ничего не спрашивали и только защитникъ Зеленскій, по указанію кото-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1913 г.

раго меня и вызвали, спросилъ, что я знаю о Скитскихъ? „Ничего не знаю, отвѣтилъ я, кромѣ того, что Скитскій былъ казначеемъ консисторіи и приносилъ вмѣстѣ съ однимъ изъ членовъ ея въ правленіе семинаріи, разновременно въ теченіе года, до 47 тыс. руб.; самъ онъ казался мнѣ исправнымъ чиновникомъ“. И вотъ для дачи такого ничтожнаго показанія меня три раза вызывали въ Судебную Палату—два раза въ Полтавѣ, а разъ потребовали явиться и въ Харьковѣ!

Болѣе или менѣе съ интересомъ я слушалъ только первый процессъ; послѣдующіе два почти совѣмъ не занимали меня, а вызывали какое то озлобленіе къ тѣмъ, по винѣ кого я отрывался отъ своего дѣла. На первомъ процессѣ мнѣ очень не понравилась обвинительная рѣчь прокурора Судебной Палаты, отличавшаяся фразерствомъ, неприличнымъ, какъ мнѣ казалось, въ устахъ высшаго представителя правосудія въ Судебномъ округѣ. Комаровъ, по его мнѣнію, былъ представителемъ свѣта, а Скитскій—тѣмы; поэтому первому онъ пропѣлъ панегирикъ, а второго заклеилъ самымъ ужаснымъ образомъ. Но Судебная Палата оправдала Скитскихъ и своимъ вердиктомъ вызвала чуть не всеобщее ликование съ городъ и особенно въ мѣстахъ и улицахъ, ближайшихъ къ мѣсту судопроизводства, гдѣ не одна тысяча народа стояли и ждали съ нетерпѣніемъ объявленія судебного приговора. Полиція ничего не могла сдѣлать съ шумѣвшими толпами и вину за свою нераспорядительность и безсиліе сваливала на другихъ, въ томъ числѣ и на воспитанниковъ семинаріи, будто-бы покинувшихъ общежитіе и явившихся къ суду для участія въ демонстраціи. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Полтавской семинаріи не существовало опредѣленной формы въ одеждѣ воспитанниковъ и ихъ по внѣшнему виду трудно было отличить отъ другихъ молодыхъ людей въ обычномъ гражданскомъ платьѣ. Именемъ воспитанниковъ семинаріи нерѣдко злоупотребляли и бывали случаи, что при совершеніи какого нибудь дебоша выдавали себя за семинаристовъ разные подмастерья. При существованіи форменной одежды этого, можетъ быть, и не допускалось бы, но въ дѣтрѣхъ не считается ни съ какою формою. Воспитанники семинаріи, конечно, были не безъ грѣха, и если внѣшнее неблагоповеденіе отдельныхъ лицъ

не замѣчалось сторонними, то потому, что ихъ не отличали отъ не-семинаристовъ. По этимъ соображеніямъ, а главнымъ образомъ потому, что самъ оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ отрицательно относился къ формѣ, преосвященный Иларіонъ отклонилъ проектъ правленія о введеніи таковой въ семинаріи. Признаться, я и самъ не сочувствовалъ формѣ. Отсутствие ея у воспитанниковъ давало имъ возможность защищаться и защищать ихъ не только отъ навѣтовъ, но и отъ возможныхъ проступковъ. Вотъ тому примѣръ.

Визитъ губернатора послѣ оправданія Скитскихъ.

Черезъ день по оправданіи Скитскихъ, 23-го марта, около 3-хъ часовъ дня, изволилъ зайти ко мнѣ начальникъ губерніи А. К. Бельгардъ. Приходъ его меня озадачилъ. Послѣ обычныхъ любезностей добрыйшій Александръ Карловичъ спросилъ, можемъ ли мы поговорить, чтобы насъ не слышали? Я успокоилъ его на этотъ счетъ, и онъ завелъ рѣчь о Комаровѣ и Скитскихъ.

Видно было, что онъ озабоченъ общимъ сочувствіемъ къ Скитскимъ и желалъ выяснитъ причины нерасположенности духовенства къ покойному Комарову. Передавая то, о чемъ ему доносили, онъ какъ будто хотѣлъ провѣрить справедливость слуховъ черезъ меня и даже спросилъ: правда ли, что въ средѣ духовенства говорятъ про Комарова: „Собака и смерть собачья“? Я, меньше другихъ былъ въ курсѣ всякихъ сплетенъ и уклонился отъ отвѣтовъ на недоумѣнные вопросы его превосходительства. Затѣмъ онъ заговорилъ объ отношеніи къ судебному процессу воспитанниковъ и сказалъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, нѣкоторые изъ нихъ были въ залѣ суда и около вѣдальи, и принимали участіе въ настроеніи толпы. Я не скрылъ, что воспитанники действительно интересовались ходомъ судебного дѣла, но кто имъ въ породѣ не интересовался? Имъ, какъ дѣтямъ духовенства, извѣстны были лучше, чѣмъ кому либо другому, чувства послѣдняго къ покойному Комарову и Скитскимъ, но, къ чести ихъ, они никакимъ вѣщнымъ дѣйствіемъ не обнаруживали своихъ собственныхъ чувствованій къ первому, а сочувствіе къ оправданному выражали въ болѣе мягкой формѣ, чѣмъ можно было ожидать.

Не отрицалъ я и присутствія воспитанниковъ вблизи окружнаго суда. 21-го марта въ семинарской церкви окончилась всенощная около 8-ми часовъ. Болѣе двухъ сотъ воспитанниковъ, проживающихъ на частныхъ квартирахъ, проходили около судебныхъ мѣстъ, гдѣ стояла не одна тысяча народа, и весьма естественно, что очень и очень многіе изъ нихъ останавливались и ждали оглашенія судебного рѣшенія. Можетъ быть какой нибудь юноша принималъ участіе и въ шумѣ, производимомъ толпою, но сомнительно чтобы блюстители порядка могли въ позднюю вечернюю пору все разглядѣть и безошибочно опредѣлить, кто шумитъ. Что-же касается до слуха, дошедшаго до его превосходительства, что воспитанники и изъ общежитія будто бы насильно вырвались черезъ парадную дверь и ходили къ суду, несмотря на мое запрещеніе, то я категорически отвергалъ такой безсовѣстный доносъ на насъ. Я далъ слово губернатору навести самыя точныя справки относительно поведенія воспитанниковъ въ памятный вечеръ и безъ утайки доложить ему все, что будетъ обнаружено. А. К. принялъ къ свѣдѣнію мои объясненія и съ своей стороны выразилъ мнѣ полное довѣріе.

Отношеніе воспитанниковъ къ судебному процессу Скитскихъ.

Изъ наведенныхъ мною справокъ у о. инспектора и его помощниковъ выяснилось, что квартирныя воспитанники стояли около суда и вели себя вполне прилично. Внутри зданія, въ судебномъ залѣ и примыкающихъ къ нему мѣстахъ, не было ни одного. Самый аккуратный изъ помощниковъ инспектора А. М. О.—чѣ свидѣтельствовалъ, что при обходѣ имъ квартиръ въ этотъ вечеръ большинство воспитанниковъ были у себя. Другой помощникъ инспектора С. М. П.—въ свидѣтельствовалъ, что въ 8 час. вечера въ столовой были налицо почти всѣ воспитанники, а въ 11 час. ночи, при обходѣ спаленъ, не было ни одного отсутствующаго. Этотъ же помощникъ передавалъ, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ III класса, услышавъ крики ура! покушались уйти изъ общежитія, но онъ ихъ задержалъ. Черезъ парадный ходъ швейцаромъ рѣшительно никто не выпускался, и скверный доносъ губернатору, что воспитан-

ники насильно прорывались черезъ парадную дверь, были злою выдумкою. На вопросъ мой членамъ инспекціи, не было ли ими замѣчено какое либо движеніе въ средѣ воспитанниковъ во время судебного процесса,—они отвѣтили, что все шло обычнымъ порядкомъ и прошедшая недѣля ничѣмъ не выдѣлялась отъ другихъ въ поведеніи воспитанниковъ. Рѣчь мою къ нимъ въ субботу акаѳиста, предъ молебствіемъ по случаю чудеснаго событія въ Курскѣ съ иконою Знаменія Божіей Матери, слушали со вниманіемъ, молились усердно и пѣли съ рѣдкимъ одушевленіемъ, особенно „Подъ Твою милость“...

Докладъ преосвященному о визитѣ губернатора и новая бесѣда съ нимъ.

На слѣдующій день, 24-го марта, я доложилъ преосвященному Иларіону о визитѣ губернатора и бесѣдѣ съ нимъ. Владыкѣ не понравился навѣтъ на семинарію. На дѣло Скитскихъ онъ смотрѣлъ довольно спокойно и недовольства на общее сочувствіе къ нимъ не обнаруживалъ, признавалъ только слѣдствіе недостаточнымъ. Относительно Комарова выразился, что онъ былъ рѣзокъ и грубъ въ обращеніи съ духовенствомъ, причемъ повѣдалъ мнѣ о дерзкой выходкѣ покойнаго къ протоіерею В. Б—чу. Посоветовалъ немедля пойти къ губернатору съ разъясненіями о воспитанникахъ, что мною и сдѣлано въ 11 часовъ того-же дня.

Губернаторъ принимая меня очень любезно, пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ и провелъ въ бесѣдѣ со мною около 40 минутъ. Къ дѣлу Комарова и Скитскихъ не возвращались. Я ему рассказалъ, что мною дѣлано, а онъ съ своей стороны сказалъ, что ему донесли о присутствіи возлѣ суда почти всѣхъ воспитанниковъ корпусныхъ. Очевидно, что это былъ чей-то неблагоприятный доносъ. Я недоумѣвалъ, кто бы могъ возвести на насъ такую клевету, и въ первый разъ пожалѣлъ объ отсутствіи формы у воспитанниковъ, которая во всякомъ случаѣ исключала бы возможность со стороны разночинцевъ выдавать себя за семинаристовъ.

Затѣмъ А. К. сталъ спрашивать про Толстовщину, которая болѣе чѣмъ замѣтно распространилась въ городѣ. Я откровенно сказалъ, что это мое больное мѣсто. Не сомнѣваюсь, что иные изъ воспитанниковъ ведутъ знакомство съ

толстовцами и читаютъ, можетъ быть, многое. На вопросъ о настроеніи и направленіи воспитанниковъ—отвѣтилъ ему, что какихъ нибудь политическихъ увлеченій, не исключая и хохломанства, незамѣтно, но мысль у многихъ работаетъ надъ отвлеченными вопросами и безъ сомнѣнія въ отрицательномъ смыслѣ. Это явленіе преимущественно замѣчается въ среднихъ классахъ III и IV, а въ послѣдующихъ само собою проходитъ.

Заходила рѣчь и о преподаваемыхъ наукахъ въ семинаріи и умственной развитости воспитанниковъ. Когда я сказалъ, что лучшіе воспитанники семинаріи развитѣе гимназистовъ, онъ повидимому удивленъ былъ.

Весьма недоумѣннымъ показался мнѣ вопросъ о какомъ-то воспитанникѣ изъ болгаръ, отличающемся якобы крайнимъ образомъ мыслей. Трое болгарчатъ, обучавшихся въ I классѣ, не умѣли еще и говорить по-русски, отличались благовоспитанностію и были съ добрымъ настроеніемъ. Четвертый—Дмитровъ, обучавшійся, кажется, въ IV классѣ, былъ лучший изъ воспитанниковъ по поведенію, примѣрный труженикъ, но малоспособный. Неужели его считали вольнодумцемъ?! Кто распространялъ недобрую молву про воспитанниковъ вообще, осталось для меня невыясненнымъ. Скорбно было, что кто-то слѣдитъ за жизнью заведенія и въ неправильномъ видѣ изображаетъ насъ предъ губернскимъ начальствомъ. Не выражая своего негодованія открыто, я сказалъ А. К., что не позволю себѣ ничего скрыть отъ него, и просилъ разрѣшить мнѣ откровенно и непосредственно доводить до его свѣдѣнія о всякомъ явленіи, могущемъ запятнать честь заведенія. Онъ изъявилъ удовольствіе всегда меня выслушать и выразилъ готовность сдѣлать все зависящее отъ него для устраненія того или другого неблагоприятнаго явленія, но, слава Богу, не представлялось надобности откровенничать съ нимъ и обращаться непосредственно къ его помощи.

Затѣя о выраженіи сочувствія Скитскимъ.

Едва я возвратился отъ губернатора въ семинарію, какъ инспекторъ сообщилъ мнѣ о какой-то затѣѣ въ средѣ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній для поднесенія Скитскимъ чего-то въ родѣ адреса. Сдѣлать распоря-

женіе слѣдить за нашими воспитанниками и предупредить ихъ по классамъ, чтобы были благоразумными. Заходилъ и самъ въ старшіе классы и предостерегалъ воспитанниковъ отъ недомыслія. Два воспитанника VI класса (М—скій и Р—чъ) заявили, что въ карманъ ихъ товарища Д—скаго кѣмъ-то положена записка, приглашавшая къ 12-ти часамъ въ садъ предъ кадетскимъ корпусомъ. Значить какіе-то злые люди что-то затѣвали и вели не гласную агитацію въ средѣ учениковъ. Тоже самое продѣлывалось ими съ успѣхомъ въ гимназій и реальномъ училищѣ. Гимназистовъ и реалистовъ—въ формѣ и переодѣтыхъ было очень много въ саду, но отсутствіе семинаристовъ, на которыхъ можно бы было свалить всю вину, разстроило планъ затѣйщиковъ.

Второй и третій процессъ Скитскихъ.

Излишній шумъ, создавшійся вокругъ процесса Скитскихъ и породившій нелѣпые слухи, что подъ вліяніемъ его состоялось и рѣшеніе Судебной Палаты объ оправданіи подсудимыхъ, былъ, какъ говорили впоследствии, одною изъ причинъ къ отмѣнѣ Сенатомъ постановленія Судебной Палаты и передачи дѣла на новое разсмотрѣніе той-же Харьковской Судебной Палаты въ другомъ составѣ ея членовъ. Второй судебный процессъ происходилъ въ Харьковѣ ровно черезъ годъ въ тѣ же числа мѣсяца марта и окончился неблагоприятно для Скитскихъ: Судебная Палата осудила ихъ на 12 лѣтъ въ каторгу. Но Сенатъ отмѣнилъ и этотъ приговоръ и передалъ запутанное дѣло на разсмотрѣніе Кіевской Судебной Палатѣ. Судебный процессъ происходилъ въ Палатѣ черезъ годъ послѣ второго, и окончился оправданіемъ Скитскихъ. Такимъ образомъ, злополучное дѣло объ убійствѣ секретаря консисторіи Комарова было ликвидировано, хотя настоящие убійцы и остались не открытыми.

Послѣдствія судебныхъ процессовъ Скитскихъ для членовъ Полтавской духовной консисторіи.

Въ моральной части судебного процесса братьевъ Скитскихъ наиболѣе существенное значеніе могли и должны были имѣть показанія членовъ консисторіи. Какъ лица, ежедневно встрѣчавшіяся съ покойнымъ секретаремъ Комаровымъ, об-

суждавшія вмѣстѣ съ нимъ разные моральные вопросы, видѣвшія его отношенія къ консисторскому чиновничеству и знавшія его взгляды на духовенство, могли лучше другихъ свидѣтелей обрисовать его нравственный обликъ и дать правильный отзывъ о положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ его характера. По разнымъ соображеніямъ члены консисторіи очень сдержанны были въ своихъ показаніяхъ и не обнаружили гражданскаго мужества въ отвѣтахъ на предлагаемые имъ вопросы. И тѣмъ не менѣе даже въ ихъ робкихъ показаніяхъ усмотрѣно было что-то супротивное начальственнымъ желаніямъ. Показанія ихъ не понравились не только ближайшему, но и высшему начальству. И вотъ скоро послѣ перваго судебного процесса начались репрессіи по отношенію къ членамъ консисторіи. Сначала послѣдовало увольненіе сверхштатнаго члена протоіерея Н. Л—скаго, мало интересовавшагося своею почетною должностію и безъ особой пользы для дѣла засѣдавшаго въ консисторіи, а затѣмъ дошла очередь и до самаго дѣятельнаго и независимаго члена протоіерея П. М—ва. Ему предложено было подать прошеніе объ увольненіи, но онъ категорически отказался исполнить волю епархіальнаго начальства. Послѣдовало представленіе въ Св. Синодъ объ увольненіи о. М—ва безъ прошенія. Несправедливое дѣло проведено было при благосклонномъ содѣйствіи И. К. Зинченка, исправлявшаго должность товарища оберъ-прокурора Св. Синода, и состоялось назначеніе новаго члена въ лицѣ протоіерея Ѳ. Л—скаго. Ожидали своей очереди и другіе два члена, но она для нихъ наступила только послѣ второго процесса, осудившаго Скитскихъ, и коснулась ихъ служебнаго положенія еще болѣе ощутительно. О. протоіерей Н. У—въ, состоявшій десять лѣтъ настоятелемъ кафедральнаго собора, перемѣщенъ на должность настоятеля Срѣтенской церкви; бывшій настоятель этой церкви протоіерей І. Г—скій перемѣщенъ въ кладбищенскую церковь, а настоятель послѣдней вышеупомянутой протоіерей Ѳ. Л—скій назначенъ настоятелемъ кафедральнаго собора. Перемѣны эти произвели чрезвычайное впечатлѣніе въ городѣ и во всей епархіи. Въ свѣтскомъ обществѣ прямо роптали за несправедливость по отношенію къ протоіерею У—ву. На парадномъ обѣдѣ у губернатора въ день рожденія Государя Им-

ператора (6-го мая 1899 г.) одно изъ самыхъ близкихъ лицъ къ преосвященному, начальникъ почтово-телеграфнаго округа Н. Ѡ. Герас—ко, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ вмѣстѣ со мною, вслухъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „До сихъ поръ я считалъ службу по выборамъ самою худшею, а теперь убѣдился, что служба въ духовномъ вѣдомствѣ не лучше“. Вице-губернаторъ К. А. Б—сний, принимавшій участіе въ разговорѣ, сказалъ, что собирается спросить преосвященнаго „о причинѣ такого жестокаго отношенія къ протоіерею У—ву“. Не безъ основаній можно предполагать, что эти и подобные толки, доходившіе до впечатлительнаго владыки Иларіона, въ связи съ третьимъ судебнымъ процессомъ Скитскихъ, оправданныхъ сессіей Кіевской Судебной Палаты, повліяли на перемѣну отношеній къ подвергшимся опалѣ о.о. протоіереямъ. Протоіерею Н. Л—скому предложена должность намѣстника въ Лубенскомъ Мгарскомъ монастырѣ, съ производствомъ, по принятіи монашества, въ санъ архимандрита. Протоіерею П. М—ву предоставлено предсѣдательство въ Совѣтѣ епархіальнаго женскаго училища. Протоіереи Н. У—въ и Л. Г—скій, оставшіеся на своихъ мѣстахъ въ консисторіи, были начальственнымъ благовниманіемъ и удостоены Высочайшихъ наградъ орденами Св. Владиміра 4 и 3 степени. Ходатайство о послѣдней высокой наградѣ возбуждено было, во исполненіе воли владыки († 18-го Января 1904 г.), его преемникомъ.

Прот. І. Пичета.

(Продолженіе будетъ)

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

31 Марта

№ 6

1913 года.

Содержаніе: Епархіальныя извѣстія.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епарх. жен. училища. (Продолженіе).

I.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

а) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Студентъ Курской Духовной Семинаріи *Николай Спѣсивцевъ* 14 марта опредѣленъ на священническое мѣсто при Троицкой церкви с. Перескопа, Валковскаго уѣзда.

2) Безмѣтный священникъ *Григорій Дьяковъ* 19 марта опредѣленъ на 2 священническое мѣсто при Николаевской церкви с. Линивки, Зміевского уѣзда.

3) Заштатный псаломщикъ *Павель Квитковскій* 13 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви с. Веселаго, Харьковского уѣзда.

4) Сынъ діакона *Василій Рубинскій* 21 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви с. Линивки, Зміевск. уѣзда.

б) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ, Троицкой церкви с. Перескопа, Валковскаго уѣзда, *Макарій Блжесъ*, по прошенію, 7 марта перемещенъ на священническое мѣсто при храмѣ Христа Спасителя при станціи «Борки».

2) Священники церквей с. Мавартединой, Староб. уѣзда, *Тимофей Василенко*, и с. Богородичной, Изюмскаго уѣзда, *Іоаннъ Федоровъ*, 11 марта взаимно перемѣщены.

3) Псаломщикъ церкви с. Веселаго, Харьковского уѣзда, *Петръ Петинъ*, согласно его прошенію, 13 марта перемещенъ въ церковь с. Одноробовки, того-же уѣзда.

в) Обь увольненіи за штатъ.

Псаломщикъ церкви с. Одноробовки, Харьковскаго уѣзда, *Василій Поповъ*, по прошенію, 13 марта уволенъ за штатъ.

г) Обь утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ Успенской церкви с. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда, старостою 14 марта утвержденъ крестьянинъ *Василій Балакъ*.

2) Къ церкви с. Угроѣды, Ахтырскаго уѣзда, старостою 14 марта утвержденъ крестьянинъ *Петръ Рыбалка*.

3) Къ Николаевской церкви гор. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, старостою 13 марта утвержденъ крестьянинъ *Адрианъ Горинка*.

4) Къ Успенской церкви того-же города старостою 13 марта утвержденъ мѣщанинъ *Иванъ Яловнаровъ*.

5) Къ церкви с. Мосьпановой, Зміевскаго уѣзда, старостою 15 марта утвержденъ крестьянинъ *Госифъ Миланка*.

6) Къ церкви съ Бороваго, того-же уѣзда, старостою 2 марта утвержденъ крестьянинъ *Стефанъ Короткихъ*.

7) Къ церкви с. Бармазиновки, Купянскаго уѣзда, старостою 5 марта утвержденъ крестьянинъ *Адрианъ Черновъ*.

8) Къ церкви с. Марковки, Лебединскаго уѣзда, старостою 5 марта утвержденъ крестьянинъ *Григорій Радченко*.

9) Къ Митрофановской церкви гор. Недригайлова старостою 12 марта утвержденъ крестьянинъ *Петръ Капленко*.

10) Къ церкви с. Чепиговки, Староб. уѣзда, старостою 18 марта утвержденъ крестьянинъ *Лука Бойко*.

д) Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

1) Священникъ Иоанно-Богословской церкви с. Лубянки, Староб. уѣзда, *Михаилъ Явницькій*, 4 марта утвержденъ въ должности законоучителя Лубянскаго народнаго училища.

2) Священникъ Покровской церкви с. Мостковъ, того-же уѣзда, *Александръ Ивановъ*, 4 марта утвержденъ въ должности законоучителя 2-го Мостовскаго народнаго училища.

3) Священникъ церкви с. Одноробовки, Харьковскаго уѣзда, *Николай Скитиковъ*, 2 марта утвержденъ въ должности законоучителя Ивановскаго 1-го училища.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковского Епархіального женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1911—1912-й учебн. годъ.

(Продолженіе *).

і) (Обстоятельства, благопріятствовавшія и препятствовавшія веденію учебно-воспитательнаго дѣла. Мѣры принятыя и предполагаемыя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла.

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполнѣ согласно съ § 83 Училищнаго Устава.

Къ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ успѣшному веденію дѣла, надо отнести то, что преподаватели, обладая педагогическимъ опытомъ, относились къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно и исполняли ихъ съ надлежащимъ усердіемъ. Классныя воспитательницы и ихъ помощницы усердно содѣйствовали веденію учебно-воспитательнаго дѣла, присутствовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій репетировали съ воспитанницами заданные уроки, своими объясненіями способствовали успѣшному и сознательному усвоенію ихъ и замѣняли отсутствовавшихъ наставниковъ, занимаясь съ дѣтьми чтеніемъ, письмомъ подъ диктовку или руководѣлемъ.

Для возвышенія учебно-воспитательнаго дѣла практиковались по примѣру прежнихъ лѣтъ слѣдующія мѣры:

1) Совѣтъ Училища на педагогическихъ собраніяхъ разсматривалъ вносимыя Начальницей Училища и Инспекторомъ классовъ двухмѣсячныя вѣдомости о поведеніи и успѣхахъ воспитанницъ. Вѣдомость объ успѣхахъ воспитанницъ, составленная на основаніи общихъ отмѣтокъ преподавателей, разсматривалась въ Совѣтѣ при участіи всѣхъ преподавателей, учительницъ и воспитательницъ, при чемъ выяснялись причины неуспѣшности ученицъ и указывались мѣры для ихъ исправленія. Малоспособныя и недостаточно развитыя ученицы подвергались особому вниманію учащихъ во время классныхъ уроковъ и воспитательницъ во время вечернихъ занятій, а невнимательныя и нерадивыя подвергались взысканію. Иногда Совѣтъ Училища признавалъ необходимымъ войти въ сношенія съ родителями малоуспѣвшихъ воспитанницъ по вопросу о принятіи мѣръ къ возвышенію успѣховъ ихъ дочерей.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1913 г.

2) Вѣдомость о числѣ малоуспѣвающихъ воспитанницъ по истеченіи 2-хъ мѣсяцевъ представлялась Совѣтомъ при журналахъ Его Высокопреосвященству.

3) Въ видахъ поощренія къ трудолюбію лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанницъ, Совѣтъ Училища награждалъ ихъ книгами и похвальными листами. Съ тою же цѣлью при отпускахъ дѣтей въ дома родителей ихъ баллы по успѣхамъ и поведенію выставлялись въ отпусковыхъ билетахъ, дабы родители или родственники могли слѣдить за успѣхами и поведеніемъ своихъ дѣтей и въ нужныхъ случаяхъ побуждали ихъ къ аккуратному исполненію своихъ обязанностей.

4) На экзаменѣ на малоуспѣшныхъ въ теченіе года воспитанницъ обращено было особое вниманіе и по тѣмъ предметамъ, по которымъ онѣ не оказали удовлетворительныхъ успѣховъ, имъ предлагались вопросы изъ всего пройденнаго за годъ, съ цѣлью болѣе тщательной провѣрки знаній ихъ по симъ предметамъ. Воспитанницы, имѣвшія неудовлетворительныя годовыя отмѣтки по 3-мъ и болѣе предметамъ, согласно циркуляру Учебнаго Комитета, не были вовсе допускаемы до экзаменовъ.

5) Для поднятія уровня развитія воспитанницъ Инспекторомъ классовъ и преподавателями обращалось вниманіе на внѣклассное чтеніе воспитанницъ книгъ, съ цѣлью развитія и обогащенія свѣдѣніями, помимо класснаго преподаванія. Совѣтъ Училища озаботился пополненіемъ бібліотеки изданиями религіозно-нравственнаго и литературнаго содержанія, которыя одобрены для внѣкласснаго чтенія учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ отчетномъ году практиковались общія для всѣхъ классовъ чтенія, особенно во время рожденья. Въ Великій Постъ, особенно въ дни говѣнья, учащимся выдавались книги для чтенія религіозно-назидательнаго содержанія. Ближайшее наблюденіе за внѣкласснымъ чтеніемъ имѣли воспитательницы подъ руководствомъ Инспектора классовъ и при содѣйствіи преподавателей.

6) Съ цѣлью способствовать умственному развитію воспитанницъ въ отчетномъ году были устраиваемы преподавателями чтенія съ туманными картинами и безъ оныхъ. Такъ, 4-го сентября по случаю открытія въ г. Бѣлгородѣ мощей Св. Іоасафа Г-жей Начальницей Е. Н. Гейцыгъ было прочтано воспитанницамъ житіе Св. Іоасафа, а 2 воспитанницы прочитали стихотворенія, посвященные памяти Святителя, и были показаны туманныя картины. 23-го октября воспитанницами 3-го класса были прочтаны выдержки изъ произ-

веденій: 1) экзамень Митрофанушки (отрывокъ изъ комедіи «Недоросль» Фонъ-Визина), 2) отрывокъ изъ «Ревизора» Гоголя, 3) «Пѣснь про купца Ивана Васильевича Калашникова». 6-го ноябрю преподаватель Я. М. Колосовскій прочиталъ біографію И. С. Никитина и нѣкоторыя изъ его стихотвореній (Бурлаки, Русь и Жена ямщика). Чтеніе чередовалось чтеніемъ и пѣніемъ воспитанницами стихотвореній, при чемъ были показаны туманныя картины, соотвѣтствующія содержанию прочитаннаго. 8-го ноябрю, по случаю исполнившагося 200-лѣтія со дня рожденія М. В. Ломоносова, преподавателемъ М. А. Кокаревымъ въ актовомъ залѣ предложено было воспитанницамъ чтеніе о литературной дѣятельности этого великаго писателя. 18-го февраля, по случаю 300-лѣтія со дня кончины Всероссийскаго Патріарха Гермогена, Инспекторомъ классовъ, Протоіеремъ І. Котовымъ, въ актовомъ залѣ было предложено воспитанницамъ чтеніе, посвященное памяти сего Святителя, а преподавателемъ исторіи, М. И. Титовымъ, таковое же чтеніе воспитанницамъ младшихъ классовъ. Преподавателемъ исторіи И. П. Вохомскимъ было прочитано о Жаннѣ Д' Аркъ и были показаны соотвѣтствующія туманныя картины. Кромѣ того, чтенія по классамъ въ праздничные дни съ туманными картинами иногда происходили подъ руководствомъ воспитательницъ.

7) Для развитія литературнаго вкуса воспитанницъ, для приученія ихъ къ правильному и выразительному чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для доставленія имъ пріятнаго и полезнаго развлеченія иногда устраивался въ присутствіи близкихъ Училищу лицъ литературно-вокальные вечера, на которыхъ воспитанницы произносили заученныя стихотворенія, пѣли хоромъ и играли на музыкальныхъ инструментахъ приготовленныя пьесы. Литературно-вокально-музыкальный вечеръ, исполненный воспитанницами Училища 4-го декабря, въ день храмоваго училищнаго праздника, отличался особенно художественнымъ исполненіемъ и доставилъ воспитанницамъ и всѣмъ присутствовавшимъ на немъ большое удовольствіе. Вообще устройство чтеній и литературно-музыкальныхъ вечеровъ внесло оживленіе въ однообразную ученическую жизнь воспитанницъ. Особенно интересовались воспитанницы приготовленіями къ чтеніямъ, на которыхъ приходилось имъ самимъ участвовать. Такія чтенія и вокально-музыкальные вечера не только давали прекрасное высшее развитіе воспитанницамъ, но главнымъ образомъ содѣйствовали ихъ общему развитію. Съ образовательною цѣлью въ отчетномъ году были приняты экскурсіи. Такъ, воспитанницы 7-го класса во главѣ съ Начальницей Училища, со своими воспитательницами и нѣкоторыми

преподавателями 21 октября ѣздили въ Спасовъ Скитъ, мѣсто крушенія Императорскаго поѣзда въ 1888 году, гдѣ въ храмѣ пѣли обѣдню и осматривали достопримѣчательности и молились въ часовнѣ, устроенной на мѣстѣ крушенія Царскаго поѣзда. 9-го ноября воспитанницы 7 класса были въ Училищѣ слѣпыхъ и 23 января въ Училищѣ глухонѣмыхъ. 2-го іюня воспитанницы 5 и 4 классовъ со своими воспитательницами ѣздили въ г. Бѣлгородъ на поклоненіе мощамъ Св. Іоасафа. 8-го іюня воспитанницы двухъ 6-хъ классовъ и 7 класса съ г-жей Начальницей, воспитательницами и нѣкоторыми преподавателями также совершили поѣздку въ Бѣлгородъ. 19-го и 22-го апрѣля воспитанницы 4 и 5 классовъ ходили на выставку весенней природы, помѣщенную въ павильонѣ Университетскаго сада, гдѣ осмотрѣли рѣдкости весенней природы, а также находившійся здѣсь птичникъ и звѣринецъ. 8-го іюня воспитанницы 7 класса были въ Зоологическомъ музеѣ.

8) Въ старшихъ классахъ весьма много способствовало развитію педагогическихъ способностей воспитанницъ ихъ практическія занятія въ образцовой церковно-приходской школѣ при Училищѣ.

Особыхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла, кромѣ переполненія нѣкоторыхъ классовъ (какъ 5 норм. 56 воспитанницъ, 2 норм. 54 восп., 2 дополнит. 52 воспитанницы), въ отчетномъ году не было.

IV. Библіотека и физическій кабинетъ.

Библіотека раздѣляется на 1) фундаментальную; 2) ученическую и 3) музыкальную.

1) Въ фундаментальной библіотекѣ къ началу отчетнаго года числилось 5447 томовъ въ 2068 названіяхъ. Въ теченіе года приобрѣтено 111 томовъ въ 41 наименованіи; такъ что къ началу настоящаго 1912—1913-го учебнаго года всѣхъ книгъ въ фундаментальной библіотекѣ было 5558 томовъ въ 2109 названіяхъ.

2) Въ ученической библіотекѣ состояло книгъ 6649 томовъ въ 3491 названіяхъ, поступило 278 томовъ въ 134 названіяхъ.

3) Въ музыкальной библіотекѣ къ концу отчетнаго года состояло 1010 тетрадокъ въ 716 названіяхъ, поступило 3 тетрадки въ 3 названіяхъ; такъ что всего стало 719 названій.

Учебниковъ въ ученической библіотекѣ состояло 8840 экземпляровъ.

Изъ періодическихъ изданій Совѣтомъ Училища выписывались слѣдующія: въ фундаментальную библіотеку «Церковныя Вѣдомости»,

«Вѣра и Разумъ», «Вѣстникъ Воспитанія», «Странникъ», «Труды Кіевской Академіи», «Богословскій Вѣстникъ», «Церковный Вѣстникъ» съ «Христіанскимъ Чтеніемъ», «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ», «Миссіонерское Обзорѣніе», «Вѣстникъ Европы», «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», «Южный Край».

Въ ученическую бібліотеку: «Душеспасительное Чтеніе», «Русскій Паломникъ», «Родникъ», «Дѣтское Чтеніе», «Природа и Люди», «Нива», «Музыка и Пѣніе», «Мірокъ».

Въ теченіе года воспитанницами всѣхъ классовъ Училища взято было книгъ для чтенія изъ ученической бібліотеки—6850 экземпляровъ. Книги изъ ученической бібліотеки выдавались воспитанницамъ ежедневно, при чемъ каждому классу былъ назначенъ опредѣленный день для полученія и возвращенія книгъ. Въ выборѣ книгъ для чтенія воспитанницы руководствуются особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ для ученической бібліотеки, назначенные для каждаго класса въ отдѣльности. При бібліотекѣ имѣются: 1) Каталогъ хронологическій и систематическій, 2) Матеріальная книга, 3) Справочная книга и 4) Правила о порядкѣ храненія и выдачѣ книгъ.

Физическій кабинетъ. Согласно ходатайству Совѣта, Епархіальнымъ Съѣздомъ духовенства ассигновано на пополненіе физическаго кабинета 2000 руб. Изъ указанной суммы преподавателями физики Я. М. Колосовскимъ и В. Н. Мощенко, съ разрѣшенія Совѣта, на оборудованіе кабинета приобрѣтено до 137 приборовъ и 18 предметовъ посуды, всего на 1437 руб. 84 коп. Въ настоящее время въ физическомъ кабинетѣ имѣется до 257 существенно-необходимыхъ приборовъ, изъ которыхъ 23 пожертвованы, а другіе, кромѣ поименованныхъ, приобрѣтены на училищныя средства въ разное время. На приобрѣтеніе матеріаловъ, необходимыхъ при производствѣ опытовъ, одному изъ преподавателей отпускается 25 руб. въ годъ.

Въ Географическомъ кабинетѣ числилось до 162 предметовъ, большею частью пожертвованныхъ, въ числѣ которыхъ имѣются разнообразныя коллекціи.

На бібліотеку, учебники, учебныя пособия и учебныя принадлежности ассигновано по смѣтѣ 3000 руб. въ годъ.

V. Средства училища.

Въ 1911 экономическомъ году на приходъ поступило 148047 р. 28 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

а) Недоимки за предшествующій годъ	2420 р. 87 к.
б) Проценты съ неприкосновеннаго капитала Училища.	4031 » 21 »
в) Первоначальный взносъ со вновь поступающихъ воспитанницъ и плата за содержаніе воспитанницъ.	72177 » 50 »
г) Обще-Епархіальный взносъ съ церкви	35098 » 29 »
д) Отъ Епархіальнаго Свѣчнаго Завода	12869 » 96 »
е) Доходъ отъ принадлежащей Училищу части дома въ г. Харьковѣ	1907 » 94 »
ж) 1 ⁰ / ₀ -ный взносъ съ жалованья отъ причтовъ, получающихъ таковое, и опредѣленное назначеніе отъ причтовъ, не получающихъ жалованья	2422 » 59 »
з) Пожертвованія отъ монастырей, церквей, разныхъ учреждений и лицъ	1920 » 75 »
и) Отъ Училищной экономіи.	508 » 39 »
і) Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ на содержаніе образцовой церковно-прих. школы.	500 » — »
к) Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ въ пособіе учебно-воспитательному персоналу	1000 » — »
л) Отъ Харьковской Городской Управы на содержаніе второй учительницы при церковно-прих. школѣ.	300 » — »
м) За обученіе необязательнымъ предметамъ въ 1911 г. поступило на приходъ	5245 » — »
н) Переходящихъ суммъ	5433 » 02 »
о) Экстрординарныхъ поступленій	2211 р. 76 к.
<i>Въ расходъ было:</i>	
1) На содержаніе личнаго состава	36802 р. 24 к.
2) На содержаніе воспитанницъ пищею	43740 » 69 »
3) На содержаніе одеждою и обувью	11322 » 03 »
4) На содержаніе дома и прислуги	31829 » 59 »
5) На содержаніе больницы	1752 » 44 »
6) На бібліотеку и учебныя пособія	3157 » 54 »
7) На канцелярію	106 » 41 »
8) Мелочныхъ расходовъ	118 » 64 »
9) Экстрординарныхъ расходовъ	1327 » 44 »
10) На обученіе необязательнымъ предметамъ	5218 » 96 »
11) Переходящихъ суммъ	4262 » 67 »
12) Уплачено долговъ за предыдущій годъ	2723 » 08 »
Итого	142361 р. 73 к.

(Продолженіе будетъ).

II.

Содержаніе. Слово на 2-ю пассію (8 марта 1913 года). *Законоучителя Харьковской 2-й гимназіи, свящ. Г. Артинскаго.*—О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи. (Продолженіе). *Аргумента Аванасія.*—Епархіальная хроника.—Двадцатипятилѣтіе въ санѣ священника.—Некрологъ.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Пребываніе Патріарха Григорія IV въ С.-Петербургѣ.—Духовная академія въ Сибири.—Вторая пловучая церковь въ Россіи.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Сельскій пастырь и земледѣліе.—Библиографія.—Объявленія.

С Л О В О

на 2-ю пассію (8 марта 1913 года)

(Невѣріе іудеевъ и еовременное невѣріе въ
Господа Іисуса Христа)

У невѣрующихъ „осквернены
умъ и совѣсть“ (Тит. 1, 15).

Передъ нашимъ мысленнымъ взоромъ только что прошла въ евангельскомъ благовѣстіи исторія крестныхъ страданій Господа Іисуса Христа, учениками и послѣдователями Котораго мы съ вами, прав. христіане, имѣемъ счастье называться. Единственная, безпримѣрная, непостижимая въ своей свѣтоносной таинственности, необъятная и неиздываемая въ своемъ божественно-спасительномъ значеніи, искупительно міровая исторія!.. Читаешь-ли ее или только слушаешь,—всякій разъ душу „наполняетъ настроеніе, подобное тому, какое нѣкогда пережилъ боговидецъ пр. Моисей, во время явленія ему Господа Бога въ образѣ „неопалимой купины“—настроеніе священнаго трепета и благоговѣйной вѣры въ Отца Небеснаго, Который „такъ возлюбилъ міръ, что и Сына Своего Единороднаго далъ, да всякъ, вѣрующій въ Него не погибнетъ, но приметъ жизнь вѣчную“ (Іоан. III, 16). А съ другой стороны, чѣмъ пристальнѣе всматриваться черезъ даль вѣковъ въ божественный ликъ Голгоескаго Страдальца и нашего Сострадальца, чѣмъ глубже вдумываешься въ исторію Креста Христова, тѣмъ настойчивѣе стоитъ къ сознанію скорбно-недоумѣнный вопросъ, какъ люди, созданные по образу и по подобию Божію, не узнали Свой Первообразъ—Творца и Владыку вселенной и отвергли Его, при-

гвоздивши ко кресту; что помѣшало избранному народу Божию—еврейскому, среди котораго явился, жилъ и дѣйствовалъ Спаситель,—особенно вождямъ этого народа, что помѣшало въ Кроткомъ и Смирennomъ сердцемъ Учителѣ и Чудотворцѣ узнать Того, о Которомъ предсказывали всѣ ветхозавѣтные пророки, вѣрою въ Котораго жили лучшіе люди не только Израиля, но и языческаго міра. Въ комъ или въ чемъ таится причина невѣрія въ Обѣтованнаго Спасителя, отверженія „Вождельннаго всѣхъ народовъ и преданія Его на позорнѣйшую казнь распятія на крестѣ „посредѣ двою разбойникъ“? Въ Самомъ-ли Страдальцѣ, „Агнцѣ Божіемъ, заколенномъ прежде сложенія міра“, Пастырѣ Добромъ, Который душу Свою любовно и добровольно полагаетъ „за овцы Своя“, или въ настроеніи тѣхъ, среди которыхъ жилъ и училъ Христосъ Спаситель? Вѣруемъ и въ умиленіи исповѣдуемъ, что въ Крестѣ Христовомъ открылась великая тайна домостроительства спасенія человѣческаго, что „Богъ Сына Своего Единороднаго послалъ въ міръ, да живы будемъ Имъ...“ не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего въ искупленіе грѣховъ нашихъ“ (Іоан. IV; 9. 10).

Придите и видимъ-те, что сдѣлалъ для людей Сынъ Божій, чтобы всѣхъ привлечь къ Себѣ и никого не погубить. Люди погибали отъ тьмы и мрака лжи и заблужденія; и Господь принесъ имъ свѣтъ истины, открывши въ самомъ Своемъ вочеловѣченіи съ одной стороны безмѣрность любви Божіей, снисходящей до ипостаснаго единенія съ человѣческой природой, съ другой—высоту человѣческаго естества, предназначеннаго къ совершенству, подобному совершенству Отца Небеснаго. Люди, какъ овцы безъ пастыря, заблудились отъ пути своего; рассвѣялись и пошли вслѣдъ боговъ иныхъ—своихъ страстей, грѣховныхъ желаній и влеченій, и Господь Своимъ явленіемъ, ученіемъ и дѣлами указалъ свѣтоносный путь къ вѣчному спасенію. Люди погибали въ узахъ смерти, духовной и тѣлесной: ихъ погоподобная природа была какъ бы въ грѣховномъ оцѣпенѣніи и омертвѣніи; истина, добро, правда, любовь, если и были, то какъ чахлые ростки, едва пробивающіе толщу лжи, зла, неправды. И Господь сдѣлалъ все, „чтобы умертвить“

плоти нашея мудрованіе: оживилъ, возродилъ челоуѣка, Самъ сдѣлавшись для него неизсякаемымъ источникомъ жизни вѣчной. Самъ Кроткій и Смиранный, Онъ прикасался къ больной и страждущей душѣ челоуѣческой съ нѣжностью Всеблагаго Врача и Цѣлителя, такъ что, по-истинѣ, „трости надломленной не поломалъ и льна курящагося не угасилъ“. Онъ всѣхъ призывалъ: „покайтесь!“ и всѣмъ благоуствовалъ евангеліе Царства Божія, въ однихъ пробуждая вѣру, въ другихъ укрѣпляя ее; однихъ призывая ко спасенію милостію, знаменіями, чудесами, другихъ, какъ, напр., фарисеевъ, обличеніемъ ихъ неправды, растворявшимся однако безконечно-сострадательною любовью къ погибающимъ.

Уже вися на крестѣ, испытывая нечелоуѣческія страданія, Спаситель призывалъ на грѣшниковъ, на Своихъ распинателей и враговъ, благоутробіе милосердія Божія: „Отче! прости имъ, не вѣдятъ бо, что творять“. Даже въ предсмертной тугѣ Онъ отверзаетъ благоразумному разбойнику двери царствія небеснаго: „нынѣ же со Мною будеши въ раю“.

И въ то время, какъ всѣ „труждающіеся и обремененные“ идутъ ко Христу Спасителю, получая отъ Него каждый „по своей потребѣ“—больные всякими недугами—исцѣленіе и здоровье, алчущіе—хлѣбъ, жаждающіе—воду, скорбные—утѣшеніе, слѣпые—прозрѣніе, грѣшные—прощеніе, плѣненные діаволомъ—освобожденіе, сокрушенные—отраду,—другіе, наоборотъ, соблазняются, претыкаются и погибаютъ, въ невѣріи своемъ, въ Единороднаго Сына Божія. Погибаютъ фарисеи, книжники, саддукеи іудейскіе, эти „слѣпые вожди народа еврейскаго“; погибаютъ, и тѣ, кто вслѣдъ ихъ идетъ. Погибаютъ невѣріемъ „водители“, потому что осквернены были ихъ умъ и совѣсть; погибаютъ, потому что „осустились они въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное сердце ихъ“. Въ своемъ самомнѣніи и самообольщеніи вожди іудейскіе измѣряли внутреннее величіе челоуѣческаго „духа его“ внѣшнимъ обаяніемъ—знатностью происхожденія, видимымъ могуществомъ, силою и славою. Погрузившись въ изслѣдованіе и изученіе явленій земныхъ, они забыли о небесномъ; за видимымъ, доступнымъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ міромъ, перестали воспринимать и осязывать невидимое, вѣч-

ное. Поэтому преданія старцевъ стали для нихъ выше и дороже заповѣди Божіей; поэтому ѣсть неумытыми руками или творить дѣла милосердія и любви въ субботу значило въ ихъ глазахъ совершать болѣе тяжкій грѣхъ, чѣмъ нарушать заповѣдь о любви и почтеніи къ родителямъ. Оттого-то они не повѣрили въ Единороднаго Сына Божія: Онъ ѣлъ и пилъ съ мытарями и грѣшниками, чего, по ихъ умствованіямъ, не долженъ дѣлать Мессія; Онъ исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ во всякое время, съ любовію относился къ простому народу, который, въ глазахъ фарисеевъ, былъ невѣждою въ законѣ, достойнымъ проклятія, а не благословенія. Спаситель не былъ ученикомъ знаменитѣйшихъ учителей народа, и это опять соблазняло фарисеевъ. „Откуда у Него премудрость и сила? — спрашивали они. Не Онъ-ли плотниковъ сынъ? Не мать-ли Его называется Марія, и братья Его Іаковъ, и Іосій, и Симонъ, и Іуда? и сестры Его не всѣ-ли между нами суть? откуда же у Него все сіе“? (Матѣ. XIII, 54—57). Спаситель училъ и дѣйствовалъ въ простотѣ силы и въ явленіи Духа Божія; и это не вмѣщается въ гордый и надменный умъ „вождей народныхъ“. Исцѣленному Господомъ слѣпорожденному фарисеи кичливо говорятъ: „мы—Моисеевы ученики; мы знаемъ, что съ Моисеемъ глаголаше Богъ; сего же не знаемъ; откуда Онъ“. И когда исцѣленный въ смиреніи своего сердца и простотѣ своей вѣры исповѣдуетъ Сына Божія, фарисеи говорятъ ему: „во грѣхахъ ты родился весь; и ты-ли насъ учишь? И изгнали его вонъ“ (Іоан. IX, 28—35).

Итакъ, осуетившіяся умъ—вотъ первая причина невѣрія іудеевъ, и особенно фарисеевъ, въ Господа Іисуса Христа. Не тоже-ли мы видимъ и теперь? Невѣріе въ Спасителя, разливаясь широкимъ потокомъ, захватываетъ свою волною прежде всего тѣхъ изъ насъ, кто, увлеченный могучею силою знанія, въ самообольщеніи забываетъ о Первоисточникѣ всякаго знанія—Богѣ, кто въ самомъ христіанскомъ ученіи хочетъ видѣть не силу духа, не жизнь, а хитросплетенія ума человеческого, предназначеннаго будто-бы только для устренія земного, житейскаго благополучія. Отсюда и мнимая враждебность и отрицаніе наукъ религіи. Благословенно знаніе само по себѣ, но легкомысленное и поверхностное усвоеніе плодовъ знанія, дѣйствительно, надмѣваетъ и ки-

читать современнаго человѣка, который, не умѣя направить свой умъ, свои познанія „на дѣла благая“, съ озлобленіемъ отвращается отъ Истиннаго Бога и Единороднаго Сына Его и самъ себя творить, яко бога. Ослѣпленный успѣхами въ изслѣдованіи явленій малыхъ, ничтожныхъ, матеріальныхъ, видимыхъ, современный служитель образованія подпадаетъ власти гордости ума, оказываясь подобнымъ древне-іудейскимъ книжникамъ и фари́сеямъ. Но гордость не выносить подлѣ себя истиннаго величія, небесной красоты; поэтому какъ фари́сеи нѣкогда завидовали и ненавидѣли Христа Спасителя, такъ и нынѣ гордость ума является причиной, почему у подножія Креста Христова идетъ ожесточенная борьба невѣрія во Христа съ сердечной вѣрой въ Него.

А далѣе. Умственная гордость фари́сеевъ явилась источникомъ несмысленнаго сердца ихъ и всѣхъ тѣхъ, кто шелъ по стопамъ ихъ. Хотя сердце руководить и направляетъ всю человѣческую жизнь, но безъ свѣта истиннаго знанія оно и мрачно и темно и служитъ исходищемъ злыхъ помышленій, желаній, влеченій, рѣшеній и дѣлъ. Гдѣ сокровище наше, тамъ и сердце наше. Земное было сокровищемъ для ума фари́сеевъ и ихъ послѣдователей; это-то земное приковало къ себѣ и ихъ сердца и привело къ невѣрію во Христа Спасителя. Въ чемъ полагали свое счастье фари́сеи? Во внѣшнемъ почетѣ, во внѣшнемъ уваженіи, во внѣшнихъ удобствахъ жизни земной. Въ чемъ искали счастья руководимый фари́сеями народъ въ своемъ большинствѣ? Въ томъ, что ѣсть и что пить, или во что одѣться. Богъ вѣка сего—богатство, слава, матеріальныя блага, удовольствія, развлеченія—ослѣпилъ ихъ разумъ, чтобы не возсіялъ имъ свѣтъ благовѣствованія о славѣ Христа (срв. 2 Кор. IV, 4). Вотъ почему когда Спаситель насыщаетъ пять тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами, народъ идетъ за Нимъ, ищетъ Его, хочетъ провозгласить своимъ царемъ; не потому, что видѣли чудо, а потому, „что ѣли хлѣбъ и насытились“. Вотъ почему тотъ же народъ, который такъ восторженно привѣтствуетъ Господа, при торжественномъ входѣ Его въ Іерусалимъ, радостнымъ „осанна“!—разочарованный въ своихъ земныхъ ожиданіяхъ, роболѣпно слѣдуетъ потомъ за врагами Христа, и яростно требуетъ отъ Пилата: „распни, распни Его“! Вотъ почему Господь неоднократно отказы-

вается творить передъ народомъ знаменія и чудеса Свои— „за невѣрствіе ихъ и жестокосердіе“ и съ неизреченно-глубокою скорбію оплакиваетъ судьбу своихъ невѣрующихъ соотечественниковъ, обращаясь къ Іерусалиму съ такими словами: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! сколько разъ восхотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ собираетъ птица птенцовъ своихъ подъ крылья, и не восхотѣли! Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“! (Мѡ. XXIII, 37, 38).

Не такое-ли окаменѣніе, безчувствіе сердца, помраченіе совѣсти является и нынѣ второю причиною невѣрія во Христа Спасителя? Посмотрите кругомъ себя,—въ чемъ сокровище современнаго человѣка, общества? Не въ удовольствіяхъ-ли, не въ развлеченіяхъ-ли, отъ которыхъ весьма многіе не могутъ отказаться даже въ св. дни Великаго Поста? Не въ благахъ-ли міра сего, на пріобрѣтеніе и умноженіе которыхъ очень часто уходятъ и время, и силы, и способности, и здоровье, и даже нерѣдко самая жизнь? И еслибы среди насъ сталъ пророкъ, какъ нѣкогда среди народа еврейскаго пророкъ Исаія, не сказалъ-либы онъ и о насъ: „отолстѣло сердце людей сихъ, и ушами тяжело слышать, и очи свои смежили, да не узрятъ очима, и не услышатъ ушами, и сердцемъ не уразумѣютъ; и не обратятся, да исцѣлю ихъ“ (Исаія VI, 9—10)?...

Такъ, братья, исторія крестныхъ страдацій Спасителя, раскрывая передъ нами причины невѣрія во Христа Іисуса современниковъ Его, вмѣстѣ съ тѣмъ научаетъ насъ блюсти смиреніе ума и чистоту сердца, какъ главнѣйшія условія живой и спасительной вѣры въ Господа. „Не преклоняйтесь подъ чужое иго (гордости и нечистоты сердечной) съ невѣрными... Вѣдь вы—храмъ Бога живого: таковъ былъ голосъ Божій: „вселюся въ нихъ и повоюю въ нихъ, и буду имъ Богомъ, и они будутъ люди Мои. Тѣмъже изыдите отъ среды ихъ и отлучитесь, глаголетъ Господь, и нечистотѣ не прикасайтесь, и Я приму васъ, и буду вамъ во Отца, и вы будете Мнѣ въ сыны и дщери—глаголетъ Господь Вседержитель“ (2 Кор. VI, 14, 16—18). Аминь.

Законоучитель Харьковской 2-й гимназіи,

Священникъ Г. Артинскій.

О пользѣ монастырей вообще и въ частности о епархіально-филантропическихъ учрежденіяхъ при монастыряхъ Харьковской епархіи.

(Продолженіе *).

1.

Казанско-Высочиновскій мужской монастырь.

I. Церковно-монастырское училище.

1) Училище основано въ 1887 году, до 1909 года „школа грамоты“, съ 1909 года „церковно-монастырское училище“.

2) Въ 1909 году одинъ изъ монастырскихъ корпусовъ навсегда приспособленъ для училища.

3) Въ училищѣ 3 комнаты.

4) На устройство училища, ремонтъ и содержаніе его по сіе время израсходовано около 7000 рублей.

5) Длина зданія для училища 40¹/₂ аршинъ, ширина 18¹/₂ аршинъ.

6) Для законоучителя, учителя и помощника его имѣются квартиры, по одной комнатѣ каждому.

7) На классную мебель затрачено около 300 рублей.

8) Для училища выписывается журналъ „Народное Образование“.

9) Книгъ для чтенія состоитъ: для учащихся 27 №№, для учащихся 50 №№.

10) Законоучитель и учителя изъ монашествующихъ и жалованіе имъ не платится.

11) Законоучитель и учителя на полномъ монастырскомъ содержаніи.

12) Содержаніе училища стоитъ монастырю до 300 руб. ежегодно.

13—14) Попечителемъ и завѣдующимъ училищемъ состоитъ настоятель монастыря игумень Мовсей.

15) Зданіе училища застраховано въ 4000 руб.

16) До 1903 года о числѣ обучавшихся въ училищѣ учениковъ свѣдѣній не имѣется, съ 1903 года обучалось

*) См. Извѣстія и замѣтки ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1915 г.

493 ученика, съ 1898 года окончили курсъ ученія 76 учениковъ.

17) Въ 1912 году обучалось 54 ученика, окончили курсъ ученія 4 ученика.

II. Монастырская больница.

1) До 1909 года больница временно помѣщалась въ разныхъ монастырскихъ зданіяхъ, въ 1909 году для больницы выстроенъ специальный корпусъ, стоимостью въ 6000 руб.

2) На ремонтъ больничнаго зданія съ основанія его израсходовано около 800 руб.

3) Больница состоитъ изъ 10 комнатъ.

4) Имѣются два фельдшера изъ монашествующихъ лицъ, старшій пріобрѣлъ познанія подъ руководствомъ опытнаго фельдшера, частью и доктора, а также при помощи учебниковъ и долготѣтней практикой при монастырской больницѣ; помощникъ его получилъ образованіе на военной службѣ.

5) Имѣются помѣщенія: для аптеки, для двухъ фельдшеровъ, по 2 комнатѣ, каждому, кромѣ сего, комната для амбулаторныхъ больныхъ и покойницкая.

6) На инвентарь для больницы израсходовано монастыремъ: 8 кроватей, 8 матрацовъ, и проч. всего 151 руб.; весь инвентарь въ хорошемъ состояніи.

7) Въ аптекѣ лекарствъ и разныхъ медицинскихъ принадлежностей имѣется приблизительно на 1000 рублей.

8) Для пополненія своихъ знаній фельдшеромъ выписываются медицинскія книги, лечебники, журналъ „Будьте здоровы“ и проч.

9) Докторъ приглашается изрѣдка, за каждый пріѣздъ монастырь платитъ ему не менѣе 3-хъ рублей.

10) Амбулаторія для приходящихъ больныхъ при монастырѣ имѣется, число амбулаторныхъ больныхъ бываетъ до 4500 въ годъ.

11) Содержаніе больницы съ амбулаторіей стоитъ въ теченіе года до 600 руб., кромѣ платы врачу.

12) Зданіе больницы застраховано въ 4000 руб. Больницу въ Высочинскомъ монастырѣ вполне можно назвать благоустроенною.

Богадѣльни для бѣдныхъ изъ бѣлаго духовенства, а также дѣтскаго пріюта для сиротъ монастырь не имѣетъ

по скудости средствъ, но страннопріимная, въ теченіи круглаго года, переполнена бываетъ странниками и безпріютнымъ людомъ, которыхъ монастырь кормить и поить, часто одѣваетъ и обуваетъ.

5.

Спасовъ мужской монастырь.

I. Церковно-монастырское училище.

- 1) Основано 24 ноября 1906 года.
- 2) Постройка зданія для училища стала до 8000 руб.
- 3) Израсходовано по сіе время на ремонтъ училища и содержаніе его 1856 рублей.
- 4) Длина училища 15 ар., ширина 6 ар., вышина 4 ар. 12 вер.
- 5) Имѣются два учителя и для нихъ двѣ комнаты.
- 6) Классная мебель стоитъ 80 рублей.
- 7) Жалованье платитъ монастырь двумъ учителямъ въ годъ по 50 руб., законоучитель преподаетъ безвозмездно священникъ храма Христа Спасителя о. Филипповичъ.
- 8) Учитель изъ числа монашествующихъ получаетъ обѣдъ и ужинъ изъ монастырской трапезной.
- 9) Монастырю стоитъ содержаніе училища ежегодно до 300 руб.
- 10) Попечитель училища настоятель монастыря игуменъ Родіонъ.
- 11) Онъ же завѣдующій училищемъ.
- 12) Застрахованъ училищный домъ въ 2000 рублей.
- 13) Учениковъ обучалось въ училищѣ со дня открытія 455 человекъ и окончили курсъ ученія 43 человека.
- 14) Учениковъ обучалось въ 1912 году 79 человекъ и окончили курсъ ученія 43 человека.

II. Монастырская больница.

- 1) Монастырская больница находится въ одной постройкѣ 2-хъ этажнаго корпуса.
- 2) На ремонтъ израсходовано по сіе время 220 рублей.
- 3) Больница состоитъ изъ одной комнаты.
- 4) Имѣется фельдшеръ — послушникъ, получившій образованіе на военной службѣ; держалъ экзаменъ на фельдшера при лазаретѣ 57-го пѣхотнаго Могилевскаго полка.

- 5) Для помѣщенія фельдшера имѣется одна комната.
- 6) Израсходовано на инвентарь для 2-хъ кроватей, 2 матрацовъ и проч. 30 руб. Весь инвентарь новый.
- 7) Лекарствъ въ аптекѣ имѣется приблизительно на 120 рублей.
- 8) Приѣзжему доктору монастырь платитъ по приглашенію за визитъ 5 руб.
- 9) Имѣется при монастырѣ амбулаторія для приходящихъ больныхъ; въ теченіе года больныхъ бываетъ до 1700 человекъ.
- 10) Содержаніе больницы стоитъ съ амбулаторіей въ теченіе года до 300 руб.
- 11) Домъ, въ коемъ находится больница и аптека, застрахованъ въ 3000 рублей.

Богадѣльни для бѣдныхъ изъ бѣлаго духовенства не имѣется.

Дѣтскаго приюта, для сиротъ тоже.

Спасо-Преображенскій, Куряжскій монастырь.

Г. Церковно-монастырское училище.

- 1) Основано училище въ 1887 году.
- 2) Зданіе построено жертвователемъ, стоитъ 3500 руб.
- 3) Комнатъ въ училищѣ 5.
- 4) На ремонтъ училища, затратъ не производится.
- 5) Длина училища 20 ар., а ширина 13 аршинъ.
- 6) Квартира учителя состоитъ изъ 2-хъ комнатъ.
- 7) Классной мебели, при основаніи училища, приобрѣтено на 77 руб. 50 к.
- 8) Журналы для училища не выписываются.
- 9) Книгъ для чтенія имѣется 150 экз. разнаго наименованія.
- 10) Жалованіе законоучителю 30 руб. и учителю 360 руб.
- 11) Для учителя, отпускается объѣдъ изъ общей монастырской кухни.
- 12) Училище ежегодно оплачиваетъ монастырь и нанимаетъ прислугу, что обходится въ 65 руб. въ годъ.
- 13) Поденителя въ училищѣ не имѣется.

- 14) Зданіе застраховано въ „Русс. Страх. Обществѣ“.
- 16) Завѣдующимъ училищемъ состоитъ казначей монастыря.
- 15) О числѣ учившихся и окончившихъ курсъ со дня открытія училища свѣдѣній не имѣется.
- 17) Въ 1912 году обучалось 65 человекъ и окончило курсъ 7 человекъ.

7.

Свято-Троицкій женскій монастырь въ городѣ Богодуховѣ.**I. Церковно-монастырское училище.**

- 1) Училище основано въ 1907 году.
- 2) Комнатъ въ училищѣ три.
- 3) Израсходовано монастыремъ приблизительно по сіе время на ремонтъ и содержаніе училища 1200 рублей.
- 4) Длина зданія 19 аршинъ, ширина 15 аршинъ.
- 5) Книгъ для чтенія, кромѣ учебниковъ, 228 №№.
- 6) Затрачено монастыремъ на классную мебель 130 рубл.
- 7) Обѣдъ учительница получаетъ изъ общей монастырской трапезы.
- 8) На содержаніе училища по сіе время израсходовано до 1200 рублей.
- 9) Завѣдующій училищемъ монастырскій священникъ Гр. Пискуновъ.
- 10) Попечительницей училища состоитъ настоятельница монастыря.
- 11) Застраховано зданіе училища въ 1000 рублей.
- 12) Со дня открытія училища обучалось 904 ученицы.
- 13) Окончило курсъ ученія 26 ученицъ.
- 14) Въ 1912 году обучалось 68 ученицъ, а окончили курсъ 7 ученицъ.

Вообще Богодуховское церковно-монастырское училище можно отнести къ числу благоустроенныхъ училищъ, потому что покойная игуменія Херувима обращала особенное вниманіе на училище и во внутреннемъ и во вѣншемъ отношеніи, такъ что оно было переполнено ученицами, и приходилось отказывать родителямъ, которые со слезами просили принять ихъ дѣтей въ училище.

II. Монастырская больница.

- 1) Больница открыта въ 1907 году.
- 2) Зданіе больницы состоитъ изъ 5-ти комнатъ.
- 3) Одна комната для аптеки, 2 для сестеръ, назначенныхъ для ухаживанія за больными, и двѣ комнаты для больныхъ.

4) Фельдшерицы монастырь не имѣетъ, а при опасномъ заболѣваніи приглашается докторъ изъ г. Богодухова за счетъ монастыря.

5) Инвентарь для больницы состоитъ изъ 4 кроватей, 4 матрацовъ и проч., на что израсходовано приблиз. 40 р.

6) Зданіе больницы застраховано въ 500 рублей.

Больницу въ Богодуховскомъ монастырѣ вполнѣ можно отнести къ числу благоустроенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

III. Богадѣльня.

Въ богадѣльнѣ помѣщаются изъ крестьянскаго сословія 20 душъ и 3 души изъ духовнаго званія.

Дѣтскаго пріюта для сиротъ монастырь не имѣетъ, а проживаетъ много дѣвочекъ—сиротъ у монашекъ, своихъ родственницъ.

8.

Николаевскій женскій первоклассный монастырь.

I. Церковно-монастырское училище.

- 1) Постройка зданія стоила 2000 рублей.
- 2) Комнатъ въ училищѣ 4.
- 3) Израсходовано по сіе время на ремонтъ училища и содержаніе его 10000 рублей.
- 4) Длина зданія 18 аршинъ, ширина $12\frac{1}{2}$ арш., высота четыре аршина.
- 5) Квартира для учащихся имѣется и состоитъ изъ 2-хъ комнатъ.
- 6) Затрачено на классную мебель 200 рублей.
- 7) Выписывается журналъ—„Божія Нива“.
- 8) Книжка для чтенія 114, кромѣ учебниковъ.
- 9) Учащіе получаютъ жалованье казенное.
- 10) Учительницѣ отпускается обѣдъ монастырскій.
- 11) Содержаніе училища стоитъ монастырю ежегодно отъ 300 до 400 рублей.

12) Попечительницею состоитъ потомственная дворянка Надежда Михайловна Филонова.

13) Завѣдующей состоитъ настоятельница монастыря.

14) Застраховано зданіе училища въ 2000 рублей.

15) Со дня открытія школы обучалось 600 ученицъ и кончило курсъ 80 ученицъ.

16) Въ 1912 году обучалось 40 ученицъ и кончило курсъ 6 ученицъ.

II. Монастырская больница.

1) Постройка зданія стоила 20,000 рублей.

2) Израсходовано по сіе время на ремонтъ и содержаніе больницы до 15,000 рублей.

3) Комнатъ въ ней 12.

4) Фельдшерицы имѣются изъ числа сестеръ монастыря, образованіе получили при земской больницѣ.

5) Для аптеки имѣется 1 комната и для фельдшерицъ и ухаживающихъ за больными 2 комнаты.

6) Инвентарь больницы въ образцовомъ состояніи: кроватей 12, матрацовъ тоже и проч.

7) Лекарствъ имѣется, приблизительно, на 500 руб.

8) Знанія свои фельдшерицы пополняютъ выписываніемъ медицинскихъ книгъ.

9) Приѣзжему доктору платится въ годъ 100 руб.

10) Амбулаторія для проходящихъ больныхъ имѣется и таковыхъ въ теченіе года бываетъ до 300 чел.

11) Содержаніе больницы съ амбулаторіей въ годъ стоитъ до 1000 рублей.

12) Застраховано зданіе въ 9000 рублей.

При больницѣ имѣется хорошая больничная церковь, съ полными церковными принадлежностями.

Больница Николаевского монастыря снабжена всѣмъ, какъ должно, и содержится въ замѣчательной чистотѣ, словомъ эту больницу можно назвать образцовой во всѣхъ отношеніяхъ.

III. Богадѣльня для вдовъ и сиротъ изъ бѣлаго духовенства.

1) Зданіе построено въ 1908 году.

2) Постройка стоила 7762 рубля.

- 3) Израсходовано по сіе время на ремонтъ зданія 2000 руб.
- 4) Комнатъ въ богадѣльнѣ 14.
- 5) Открыта богадѣльня на 16 человѣкъ, въ настоящее время содержится 14 человѣкъ.
- 6) Завѣдующая богадѣльнею рясофорная послушница — Иеронима.
- 7) Услуживаютъ проживающимъ въ богадѣльнѣ двѣ сестры изъ монастыря, живутъ при богадѣльнѣ.
- 8) Содержаніе богадѣльни стоитъ въ годъ до 1000 руб..
- 9) Въ богадѣльнѣ имѣются: 16 кроватей, 16 матрацовъ, одѣяла и проч. Хозяйственная посуда имѣется въ новомъ видѣ на 16 человѣкъ.
- 10) Застраховано зданіе въ 6000 рублей.

Богадѣльня эта можетъ служить образцомъ для прочихъ богадѣленъ: стѣны всѣ чисто выбѣлены; полы, даже и въ корридорахъ, покрашены масляною краскою; въ каждой комнатѣ помѣщается не болѣе 2-хъ призрѣваемыхъ, а то и по-одной. Для каждой богадѣлки имѣется отдѣльная эмалированная посуда.

У каждой богадѣлки устроена отдѣльная кладовка и проч. Для дѣтскаго приюта помѣщенія отдѣльнаго не имѣется, въ настоящее время есть въ монастырѣ одна призрѣваемая дѣвочка, которая помѣщается у одной изъ сестеръ монастыря.

Хорошевскій Вознесенскій женскій монастырь.

I. Церковно-монастырское училище.

- 1) Училище помѣщается въ такъ называемомъ больничномъ зданіи.
- 2) Для училища отведено 2 комнаты, передняя и теплый корридоръ.
- 3) Монастыремъ приблизительно израсходовано по сіе время на ремонтъ училища и содержаніе его 1500 рублей.
- 4) Зданіе училища длиною 17 ар., а шириною $9\frac{1}{2}$ ар.
- 5) Квартира для учительницы имѣется и состоитъ изъ 2-хъ комнатъ.
- 6) Монастыремъ затрачено на классную мебель 60 руб.
- 7) Книгъ для чтенія, кромѣ учебниковъ, состоитъ 200 экземпляровъ.

8) Учительницѣ отпускается монастырская трапеза.

9) Содержаніе училища монастырю стоитъ около 250 руб. въ годъ.

10) Попечительницей училища состояла Евдокія Андреева Губенко, а въ настоящее время попечительницы нѣтъ.

11) Завѣдующей училищемъ состоитъ игуменія Максимиλλα.

12) Со дня открытія училища обучалось 124 ученицы, а полный курсъ окончило 49 дѣвочекъ.

13) Въ 1912 году обучалось 36 ученицъ, а окончило курсъ ученія 6 дѣвочекъ.

II. Монастырская больница.

1) Больница при монастырѣ открыта съ 1904 года.

2) Постройка зданія для больницы ничего монастырю не стоила, такъ какъ оно устроено благодѣтелемъ.

3) Больница состоитъ изъ 5 комнатъ, корридора, ванной, галлерей и кухни.

4) Аптека помѣщается при больницѣ; лица, ухаживающія за больными, занимаютъ при больницѣ: комнату, кухню и галлерейю.

5) Монастырь ничего не израсходовалъ на инвентарь для больницы, такъ какъ все сдѣлано благодѣтелемъ, который устроилъ больничное зданіе и все оно находится въ самомъ наилучшемъ видѣ.

6) Лекарствъ въ аптекѣ приблизительно имѣется рублей на 50.

7) Монастырь платитъ пріѣзжему фельдшеру 120 руб. въ годъ.

8) Въ больничномъ зданіи имѣется комната для амбулаторныхъ больныхъ, каковыхъ бываетъ приблизительно около 200 человекъ въ годъ.

9) Больничное зданіе застраховано въ 3500 руб. Означенная больница устроена и содержится въ образцовомъ порядкѣ.

III. Богадѣльня для бѣдныхъ изъ блага духовенства.

1) Отдѣльнаго зданія для богадѣльни не имѣется, а богадѣлки занимаютъ часть флигеля на рогатинномъ дворѣ.

2) Для богадѣлокъ отведены 2 комнаты, кладовая и галлерейка.

3) Богадѣльня открыта на 5 душъ духовнаго званія и въ настоящее время всѣ богадѣлки находятся на лицо.

4) Богадѣльней завѣдываетъ послушница Екатерина Диденко.

5) Богадѣлкамъ услуживаютъ 2 послушницы, которыя проживаютъ въ страннопріимномъ домѣ.

6) Содержаніе богадѣльни въ теченіе года монастырю стоитъ около 350 рублей.

7) Инвентарь въ богадѣльнѣ частью самихъ богадѣлокъ, а частью монастырскій и онъ находится въ хорошемъ видѣ.

Архимандритъ Аванасій.

(Окончаніе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Двадцати-пятилѣтіе въ санѣ священника.

10 февраля, съ благословенія Его Высокопреосвященства, жители с. Богородичнаго, Изюмскаго уѣз., и прилегающихъ хуторовъ молитвенно праздновали, вмѣстѣ со своимъ батюшкой о. Іоанномъ Федоровымъ двадцати-пятилѣтіе служенія его въ санѣ священника.

Торжество празднованія началось наканунѣ этого дня всеобщимъ бдѣніемъ, совершеннымъ соборно юбиляромъ въ сослуженіи съ сосѣдями своими іеромонахами Святогорскаго монастыря и священниками—товарищами, при громадномъ стеченіи народа. Церковь была празднично освѣщена, сіяя вся въ золотѣ; пѣлъ соединенный хоръ 3-хъ ц.—приходскихъ, школь и любителей (труды о. Іоанна) подъ управленіемъ учителя школы г. Ежова. Послѣ величанія св. Іоанну Предтечѣ—священникомъ М. Б. было сказано слово, которое произвело сильное впечатлѣніе на молящихся.

На утро 10-го числа въ 6 часовъ была отслужена утренняя, а въ 9 началась литургія. Народу было такъ много, что храмъ не могъ вмѣщать всѣхъ желающихъ помолиться. Послѣ причащаннаго стиха, тотъ-же священникъ сказалъ слово на Евангельскую притчу о блудномъ сынѣ.

По окончаніи литургіи, когда служащіе выходили на средину храма для совершенія молебна, къ солеѣ подошли прихожане и одинъ изъ нихъ Буднякъ сказалъ слѣдующее: «Достопочтеннѣйшій и уважаемый нашъ батюшка, о. Іоаннъ!

Мы узнали, что исполнилось 25 лѣтъ вашего служенія въ санѣ священника и не можемъ оставаться равнодушными въ сей великій и знаменательный въ жизни вашей день. Позвольте и намъ вмѣстѣ съ вами, дорогой нашъ пастырь, раздѣлить столь великую въ вашей жизни радость и выразить вамъ искреннюю благодарность за ваши неусыпные труды. Хотя вы въ нашемъ приходѣ священникомъ всего 7 лѣтъ, но что за это время вами сдѣлано?—Нашъ храмъ былъ обѣденъ, а теперь сіяетъ золотомъ, украшенъ новымъ иконостасомъ благодаря вашей заботливости; въ Банномъ красуется зданіе церк. школы, вами расширенное и оборудованное заново,—вы нашли для этого щедрыхъ жертвователей. Вашими заботами о продолжительномъ и благоговѣйномъ служеніи въ храмѣ вы достигли того, что при каждомъ служеніи храмъ нашъ полонъ молящихся, которые ещѣшатъ помолиться, послушать вашихъ ободряющихъ и укрѣпляющихъ насъ проповѣдей. Вы устроили прекрасный хоръ. Вы, нашъ дорогой батюшка, не оставляли насъ и въ обыденной жизни, оберегая и сохраняя насъ въ дни смутъ и неурядицъ въ 1905—6 годахъ, рискуя своею жизнію.

Мы, почитатели ваши, ваши прихожане, приносимъ вамъ глубокую благодарность.

Дай Богъ вамъ, незабвенный нашъ пастырь, о. Іоаннъ, трудиться на благо отечества и церкви святой, стоя у престола нашей церкви, еще на многая лѣта.

Съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства въ знакъ нашей любви къ вамъ и искренней преданности примите отъ насъ на память сей святой образъ.

Востроганный до слезъ о. Іоаннъ благодарилъ прихожанъ, призывая ихъ быть вѣрными церкви Христовой.

Послѣ этого сказано привѣтствіе временно-проживающимъ въ приходѣ г. Ключковымъ. Въ своей рѣчи, смѣлой и выразительной, онъ остановился на дѣятельности о. Іоанна въ смутные годы 1905—6, когда въ Богородичномъ среди прихожанъ появились разбойники-экспроприаторы.

Было сказано привѣтствіе отъ имени учащихъ помощ. законоучителя іеродіакономъ, Θεоктистомъ.

Послѣ этого къ солѣѣ подошла ученица 10 лѣтъ и отъ имени дѣтей всѣхъ школъ выразительно съ дѣтскою нѣжностію наизустъ сказала привѣтствіе съ пожеланіемъ своему дорогому батюшкѣ за его отеческія заботы о нихъ многая и многая лѣта.

По окончаніи служенія, о. Іоанномъ была предложена скромная трепеза.

М. Б.

НЕКРОЛОГЪ.

1913 г. 15 февраля скончался священникъ Покровской ц. слоб. Тимоновой, Старобѣльск. у., о. Стефанъ Стефановичъ Любицкій, на 61 году своего рожденія. Почившій былъ сынъ діакона сл. Павловки того же уѣзда; по окончаніи курса въ Харьков. Духов. Семинаріи 1873 г., сначала проходилъ должность учителя народнаго училища въ своемъ же родномъ селѣ и только въ 1877 г. 17 іюля рукоположенъ былъ во священника къ церкви сл. Золотого Колодезя, Изюмскаго уѣзда. Впрочемъ, здѣсь онъ служилъ недолго, такъ какъ 2 марта 1879 г., согласно прошенію, былъ перемѣщенъ въ сл. Тимонову, гдѣ и посвятилъ всѣ свои силы на нелегкое дѣло пастырскаго служенія. Строгій режимъ домашняго воспитанія, а затѣмъ и школьнаго образованія шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ наложилъ отпечатокъ на всю его дальнѣйшую жизнь и служебную дѣятельность. Почившій о. Стефанъ съ первыхъ же дней своего служенія церкви былъ чрезмѣрно строгъ въ выполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, особенно въ отношеніи церковнаго богослуженія и проповѣданія слова Божія. Не терпѣлъ онъ торопливости въ чтеніи и пѣніи при богослуженіяхъ, почему совершалъ ихъ всегда истово, съ благоговѣніемъ, безъ всякихъ сокращеній и отступленій отъ церковнаго устава, при умиленномъ пѣніи пѣвчихъ и непременно съ кононархомъ; кромѣ того, каждое богослуженіе обязательно сопровождалось назидательнымъ его словомъ. Вотъ почему нигдѣ такъ долго не совершались церковныя богослуженія, какъ въ Тимоновой, но за то и нигдѣ такого назиданія не получали молящіеся, какъ въ той же Тимоновой. Почившій о. Стефанъ, какъ говорится, всю свою душу вложилъ на дѣло проповѣди; это было его любимое дѣло; говорилъ онъ въ первые годы своего пастырскаго служенія сначала по тетрадкѣ, а потомъ у него выработался навыкъ говорить импровизаци. Обладаніе отъ природы даромъ слова и тщательная предварительная подготовка къ произнесенію проповѣди сдѣлали изъ него выдающагося проповѣдника, говорившаго не только враспорѣ-

чиво, но и со властію. Такъ говорить могъ только человекъ, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ, а почившій и былъ именно такимъ. Будучи строгъ и требователенъ къ другимъ, онъ прежде всего былъ таковымъ въ отношеніи къ самому себѣ. Требуя строгаго соблюденія св. постовъ, онъ самъ въ теченіи напр. 1-й седмицы Великаго поста не только воздерживался отъ вареной пищи, но даже не вкушалъ и постнаго масла. При такомъ воздержаніи въ пищѣ и въ то же время при такой ревностной исполнительности къ церковнымъ богослуженіямъ, какую онъ проявлялъ всегда, а Великимъ постомъ въ особенности, надо удивляться тому, — гдѣ у него бралось столько силы. Очевидно, при его убѣжденіи, что наша священнѣйшая обязанность — поступать *«достойно Бога, во всемъ угождая Ему, принося плодъ во всякомъ дѣлѣ благомъ»*... благодать Божія была ему споручницею въ этомъ св. дѣлѣ и онъ, при своихъ тѣлесныхъ немощахъ, не зналъ усталости въ теченіи всей своей 35 лѣтней пастырской дѣятельности. Послѣ церков. богослуженія и проповѣди главнымъ предметомъ вниманія и заботъ почившаго былъ его приходской храмъ, который поэтому находился всегда въ образцовомъ порядкѣ и благолѣпії. Последнее предпріятіе, которое онъ давно уже задумалъ и приглашалъ къ тому своихъ прихожанъ, было расширение приходскаго храма, на которое требовалось свыше одиннадцати тысячъ рублей. Несмотря на встрѣтившіяся большія затрудненія въ осуществленіи этого предпріятія, въ истекшемъ году на собранныя имъ средства (лично иепрошенныя и на церков. суммы) онъ вчернѣ закончилъ постройку новой колокольни и расширение самой церкви. Однако не судилъ ему Господь закончить это дѣло. Неожиданная смерть (въ янв. мѣсяцѣ 1912 г.) его старшаго сына — священника Сергія Любичкаго роковымъ образомъ повліяла на его физическія и душевныя силы: здоровье его сразу пошатнулось. Къ этой душевной его скорби присоединилась еще и простуда, которую онъ схватилъ при дальней поѣздкѣ на могилу своего сына, послѣ чего все его тѣлесныя недуги усиливались и развивались съ непостижимою быстротою, пока не послѣдовалъ роковой исходъ. Въ лицѣ о. Стефана округъ лишился лучшаго своего собрата, примѣрнѣйшаго пастыря церкви и образцоваго проповѣдника. Неудивительно, что почившій о. Стефанъ былъ выдающимся и далеко незауряднымъ пастыремъ церкви. Обладая отъ природы богатымъ умомъ и получивъ законченное богословское образованіе въ духовной семинаріи, онъ, вступивъ въ жизнь, не удовлетворялся однако тѣмъ запасомъ знаній,

какія дало ему это образованіе. На свои средства онъ выписывалъ много богословскихъ и др. серьезныхъ книгъ и журналовъ и путемъ постояннаго чтенія все больше и больше пополнялъ свое образованіе. Вотъ почему всѣ находили въ немъ не только занимательнаго и серьезнаго, но и мудраго собесѣдника, у котораго можно было поучиться многому. Трудно въ краткомъ описаніи обнять и раскрыть всѣ свѣтлыя и поучительныя черты почившаго о. Стефана. Прямота и правдивость въ словѣ и въ дѣлѣ, простота и скромность въ образѣ жизни, привѣтливость и обходительность въ обращеніи со всѣми— вотъ отличительныя черты характера почившаго. Какъ выдающійся пастырь церкви, онъ не могъ быть незамѣченнымъ Епархіальнымъ Начальствомъ и потому, кромѣ прямыхъ своихъ пастырскихъ обязанностей, онъ совмѣщалъ въ себѣ и др. почетныя должности, а именно: съ 1903 года былъ постояннымъ членомъ отдѣленія Епарх. Училищ. Совѣта, съ 1882 г.—блюстителемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ школахъ и съ 1880 года—катехизаторомъ. За усердное прохожденіе должности катехизатора въ теченіе 32-хъ лѣтъ и «за искусно составляемыя имъ катехизич. проповѣди» онъ неоднократно получалъ благодарности отъ Епархіальнаго Начальства. За свою ревностную службу онъ, по представленію Епархіальнаго Начальства, удостоенъ былъ награжденія всеми знаками отличія включительно до ордена Св. Анны 3-й степ. и серебро-позлащеннаго наперснаго креста.

Въ семействѣ почившаго остались: жена его Вѣра Георгіевна и три сына: Леонидъ—состоящій врачомъ въ Екатеринославской губерніи, Евгенийъ—студентъ Харьков. духовной семинаріи, теперь занявшій мѣсто своего отца, и Владиміръ—воспитанникъ 1 кл. Купянскаго духов. училища. Кромѣ того, въ домѣ почившаго живетъ невѣстка его, вдова священ. (сына его Сергія) съ 6 малолѣтними дѣтьми. Погребеніе совершено кромѣ того, въ домѣ свѣ заупокойной литургіи мѣстнымъ благочин. (сына его Сергія) Михайломъ Согинымъ, въ сослуженіи одиннадцати было 18 февр. 5-го діаконовъ, при участіи мѣстнаго же прекраснаго хора пѣвчихъ. Торжественное и умиленное отпѣваніе священническаго погребенія продолжалось 4 1/2 часа; при чемъ сказано было благочиннымъ и еще четырьмя священниками (о. С. Петровымъ, о. В. Масловымъ, о. М. Граковымъ и о. С. Свищевымъ) надгробныя рѣчи, охарактеризовавшія почившаго о. Стефана какъ ревностнаго и добраго пастыря церкви, примѣрнаго семьянина и уважаемаго собрата и сослуживца.

Миръ праху твоему добрый и примѣрный пастырь! Глубоко вѣримъ, что Господь встрѣтитъ твое пришествіе въ загробный міръ словами: «Рабе благій и вѣрный! о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа Твоего».

Благочинный, священникъ М. Согоинъ.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Пребываніе Патріарха Григорія IV въ С.-Петербургѣ.

Прибытіе патріарха антиохійскаго Григорія IV въ Россію въ столь знаменательный историческій моментъ, какъ юбилейное празднованіе 300-лѣтія царственной династіи Дома Романовыхъ,—безспорно представляется событіемъ большой важности. Оно приковываетъ къ себѣ общее вниманіе церковной Россіи и особливо подчеркивается синодальными іераршими сферами, отнесшимися, какъ къ пріѣзду патріарха, такъ и къ самой его личности, весьма обаятельной, съ истинно-братскимъ благорасположеніемъ и высокимъ почитаніемъ.

Дабы всенародно почтить высокій церковный санъ патріаршій, котораго православная Россія лишена въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій, нѣкоторые изъ русскихъ іерарховъ,—какъ напр., архіеп. Антоній волынскій, Агапий екатеринославскій и др., совершаютъ при свиданіи съ патріархомъ «землетаніе» и цѣлованіе руки.

Съ перваго же дня своего пребыванія въ столицѣ его блаженство поддерживаетъ самое живое и чисто братское общеніе со всѣмъ освященнымъ соборомъ російской Церкви, начиная съ первенствующаго члена нашего (Св. Синода) владыки митрополита Владиміра.

Ежедневно патріархъ со всѣми проживающими въ столицѣ нашими святителями и старѣйшими представителями чернаго и бѣлаго духовенства, при непремѣнномъ участіи г. Оберъ-Прокурора В. К. Саблера и старшихъ чиновъ вѣдомства, посѣщаетъ тѣ или другія церковно-юбилейныя собранія по случаю празднованія 300-лѣтія Дома Романовыхъ. Вездѣ патріархъ отвлекался своимъ всегда находчивымъ и краснорѣчивымъ, полнымъ искренности, словомъ.

Кромѣ того, въ честь патріарха въ дни юбилейныхъ торжествъ даны были двѣ праздничныхъ трапезы. Одна трапеза дана была 22 февраля высокопреосвященнымъ митрополитомъ Владиміромъ въ его лаврскихъ покояхъ, другая 23 февраля—В. К. Саблеромъ въ оберъ-прокурорскомъ домѣ.

28 февраля въ 12^{1/2} час. дня его блаженство Григорій IV-й, патр. антиохійскій, вмѣстѣ съ Димитріемъ, митр. сербскимъ, и Александромъ, митр. триполитанскимъ, и кн. Шаховскимъ посѣтилъ Духовную Академію. Преосвящ. ректоръ Академіи Георгій, еп. ябургскій, привѣтствовалъ высокаго гостя краткою рѣчью (на греческомъ языкѣ). Послѣ многолѣтній патр. Григорій IV обратился къ собравшимся съ рѣчью и сказалъ приблизительно слѣдующее: «находясь въ этомъ ученномъ учрежденіи, сознаю свою слабость по сравненію съ тѣми, кто поставленъ здѣсь говорить. Такъ какъ я пріѣхалъ изъ далекой страны, гдѣ восходитъ солнце естественное и гдѣ возшло солнце жизни-Христосъ, то позвольте мнѣ сказать о лучахъ солнца духовнаго. Ваше учебное заведеніе въ данномъ случаѣ является солнцемъ, которое свѣтитъ на Россію. Если бы вашу Академію перенести изъ Петербурга въ Дамаскъ, то у жителей этого города ослѣпли бы глаза отъ блеска этой школы. Вы усердно трудитесь на своемъ поприщѣ... Одно дѣло трудиться у васъ, иное—у насъ, но здѣсь и тамъ трудъ заслуживаетъ похвалы. Не забывайте только, что для успѣха дѣла необходимо соединять науку съ добродѣтелью, такъ какъ учащійся, въ сердцѣ котораго нѣтъ добродѣтели, можетъ повредить и себѣ и другимъ. Вспоминайте жизнь своихъ наставниковъ, чтобы у нихъ брать добрый примѣръ. Изъ вашей школы вышло много славныхъ учителей, которые трудились не только въ Россіи, но и у насъ въ Антиохіи. Такъ напр. поступилъ Герасимъ Яредъ. Пусть же прочіе скрѣпляются связи церкви Русской съ Антиохійской, которыя никогда не прерывались. Будемъ благодарить Господа Иисуса Христа молитвами свв. ап. Петра и Павла».

Послѣ этого патріархъ прошелъ въ актовъ залъ. Здѣсь проф. по кафедрѣ греко-восточной церкви И. И. Соколовъ сказалъ рѣчь по гречески.

Разстроганный вниманіемъ окружающихъ, патріархъ снова обратился къ студентамъ и сказалъ: «Я имѣлъ честь познакомиться съ ректоромъ и двумя профессорами. Какъ я радъ, что преосвящ. ректоръ имѣетъ такихъ студентовъ, а студенты—такихъ наставниковъ. Теперь я нахожусь въ положеніи человека, который вышелъ на смотръ войскамъ. И вотъ я вижу, какъ здѣсь люди приготавливаютъ себя на борьбу съ невѣжествомъ. Великое это дѣло. Пусть процвѣтаетъ наука. Но нужно хранить миръ, ибо Богъ нашъ есть Богъ мира и любви».

Вслѣдъ за этимъ студентъ г. Ярушевичъ сказалъ его блаженству: «Не нахожу словъ для выраженія тѣхъ чувствъ, которыя мнѣ

студенты, переживаемъ, видя у себя наследника престола апостоловъ Петра и Павла. Изъ вашихъ устъ мы приняли добрый завѣтъ, который постараемся хранить вѣчно». При словахъ: «въ лицѣ этого юноши цѣлую всѣхъ студентовъ» патріархъ облобызалъ г. Ярушевича.

При посѣщеніи музея Спб. Дух. Академіи патріархъ сдѣлалъ слѣдующую надпись въ журналѣ.

«Находясь въ сиб. дух. академіи, мы вспоминаемъ слова Спасителя, Первоучителя нашего, Ему же слава. Благодаримъ за это посѣщеніе и молимся объ успокоеніи основателей, о помощи студентамъ, о силѣ ректору и профессорамъ, чтобы академія осталась мѣстомъ просвѣщенія и добродѣтели навсегда. Благодарю Спасителя нашего Иисуса Христа.

Написалъ собственоручно патріархъ Антиохіи и всего востока Григорій IV» (К.).

Духовная академія въ Сибири.

Года три тому назадъ тогдашній архіепископъ Томскій Макарій, нынѣ Московскій митрополитъ, много хлопоталъ объ открытіи въ Сибири духовной академіи, приуроченной для церковныхъ нуждъ мѣстнаго края.

Владыка сумѣлъ въ этомъ дѣлѣ заинтересовать Томскую городскую думу, которая обѣщала отвести землю и, кромѣ того, оказать денежную поддержку. Но дѣло какъ-то затормозилось и заглохло.

Нынѣ Высокопреосвященный Макарій, пользуясь своимъ вліяніемъ члена Св. Синода, вновь выдвинулъ этотъ важный для Сибири вопросъ.

Хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ въ непродолжительномъ времени представитъ Синоду докладъ, въ которомъ, навѣр передаютъ газеты, будетъ указано на неимѣніе вѣдомствомъ средствъ для открытія новой высшей богословской школы. Предполагаютъ, что Св. Синодъ войдетъ въ Государственную Думу съ проектомъ объ отпускѣ суммъ на новую академію изъ средствъ государственнаго казначейства.

Вторая пловучая церковь въ Россіи.

Съ весны настоящаго года появится въ Россіи другая пловучая церковь, въ цѣляхъ проповѣди трезвости, гдѣ кромѣ храма съ алтаремъ будетъ устроенъ на ней трезвый залъ-читальня со столами, на которыхъ будутъ разложены противоалкогольныя газеты, журналы, книги и брошюры, а по стѣнамъ будутъ висѣть карты съ показаніемъ желудка у людей, умеренно употребляющихъ алкоголь, у пьяницъ и совершенно трезвыхъ. Сооружаетъ пловучую церковь (вторую),

по примѣру первой въ Россіи астраханской пловучей церкви, въ Петербургѣ Александро-Невское общество трезвости, которому для этой цѣли, съ соизволенія Государя Императора Николая Александровича, передана морскимъ министерствомъ бывшая Императорская яхта «Марево». Обслуживать она будетъ населенныя мѣста по Невѣ рѣкѣ, и спустившись внизъ черезъ Ладожское озеро, посѣтитъ и другія мѣста во внутреннихъ водахъ Россіи. Прибывъ на мѣсто, пловучая церковь останавливается, на ней совершается божественная служба, за которой опытнымъ проповѣдникомъ говорится поученіе противъ пьянства и его пагубныхъ послѣдствій. По окончаніи богослуженія, раздаются народу листки и брошюры, а желающіе приглашаются въ противоалкогольный залъ, гдѣ они могутъ читать газеты, журналы, книги и обозрѣвать по картамъ состояніе желудка. Средствъ для оборудованія церкви и на ея содержаніе имѣется въ достаточномъ количествѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Сельскій пастырь и земледѣліе.

Весна. Пробуждается природа отъ зимняго сна, и взоры сельскаго хозяина обращаются въ полямъ, на которыя онъ скоро долженъ выйти для работы на все весеннее и лѣтнее время. Въ былую пору на эти поля вмѣстѣ съ крестьяниномъ выходилъ и приходскій священникъ, и здѣсь пастырь и пасомые сливались въ одну семью труда, заботъ и общихъ молитвъ Господу о помощи въ работахъ, объ урожаѣ и благопріятной погодѣ. Во время отдыха отъ трудовъ на этихъ же поляхъ пастырь и пасомые вели бесѣды, и не только о житейскихъ дѣлахъ, но и о дѣлахъ Божіихъ въ мірѣ и жизни людей, и простая рѣчь пастыря отъ слова Божія проникала въ добѣрчивыя души прихожанъ и производила тамъ свое доброе дѣйствіе. Такъ было въ старину. Теперь не то. Теперь есть пастыри, которые *стыдятся* такого труда, *или* если и трудятся, то втихомолку, чтобы не видѣли прихожане. Нѣкоторые даже *презираютъ* трудъ, какъ нѣчто несомвѣстимое съ духовнымъ дѣланіемъ и неприличное священнику, какъ духовному дѣятелю. Но такой взглядъ на тѣлесный трудъ есть не церковный взглядъ, не христіанскій взглядъ. Онъ не оправдывается ни св. Писаніемъ, ни писаніями св. отецъ, ни древней церковно-общественной практикой. Напротивъ, во въ указанные источ-

ники устанавливають совершенно противоположный взглядъ на тѣлесный трудъ. Онъ признается дѣломъ чистымъ, высокимъ, въ высшей степени приличнымъ человѣку вообще и пастырю въ особенности, даже необходимымъ для него.

Прежде всего, тѣлесный трудъ, по христіанскому ученію, есть *божественное установленіе*. «Богу, сотворившему человѣка,—говоритъ св. Василій Великій,—конечно, угодно было, чтобы человѣкъ не оставался празднымъ и неподвижнымъ, а напротивъ, высказывалъ дѣятельность, въ чемъ должно. И въ раю повелѣлъ Онъ Адаму *дѣлати и хранити* его» (Быт. 1. 15). «По изгнаніи же изъ рая, ему опредѣлено въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ. А сказанное Адаму сказано и всѣмъ родившимся отъ него... Посему не должно поступать вопреки естеству и уставамъ, положеннымъ Богомъ, но сохранять тѣло дѣятельнымъ». Итакъ, трудиться физически—значитъ выполнять заповѣдь Божию. Такъ смотрѣли на тѣлесный трудъ ветхозавѣтные праведники. Они мирно и неустанно трудились своими руками, принося въ даръ Богу начатки отъ плодовъ труда. Въ св. Писаніи Ветхаго Завѣта нѣтъ ни одного намека на низость физическаго труда. По возрѣніямъ ветхозавѣтнаго человѣка, лицо, занимающееся простой «черной» работой, было ничуть не ниже человѣка такъ-называемой чистой профессіи. Пастухи и земледѣльцы Гедеонъ, Саулъ, Давидъ были избираемы въ судіи и цари; простые люди, пророки, становились духовными вождями народа. Самъ Господь избиралъ выразителями и провозвѣстниками Своей воли простыхъ людей, занимавшихся физическимъ трудомъ.

Новый Завѣтъ создалъ еще высшее представленіе о физическомъ трудѣ. Христіанство, по выраженію м. Филарета, «предписываетъ намъ трудъ не столько, въ качествѣ наказанія Божія, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, сколько въ видѣ служенія Богу. *Во всемъ,—*говоритъ Апостоль,—*представляюще себе, якоже Божія слуш, и, между прочимъ, въ трудѣхъ*». Самъ Иисусъ Христосъ благословилъ трудъ и труженниковъ, благоволивъ родиться отъ труженицы Маріи, обрученной плотнику Іосифу изъ Назарета, избравъ Своими апостолами простыхъ галилейскихъ рыбаковъ, проповѣдуя, по преимуществу, простымъ палестинскимъ труженникамъ. Наконецъ, что, важнѣе всего, Онъ освятилъ тѣлесный трудъ Своимъ собственнымъ примѣромъ. «Какъ многочисленны Его тѣлесные труды!»—воскликаетъ св. Василій Великій: «въ нихъ всего болѣе служитъ Онъ намъ примѣромъ. Въ первомъ возрастѣ, повинуюсь родителямъ, кротко и покорно переносилъ Онъ съ ними всякій трудъ тѣлесный. Съ продолженіемъ вре-

мени, избравъ уже учениковъ, не отъ другихъ потребовалъ Онъ Себѣ служенія, лежа въ одномъ углу и нѣжа тѣло Свое, но то путешествуетъ, и всегда пѣшій, то умываетъ ноги ученикамъ». Эта трудовая жизнь Основателя христіанства оставлена намъ не только для изученія, но и для возможно точнаго подражанія: «Для человѣка великое дѣло быть подражателемъ Богу и чрезъ сіи (такъ-называемыя) низкія работы возводиму быть на высоту подражанія» (Вас. Вел., твор. ч. V). Такимъ образомъ нашъ трудъ земледѣльца, скотовода, ремесленника возведенъ на небывалую высоту, на высоту *богоподражанія*. Можетъ ли быть теперь рѣчь о изменности тѣлеснаго труда? «Кто назоветъ низкимъ то, къ чему Самъ Богъ прикасался Своєю дѣятельностью?» (тамъ же). Правъ ли служитель Бога, стыдясь того, чего не стыдился Богъ, презирая то, что почиталъ Богъ?

Тотъ же возвышенный взглядъ на тѣлесный трудъ проникаетъ и ученіе и жизнь св. апостоловъ, совершенныхъ подражателей Христу во всемъ. «Кто краде, больше не кради,—внушаетъ ап. Павелъ,—а лучше трудись, дѣлая своими руками, чтобы было удѣлить нуждающемуся (Еф. 4, 28). Умоляемъ васъ, братіе, жить тихо, дѣлать свое дѣло и работать своими собственными руками (1 Сол. 4, 11). Просимъ васъ, братіе, уважать трудящихся у васъ (1 Сол. 5, 12). Утѣщаемъ, работая въ безмолвіи, нѣсть свой жлъбъ». Таково апостольское ученіе о трудѣ. Трудящійся не только достоинъ пропитанія, но и уваженія. Внушая вѣрующимъ такой высокій взглядъ на тѣлесный трудъ, апостолы и сами занимались самымъ простымъ, самымъ «чернымъ» трудомъ: «одни изъ нихъ рыболовы, другіе свинопорцы, иные земледѣльцы, чтобы никогда не быть праздными» (Ап. Пост., кн. 2, гл. 64). Ап. Іоаннъ, любимѣйшій ученикъ Христовъ, богословъ и тайновидецъ, былъ рыбакомъ; тѣмъ же трудомъ занимался и братъ его Іаковъ, Симонъ Петръ. Самъ Павелъ, который большое имѣлъ право не трудиться физически, такъ какъ, больной и слабый отъ природы, обошелъ полмира съ проповѣдью Евангелія, — самъ Павелъ дѣлалъ солдатскія палатки и шитался на вырученныя деньги, чтобы не отяготить кого-либо изъ вѣрующихъ (2 Кор. 12, 14—15). Какой богатый урокъ пастырямъ Церкви!

Ближайшіе ученики апостоловъ, пастыри-проповѣдники первыхъ вѣковъ христіанства, также не чуждались тѣлесныхъ трудовъ. Были изъ нихъ такіе, которые, вступивъ на пастырское служеніе, продолжали быть такими же земледѣльцами, ремесленниками, какъ и прежде. Языческій писатель Цельсъ ставитъ въ упрекъ христіанству то обстоятельство, что его проповѣдниками являются: «сапожники, кожев-

никъ, угольщикъ, люди грубые и невѣжественные». Исторія сохранила имена пресвитеровъ первенствующей Церкви: Фирма—торговца, Севера—суконщика, Александра—угольщика, Θεодора—рѣзчика на металлахъ, Анастасія—земледѣльца, епископа Маюмскаго Зенона—ткача. Тогдашнее церковное законодательство смотрѣло на такія занятія клира благосклонно. Санкціонируя и рекомендуя физическій трудъ для вѣрующихъ вообще, Церковь не дѣлала исключенія и для клириковъ. Запрещеніе же клирикамъ нѣкоторыхъ видовъ труда (корчемство, ростовщичество, палачество, торговля) основывалось на томъ, что нѣкоторые изъ нихъ были вредны для общества и личной нравственности клирика, нѣкоторые же (торговля) отвлекала служителей Церкви отъ прямого дѣла. Трудъ же пропитанія, а тѣмъ болѣе для помощи бѣднымъ, прямо предписывается клирикамъ (Ап. Пост., кн. 2 гл. 64). Общій взглядъ первой Церкви на физическій трудъ, какъ мы уже замѣтили, былъ, въ сущности, взглядомъ ап. Павла. Апостольскія постановленія рекомендуютъ его вѣрующимъ въ необыкновенно яркихъ и сильныхъ выраженіяхъ: «Трудитесь непрестанно, ибо порокъ празднаго неизлечимъ. Кто не трудится, тотъ да не ѣсть. Праздныхъ ненавидитъ Господь Богъ нашъ. Кто принимаетъ помощь отъ Церкви *по праздности*, тотъ понесетъ отъ Бога наказаніе, ибо похитилъ кусокъ бѣдныхъ» (тамъ же). «Заботьтесь о томъ»,—говоритъ другой каноническій источникъ того времени,—«чтобы христіанинъ не жилъ среди васъ празднымъ. Если же онъ не желаетъ поступать такъ, то онъ *христопродавецъ*» (Уч. двѣн. апостоловъ, пер. Соловьева, стр. 57). Такой же взглядъ на физическій трудъ и на физическую праздность проводится и въ твореніяхъ св. отецъ. Мы уже познакомились съ воззрѣніемъ на трудъ св. Василія Великаго: «тѣлесный трудъ есть дѣло прекрасное и законное» (Твор. ч. V),—вотъ его общее положеніе. «Кто живетъ правдою»,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—«тотъ дѣлаетъ брашно гиблющее. Напротивъ, если кто, трудясь, питаетъ, напояетъ и одѣваетъ Христа, то... за это обѣщано будущее царство» (Бес. на Ев. отъ Іоанна ч. 2). Здѣсь кстати будетъ упомянуть о поводахъ, вызвавшихъ цитируемыя рѣчи св. Іоанна Златоуста. Святитель въ своихъ рѣчахъ полемизировалъ съ однимъ лжеученіемъ, такъ называемымъ мессалианъ, отголоски котораго, къ сожалѣнію, встрѣчаются и въ настоящее время и особенно въ приложеніи въ пастырству; по этому лжеученію, христіанинъ не долженъ заниматься тѣлеснымъ трудомъ, потому что призванъ дѣлать «не брашно гиблющее, но пребывающее въ животъ вѣчный» (Іоан. 6, 27), жить не заботясь о завтрашнемъ днѣ. И теперь находятся люди, даже среди

пастырей, которые находятъ тѣлесный трудъ неприличнымъ служителю Божию по тѣмъ же основаніямъ. Если простымъ христіанамъ, говорятъ они, предписано не заботиться о земномъ, то тѣмъ болѣе пастырямъ Церкви: они суть дѣятели духовные, они призваны воздѣлывать не землю, но души человѣческія, обрабатывать не физическіе продукты, но сердца человѣческія. Люди, говорящіе такъ, не поняли Христовой заповѣди. Они, по выраженію св. Златоуста, «порочать христіанство, подвергаютъ его осмѣянію за праздность, христіанствомъ будто бы поощряемую»¹⁾. «Попеченіе и трудъ—не одно и тоже. Слова Спасителя относятся не къ труду и занятію дѣломъ, а къ тому, что надобно знать время для труда, и времени опредѣленнаго на слушаніе не употреблять на дѣла плотскія. Жить въ праздности и есть брашно гнблющее, ибо всякому злу научила праздность» (Бес. на Ев. Іоани. ч. 2) «Жеучители», — говоритъ св. Елифаній, — «не поняли повелѣнія Христа объ отреченіи отъ міра, о послѣдованіи Христу, о взятіи креста, о томъ, чтобы не быть лѣнивымъ, или празднымъ, не уподобляться пчелиному трутню, а чтобы, напротивъ, дѣлать все своими руками, какъ и св. ап. Павелъ» (Твор. 7, V). Физическое недѣланіе уже потому не можетъ быть христіанскою добродѣтелью, что оно внушается презрѣніемъ къ человѣческому тѣлу, къ его способностямъ, къ его силѣ и красотѣ. А такое презрѣніе есть оскорбленіе христіанства, основателемъ котораго былъ Богъ, принявшій *человѣческую плоть*. Живя во плоти, Онъ далъ намъ образецъ тѣлесной дѣятельности такъ же, какъ далъ и образецъ духовной жизни, и мы, Его послѣдователи, должны подражать Ему. Но развѣ Онъ предавался праздности? Развѣ не сплошной трудъ вся тѣлесная жизнь Его съ дѣтства и до той минуты, когда, избитый и ослепленный, вѣсь Онъ на плечахъ Своихъ позорное орудіе казни? Итакъ, — «поелмгу: *человѣкъ двоякъ, и упражненіе въ добродѣтели должно быть двоякое, состоящее въ тѣлесныхъ трудахъ и душевныхъ подвигахъ*» (Вас. Вел., Твор. ч. V). Если же всякій христіанинъ *долженъ трудиться тѣлесно, то почему же не долженъ трудиться* пастырь Церкви, который, по идеѣ, является образомъ Христа, т. е. *образомъ всякой христіанской дѣятельности*, не только душевной, но и тѣлесной? Если пастырь обрабатываетъ землю такъ, какъ подобаетъ христіанину, т. е. честно, добросовѣстно, съ молитвою и благоговѣніемъ, и питаетъ этимъ себя и бѣдныхъ, то его жизнь, во всякомъ случаѣ, будетъ нравственнѣе жизни того, кто, вооружившись

¹⁾ Въ брошюркахъ пресловутаго «воинствующаго» социализма мы видимъ примѣръ такого осмѣянія.

христіанскимъ, будто бы, презрѣніемъ къ труду, живетъ праздно, обременяя другихъ. Примѣромъ для пастыря въ данномъ случаѣ могутъ служить христіанскіе подвижники, люди въ совершенствѣ выполнившіе Христову заповѣдь объ отреченіи отъ міра. Они оставляли ради Христа все: отца и мать, жену и дѣтей, богатство и власть, но не оставляли тѣлеснаго труда, потому что никто изъ нихъ не считалъ праздною отреченіемъ отъ міра. «Божественная душа ихъ возжелѣваетъ богатства небеснаго, котораго они достигаютъ хваленіемъ и славословіемъ, великими подвигами и добровольнымъ отъліаніемъ своими руками» (св. Епиф., Твор. ч. V). «Рабы Божіи»,—говоритъ св. Епифаній о египетскихъ подвижникахъ,—«поистинѣ основанные на твердомъ камнѣ истины, собственными руками дѣлаютъ самоалѣйшія дѣла свои сообразно съ умѣніемъ каждаго, дабы не быть въ нуждѣ и не дать нечестивому повода говорить, что люди, не разжившіеся на счетъ бѣдныхъ, не имѣютъ недостатка въ хлѣбѣ, между тѣмъ, какъ другіе, будучи не въ состояніи отъ праведныхъ трудовъ достать ежедневное пропитаніе, вынуждены прибѣгать къ трапезѣ богатыхъ» (тамъ же). Примѣрами трудолюбія святыхъ полны наши житія. Почти о каждомъ подвижникѣ говорится, что онъ оставилъ міръ и проводилъ время въ *трудѣ*, постѣ и молитвѣ. Часто самое имя святого живетъ въ народномъ представленіи вмѣстѣ съ названіемъ того труда, которымъ онъ занимался при жизни. Таково имя св. Трифона, который пасъ гусей, св. Спиридона, державшаго овчарню, Конона—градаря (огородника). Такимъ образомъ, вопросъ о приличіи пастырю Церкви тѣлеснаго труда рѣшается въ источникахъ христіанскаго нравоученія совершенно опредѣленно: тѣлесный трудъ не только дозволяется, но и вмѣняется въ обязанность пастырю Церкви, какъ христіанину и какъ руководителю христіанъ. Теперь посмотримъ, какъ рѣшается вопросъ о тѣлесномъ трудѣ самая жизнь современнаго пастырства.

«Вы—соль земли, вы—свѣтъ міру. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы» (Мф. 5, 13). Такъ опредѣлялъ Христосъ значеніе пастырства во всѣ времена и во всякомъ обществѣ. Жизнь ихъ должна быть примѣромъ христіанской жизни,—такъ, чтобы всякій вѣрующій, наблюдая се, наглядно учился жить по-христіански. Таковъ голосъ Христа. И никогда, кажется, Его голосъ не совпадалъ такъ съ голосомъ [самой жизни, какъ въ настоящее время. Литература послѣднихъ лѣтъ отмѣтила въ нашемъ обществѣ какое-то необычайно духовное смятеніе; люди мечутся изъ стороны въ сторону въ тревожныхъ поискахъ руководительнаго начала жизни, оправданія и освѣ-

щенія жизни, или, говоря современнымъ языкомъ, въ поискахъ Бога. Но большинство общества бессильно само по себѣ найти Бога, потому что не подготовлено къ такому исканію: религіозное пробужденіе застало ихъ врасплохъ. И вотъ духовное движеніе послѣднихъ лѣтъ выливается въ совершенно опредѣленную форму исканія вождя, руководителя. Кто только не пользовался славой пророка за послѣднее время? Богостроители и богоискатели, буддисты и теософы, эпилептики и шарлатаны—всѣ испробовали свою власть надъ толпой, и только одно наше православное духовенство какъ будто хочетъ стоять въ сторонѣ отъ общаго возбужденія. А между тѣмъ всѣ условія жизни пастырей призываютъ ихъ къ духовному руководству. Самое положеніе пастыря въ приходѣ намѣчаетъ ему опредѣленное поле дѣятельности, небольшое по объему, но такое, гдѣ пастырь вполнѣ можетъ приложить всѣ свои силы и способности къ духовному руководствованію. Въ то же время каждый пастырь, организуя свою приходскую церковь, подчиняется единой великой организациі вселенской Церкви, заимствуя отъ нея характеръ своего руководства пасомыми. Такимъ образомъ ни одна организациа не имѣетъ столькихъ средствъ къ повсемѣстному и однообразному руководствованію народомъ, какъ Церковь. Трудъ пастыря, частнаго проводника въ народъ церковнаго ученія, облегчается, такимъ образомъ, повсемѣстностью такого проведенія. Пастырь «не одинъ въ полѣ воинъ», чего нельзя сказать о другихъ духовныхъ руководителяхъ народа.

Но эти условія, облегчающія пастырскій трудъ въ приходѣ, требуютъ отъ него строгаго и добросовѣстнаго труда. Пастырь въ приходѣ одинъ, паства у него небольшая, живетъ онъ на виду у всѣхъ, поэтому и жизнь его не должна подавать прихожанамъ ни малѣйшаго соблазна. Онъ не долженъ дѣлать ничего такого, что было бы *не на пользу прихожанамъ*. А будетъ ли имъ на пользу уклоненіе пастыря отъ физическаго труда? Несомнѣнно, уклоненіе пастыря отъ труда производитъ соблазнъ. Вспомнимъ, что въ этомъ духѣ ведутся нѣкоторые нападки сектантовъ на православное духовенство, а къ голосу сектантовъ теперь внимательно прислушиваются въ деревнѣ.

Поэтому, тѣлесный трудъ *сельскаго* пастыря въ настоящее время имѣетъ огромное моральное значеніе. Независимо отъ того, что онъ лишнимъ звеномъ связываетъ пастыря и пасомаго, онъ открываетъ еще пастырю новую область руководства надъ пасомымъ. Это руководство выразится, прежде всего, въ воспитаніи въ трудящемся *уваженія къ своему труду*. Такого уваженія сейчасъ въ деревняхъ почти нѣтъ, а если оно и было, то сильно упало! Прежде крестьянъ тянуло

въ деревню со всякой даже прибыльной службы. Теперь ихъ, особенно молодое поколѣніе, тянетъ вонъ изъ деревни, на фабрики и заводы. Такое неуваженіе къ своему труду есть великое социальное зло. Оно, возбуждая людей къ болѣе легкому и обильному заработку, толкаетъ ихъ на преступленія и разжигаетъ классовую вражду. Пастырь долженъ бороться съ этимъ неуваженіемъ къ собственному труду и словомъ, а еще болѣе примѣромъ, такъ какъ масса вообще склонна требовать отъ учителя, чтобы онъ жилъ по своему ученію. Развѣ лучше, когда уваженіе къ труду воспринимается въ народѣ врагами Церкви, социалистами?

Но руководство пастырей насомыми въ области физическаго труда не исчерпывается одной моральной его стороною. Сельскій трудъ не есть уже такой проклятый и неблагородный трудъ, какъ полагаютъ нѣкоторые. Бѣдность крестьянъ зависитъ не столько отъ малоземелья, сколько отъ невѣжества, отъ примитивнаго веденія. Въ настоящее время это признано правительственными и интеллигентскими кругами и это признаніе положено въ основу сельско-хозяйственнаго просвѣщенія народа. Это просвѣщеніе пытаются проводить и чрезъ школу и чрезъ распространеніе книгъ по сельскому хозяйству, но самый лучший путь—это, безъ сомнѣнія, личный примѣръ. Кому же и подать такой примѣръ, какъ не пастырямъ? У нихъ есть церковная земля; не такъ ужъ ея много, чтобы крестьяне почувствовали недовѣріе къ ихъ опытамъ, какъ чувствуютъ недовѣріе къ хозяйственнымъ опытамъ помѣщиковъ, но и не такъ мало, какъ у крестьянъ, такъ что для опытовъ есть извѣстный просторъ. Проводя, такимъ образомъ, въ народѣ сельско-хозяйственныя знанія, пастыри сдѣлаютъ хорошее, христіанское дѣло. Оно будетъ согласно какъ съ высокимъ взглядомъ Церкви на физическій трудъ, такъ и съ званіемъ пастыря, призваннаго благотворить не только духовно, но и тѣлесно. А то и такъ многіе упрекаютъ пастырей въ томъ, что, по ихъ отсталости, прихожане многого хорошего, что могли бы получить изъ чистаго церковнаго источника, получаютъ изъ зараженнаго источника различныхъ революціонныхъ ученій.

Долженъ священникъ трудиться и ради собственнаго пропитанія. Въ древней Церкви, какъ мы знаемъ, дозволялся и даже рекомендовался такой трудъ. Нашимъ пастырямъ, обремененнымъ многочисленными семействами, не хватаетъ тѣхъ средствъ, которыя можетъ дать ему приходъ. Ему остается два выхода, или просить, въ той или иной формѣ, или работать своими руками. Приличнѣе и естественнѣе второе, если есть, конечно, время и силы. Наконецъ, если

даже приходскихъ средствъ и хватаетъ для содержанія пастыря и его семьи, то онъ можетъ трудиться для помощи бѣднымъ. Вопросъ о пастырской помощи бѣднымъ крайне важный и жизненный вопросъ. Апостольскія постановленія и вообще церковныя правила предписываютъ пастырямъ помощь бѣднымъ въ очень широкихъ размѣрахъ (Кн. 2 гл. 64 стр. 121)—въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что это не подъ силу современному пастырю, при современныхъ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ. Современный священникъ такъ стѣсненъ матеріально, что его помощь бѣднымъ, большою частью, не можетъ идти дальше денежной мелочи или куска хлѣба. Если же священникъ пожелаетъ производить помощь бѣднымъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, ему можетъ придти на помощь физическій трудъ.

Физическій трудъ необходимъ и какъ физическое упражненіе. Есть люди, которые считаютъ физическое развитіе не только ненужнымъ пастырю, но даже вреднымъ, «богопротивнымъ». Такъ, недавно одни шутники высмѣивали въ газетѣ преподаваніе въ духовныхъ семинаріяхъ гимнастики. Такъ какъ эти люди выдаютъ себя за защитниковъ православія, то отвѣтимъ имъ словами двухъ великихъ учителей православія—Василія Великаго и Іоанна Златоустаго. Первый изъ нихъ предписываетъ «не приводить тѣла въ безсиліе» даже *излишествомъ воздержанія*. Ибо еслибы хорошо было изнемогать тѣломъ и лежать дышащимъ мертвецомъ, то, конечно, Богъ въ началѣ сотворилъ бы насъ такими. Если же не такими сотворилъ, то, конечно, что призналъ хорошимъ, то и сдѣлалъ. А если хорошо сдѣлалъ, то грѣшатъ тѣ, которые хорошо сотвореннаго не хранятъ, какъ могутъ. И изъ законовъ природы, и изъ Божественныхъ писаній, и изъ жизни Спасителя нашего—отовсюду явствуется, что гораздо лучше и полезнѣе имѣть крѣпкое тѣло и содержать его въ дѣятельности для добрыхъ дѣлъ, а не доводить произвольно до бездѣйствія». «Если предстоятель бережетъ свое тѣло»,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, какъ бы въ лицо современнымъ противникамъ физическаго развитія духовенства,—«то ужели должно порицать его за то? Развѣ ты не знаешь, что немощь тѣлесная (въ предстоятель) вредитъ какъ намъ, такъ и Церкви? Если бы мы совершали добродѣтель одною душою, то намъ, конечно, не нужно было бы заботиться о тѣлѣ. А если и оно (тѣло) много участвуетъ въ добродѣтели, что не безумно ли пренебрегать имъ?» Христіанское умерщвленіе плоти не одно и то же, что умерщвленіе тѣла. «Плоть»—терминъ ап. Павла, обозначающій сатанинское, враждебное Богу начало въ человѣкѣ,—его страсти и похоти. Это начало, эти страсти и похоти мы и должны умерщвлять въ себѣ. Средствомъ,

къ тому иногда служить воздержаніе, изнуреніе тѣла. Умерщвленіе же тѣла въ вульгарномъ смыслѣ, ненависть къ его силѣ, красотѣ и здоровью, крайнее и безцѣльное изнуреніе его есть, по христіанскому ученію, самоубійство, тяжкій смертный грѣхъ.

Итакъ, занятіе земледѣліемъ есть самый древній, распространенный и почтенный тѣлесный трудъ для пастыря. Образцовое занятіе имъ (а таковымъ и должно быть пастырское занятіе) въ настоящее время очень нужно деревнѣ. Пропагандируемое теперь интенсивное полевое хозяйство едва ли успѣшно пойдетъ безъ посредства и содѣйствія мѣстныхъ просвѣщенныхъ земледѣльцевъ. Хорошо, если бы таковыми оказались пастыри Церкви. Къ счастью, такіе пастыри уже являются. Такъ, въ прошломъ году нѣкоторые священники Орловской епархіи дѣлали опыты грядковой культуры хлѣбовъ. Кромѣ земледѣлія, сельскому пастырю полезно и удобно заниматься садоводствомъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ.

Конечно, пастырь хорошо долженъ помнить границы, до которыхъ можетъ производиться тѣлесный трудъ. Онъ знаетъ, что трудъ этотъ является пастырскимъ занятіемъ только въ свободное время; лишь только дѣло пастырства потребуеть къ себѣ пастыря. тѣлесный трудъ долженъ быть оставляемъ. Впрочемъ, мѣру въ трудѣ укажетъ каждому пастырю его собственная просвѣщенная совѣсть.

Какъ бы то ни было переживаемое нами время обязываетъ наше духовенство показать себя народу какъ въ трудѣ духовномъ, такъ въ трудѣ и бдѣніи физическомъ, обязываетъ его съять сѣмена Слова Божія въ сердца людей, но въ то же время раздѣлять съ народомъ трудъ въ сѣянніи сѣмянъ вещественныхъ на поляхъ: то и другое дѣло будетъ спасительно для пастырей, воспитательно для пасомыхъ... («Правосл. Под.»).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Б. И. Гладковъ. Евангельская Исторія, составленная словами Св. Евангелистовъ. Съ 152 рисун. Учебное пособіе къ изученію Священной исторіи Новаго Заветъа. 1913 годъ, С.-Петербургъ. Изданіе Б. И. Гладкова. Стр. 1—447. (Цѣна 4 р. въ изящ. перепл.).

Никакими словами не изобразишь Евангельской исторіи лучше, проще, величественнѣе, вдохновеннѣе и трогательнѣе, чѣмъ какъ она представляется подлинными текстами Св. боговдохновенныхъ Евангелистовъ. Очевидно, этимъ убѣжденіемъ руководился составитель

и издатель этой замѣчательной и первой у насъ книги. Умно, правильно и тщательно подобраннымъ текстомъ изъ четырехъ евангелій составитель излагаетъ всю исторію, во всѣхъ ея событіяхъ, земной жизни Господа Іисуса Христа. Къ этому онъ присоединилъ и первыя событія изъ Апостольской исторіи, кончая призваніемъ Св. Ап. Павла, также излагаемой текстами Дѣяній Апостольскихъ. Только на страницахъ 3—6 онъ, какъ бы въ видѣ вступленія въ Евангельскую исторію, говоритъ о происхожденіи и воспитаніи при храмѣ Пресв. Богородицы словами Церковнаго преданія. Въ обильныхъ извлеченіяхъ изъ Св. Евангелій онъ излагаетъ такъ же и всѣ главнѣйшія и назидательнѣйшія бесѣды и притчи Господа. Текстъ книги всюду въ подробностяхъ сопровождается цитатами: откуда взято то или другое извлеченіе. Въ такомъ изложеніи Евангельская исторія здѣсь изображается безъ всякихъ прибавленій и изъясненій,—но глубоко внушительно, такъ, какъ бы подлинно мы слышали слова Самого Господа и самихъ Апостоловъ. Мысль автора, издавшего такую книгу, чрезвычайно удачна. Выполнена же она великолѣпно во всѣхъ отношеніяхъ. Издана книга изящно и роскошно. Бумага, шрифтъ, перелетъ—безукоризненны, опечатокъ весьма немного. Но особенное богатство изданія заключается въ массѣ великолѣпныхъ рисунковъ, приложенныхъ въ тексту въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Рисунки выбраны лучшихъ и знаменитѣйшихъ художниковъ русскихъ и иностранныхъ. Исполнены они чисто, отчетливо и изящно.

Мы обращаемъ вниманіе всѣхъ любителей религіозно-назидательнаго чтенія на это прекрасное изданіе, доказывающее любовь, тонкое пониманіе и благоговѣйное вниманіе автора этой книги къ предметамъ нашей вѣры.

Игорь Грабарь. Исторія Русскаго искусства. Изданіе I. Кнебель. Москва. 1—40 выпусковъ. Вышли 1—19. Цѣна выпуска 1 р. 60 к. безъ переплета.

При всей своей дороговизнѣ это исключительное изданіе должно привлечь къ себѣ и исключительное вниманіе просвѣщенныхъ ревнителей русскаго искусства. Мы даемъ о немъ замѣтку здѣсь потому, что въ области изслѣдованія памятниковъ родного церковнаго искусства это у насъ первое и чрезвычайно богатое по матеріалу изданіе. Оно должно быть настольнымъ для всякаго, кто прикосновененъ къ вопросамъ церковной архитектуры, иконописи, религіозной скульптуры и живописи. Въ вышедшихъ выпускахъ дается богатѣйшій матеріалъ по уясненію происхожденія, развитія, характера и мѣнявшихся теченій нашего отечественнаго церковнаго зодчества: древне-киевскаго,

новгородско-псковскаго, суздальскаго, московскаго, украинскаго, бароко, классическаго и современнаго. Статьи по этой части здѣсь содержательны, составлены специалистами, интересны выводами и сближеніями. Они научны и изложены въ прекрасной литературной формѣ. Авторъ этого изданія, художникъ Игорь Грабарь, совершаетъ колоссальный трудъ по изученію и популяризаціи роднаго искусства. Чрезвычайная же роскошь этого изданія заключается въ массѣ всевозможныхъ иллюстрацій и художественныхъ приложеній, исполненныхъ съ такою тщательностію и умѣньемъ, какими отличаются только первоклассныя художественныя изданія иностранныя.

И. П. Ювачевъ. Тайны Царства Небеснаго. Сиб. 1910 г. стр. 1—129.
Цѣна 1 р.

Эта недавно изданная книга составлена изъ религіозно-назидательныхъ статей, печатавшихся въ журналѣ «Отдыхъ Христіанина». Статьи эти представляютъ собою сжатые, но чрезвычайно живые и проникновенныя разсужденія—задушевныя бесѣды по изъясненію тайнъ Царства Божія—небеснаго и земнаго. Почвою и исходной точкою этихъ искреннихъ бесѣдъ служитъ Библия—Слово Божіе. Авторъ книги хочетъ, чтобы статьи этой книги приучили, приохотили народъ къ чтенію Библии и къ Библейскому уясненію для себя самыхъ важныхъ и глубочайшихъ предметовъ вѣры и жизни, тѣхъ предметовъ, которые побуждаютъ мало-мальски мыслящаго человѣка давать себѣ отчетъ во всемъ переживаемомъ имъ и всѣмъ человѣчествомъ. Искренность и глубина разсужденій автора, оригинальность и талантливость въ освѣщеніи «тайнъ» Царствія Божія и «тайнъ жизни», понятный, литературный и красивый языкъ изложенія, краткость, возбуждающая мысль и любознательность читателя,—дѣлаютъ эту книгу весьма интересной и поучительной для образованнаго христіанина.

Книга издана весьма хорошо. Крупный шрифтъ, лучшая бумага, нарядно украшенная книга. Она снабжена 130 хорошо выполненными рисунками на евангельскія—религіозныя темы. Цѣна ея весьма не дорога сравнительно съ достоинствами изданія. Появленіе этой книги въ печати было встрѣчено весьма сочувственными и одобрительными отзывами.

А. Шилтовъ проф. д-ръ мед. „Гдѣ и какъ нужно искать живого Бога“. Харьковъ. 1910 г. Стр. 1—73. Ц. не обозначена.

Содержаніе книги: Религіозный скептицизмъ ученыхъ и его причины. Современное богословіе примыкаетъ къ опытнымъ наукамъ. Историческій и экспериментальный методы въ современной на-

учной теологіи. Достоверность историческаго христіанства. Внутренній опытъ какъ вѣрный путь для возрожденія человѣка. Сила и результатъ молитвы, какъ доказательство бытія живого Бога. Исканіе живого Бога. Религіозная вѣра, какъ источникъ непреходящаго счастья. Пути для распространенія христіанства. Стремленіе къ единенію съ живымъ Богомъ, какъ неистребимая потребность человѣческаго духа и какъ неизблемый внутренний фактъ, не можетъ быть опровергаемою никакою наукою.

О книгѣ нужно сказать: малъ золотникъ, да дорогъ. Она исполнена глубокаго интереса. Авторъ ея—свѣтскій человѣкъ, широкой и серьезной учености, специалистъ медицины. Ученость и широкая образованность сочетались въ немъ съ глубокой, искренней, живой вѣрой въ Бога и Спасителя Христа. Въ настоящее время душа русскаго свѣтскаго человѣка въ значительной степени загадка. Трудно разобратъ въ томъ, что въ ней творится. Эта книга раскрываетъ намъ отчасти душу тѣхъ лучшихъ и наиболѣе крѣпкихъ русскіхъ интеллигентовъ, которые въ хаосѣ современной жизни устояли въ истинѣ и правдѣ. Проф. А. Шилтовъ задушевно излагаетъ предъ нами ходъ мыслей ученаго защитника вѣры противъ свѣтскаго, въ общемъ легковѣснаго и безпечнаго, невѣрія. Читаешь эту книгу съ наслажденіемъ, и чувствуешь, какъ съ развитіемъ здѣсь выводовъ сообщается читателю чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія и приобрѣтается душевный миръ и равновѣсіе. Въ этомъ впечатлѣніи, какое она даетъ всякому читателю, заключается невѣсомая, но безцѣнная ея цѣнность. Съ признательностію надобно отнестись къ автору, опубликовавшему эту маленькую неповѣдь вѣрующаго интеллигента.

Прот. П. Ѡ—нъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я :

„ДАРОСУШИТЕЛЬНИЦЫ“

согрѣваемая прессованнымъ кадильнымъ углемъ. Сѣтка серебр. вызолоченная.

ЦѢНА: 16 р. 50 к., 20 р., 25 р., 30 р., 95 р. и 150 руб.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ:

Складъ Даросушительницъ при О-вѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной церкви: **СПБ., Стремянная 20.**

БРОШЮРЫ съ отзывами духовенства высылаются по первому требованію **БЕЗПЛАТНО.**

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведения Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“, Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“.— В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизации“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— Статьи объ антихриствѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. П. Липицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“ Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

==== Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

====
Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

====
Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшневъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминъ.